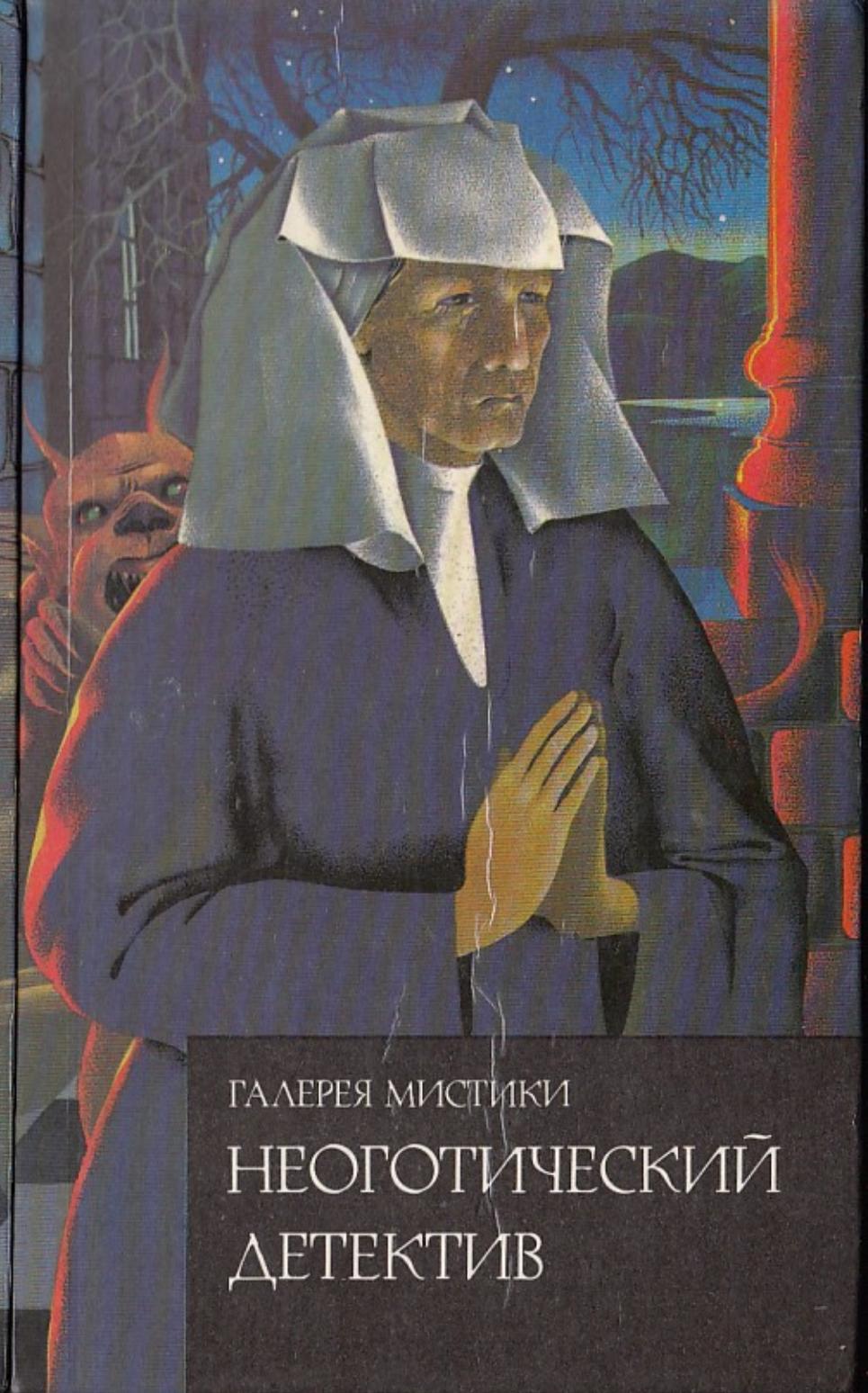

НЕОГОТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ
НЕОГОТИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Неоготический
демектив

серия
ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ

“ДЕКОМ” Нижний Новгород

“ИМА — пресс” Москва

1993

Перевод с английского
Художник *M. Широков*

Неоготический детектив: М. Миллар. Совсем как ангел; М. Р. Райнхарт. Винтовая лестница. — 1993, 456 с.

Действие психологического триллера американской писательницы Маргарет Миллар «Совсем как ангел» разворачивается на мрачном готическом фоне, оттененном странным монастырем-башней. Необъяснимое исчезновение любящего мужа, его отсутствие в течение нескольких лет разрешаются катастрофой, когда в дело вмешивается старая монахиня из заброшенного лесного монастыря. Ее сомнения подвигают частного детектива Куинна взяться за расследование.

«Винтовая лестница» — один из лучших и, пожалуй, наименее жестоких романов Мэри Робертс Райнхарт. Летний отдых в деревне нарушает цепь загадочных убийств. Безумие одного человека и тайна запертой комнаты.

Н 4703040100—4
Д 05(03) — 93

ISBN 5-80050-012-6

© ИМА-пресс, 1993
Составление
© ДЕКОМ, 1993.
Оформление

Мэри Робертс Райнхарт

Винтовая лестница

ДОМ В ДЕРЕВНЕ

Это история о том, как одна старая дева средних лет выжила из ума, покинула своих домашних богов в городе, сняла меблированный дом на лето и оказалась втянутой в одно из тех загадочных преступлений, которые являются залогом счастья и процветания для всех наших газет и сыскных агентств. В течение двадцати лет я не знала никаких тревог и волнений в жизни. В течение двадцати лет по весне я наполняла землей ящики для цветов на карнизах, натягивала тенты над окнами, сворачивала ковры и накрывала мебель коричневыми чехлами. Ибо двадцать лет подряд в конце весны я прощалась с друзьями и, наблюдая за их поспешным бегством от жары, обретала восхитительный покой в каком-нибудь провинциальном городке, куда почта приходит три раза в день и регулярность водоснабжения не зависит от исправности резервуара на крыше.

А затем... безумие обуяло меня. Оглядываясь на месяцы, проведенные в Саннисайде, я удивляюсь тому, что вообще осталась жива. Во всяком случае душераздирающие переживания не прошли бесследно для моей внешности. Я стала совершенно седой. Лидди напомнила мне об этом только вчера, сообщив, что после ополаскивания головы слабым раствором синьки седые волосы приобретают вместо желтоватого серебристый оттенок. Я терпеть не могу, когда мне напоминают о неприятных вещах, и потому не скрыла раздражения.

— Нет, — отрезала я, — под старость лет я не собираюсь прибегать к помощи синьки, как, впрочем, и крахмала.

По утверждению Лидди, нервы ее расшатались окончательно за то ужасное лето — но, видит бог, она несколько преувеличивает! И когда она начинает носиться с какой-нибудь очередной опухолью в горле, мне стоит только пригрозить ей возвращением в Саннисайд — и все болезни с нее как рукой снимает, каковое обстоятельство свидетель-

«The Circular Staircase» by Mary Roberts Rinehart.

© 1968 by Mary Roberts Rinehart
Dell Publishing Co., Inc., N. Y., U. S. A.

© Перевод с английского М. Куренной, 1993

ствует о том, что упомянутое лето сказалось на состоянии ее здоровья самым благотворным образом.

Пресса освещала события односторонне и неполно (в одной статье обо мне упомянули лишь вскользь — да и то всего как о съемщике дома, случайно оказавшемся на месте преступления), посему я чувствую себя обязанной рассказать об этой истории все, что мне известно. Мистер Джемисон, следователь, сам признавал, что едва ли справился бы с этим делом без меня, хотя в интервью для прессы он не старался подчеркнуть мои заслуги.

Начать повествование я хочу с описания событий, имевших место несколько лет назад — а точнее, тринацать. В то время умер мой брат и оставил мне двух своих детей. Хэлси тогда было одиннадцать лет, а Гертруде — семь. Все обязанности материнства свалились на мои плечи совершенно неожиданно: в искусстве быть матерью необходимо совершенствоваться ровно столько лет, сколько живет ребенок — так человек, взвалив на спину теленка, в конце пути обнаруживает у себя на плечах быка. Однако я сделала все, что могла. Когда Гертруда выросла из косичек и ленточек, а Хэлси попросил купить ему булавку для галстука и начал носить длинные брюки, я отослала детей в хорошие школы. После этого обязанности мои свелись в основном к почтовым отправлениям в виде писем плюс трем летним месяцам, в течение которых мне приходилось обновлять гардероб подопечных, просматривать списки их знакомых и вообще извлекать свое пропахшее нафталином материнство на свет божий после их девятимесячного забвения.

Позже, когда дети учились в пансионе и колледже и большую часть времени проводили с друзьями, мне очень не хватало их летом. Постепенно я обнаружила, что имя мое, проставленное на чеке, радует детей даже больше, нежели оно же в конце письма, однако продолжала регулярно писать им. Но когда Хэлси закончил курс электротехники, а Гертруда вышла из пансиона и оба вернулись домой, — все внезапно переменилось в моей жизни. Всю первую зиму совместного существования я только тем и занималась, что сидела допоздна на каких-то приемах, дабы отвезти девочку домой, водила ее по портным и распугивала недостойных, с моей точки зрения, юнцов, у которых было либо больше денег, чем мозгов, либо больше мозгов, чем денег. Кроме того, я овладела множеством полезных навыков, как, например, говорить «пеньюар» вместо «ха-

лат» и «бюстгальтер» вместо «лифчик». Плюс ко всему я узнала, что безусые неучи называются теперь не студентами, но джентльменами с университетским образованием. За Хэлси не требовалось столь пристального наблюдения — и поскольку оба они в ту зиму вступили в права владения материнским наследством, обязанности мои по отношению к воспитанникам приобрели характер чисто моральный.

Мальчик, конечно, купил машину, и я научилась сначала прикреплять к шляпке густую серую вуаль, а в скором времени — не глязеть на задавленных собак. Люди склонны вытворять со своими четвероногими друзьями самые некрасивые вещи.

Все упомянутые дополнения к моему образованию сделали из меня вооруженную всеми необходимыми навыками незамужнюю тетушку, и к весне я стала вполне говорчивой. Поэтому, когда Хэлси предложил провести лето в палаточном городке в Адирондаксе, а Гертруда выразила желание отдохнуть в Бар-Харбор, мы сошлись на компромиссном решении и договорились снять хороший загородный дом неподалеку от приличного поля для игры в гольф, не лишив себя возможности при этом быстро добираться до ближайшего города на машине и в случае необходимости вызвать врача по телефону. Таким образом мы оказались в Саннисайде.

Мы отправились осматривать летнюю резиденцию и пришли к выводу, что она вполне заслуживает свое название *. Веселый вид особняка не наводил ни на какие мрачные мысли. Единственное обстоятельство несколько удивило меня: домоправительница, оставленная здесь хозяевами, за несколько дней до нашего прибытия перебралась жить в сторожку. А поскольку последняя стояла довольно далеко от особняка, мне показалось, что пожары или воры могут беспрепятственно вершить свою разрушительную работу в Саннисайде хоть всю ночь напролет. Само поместье было весьма обширно: дом стоял на вершине холма, по склону которого длинные зеленые лужайки и подстриженные живые изгороди тянулись к проселочной дороге. За долиной, на расстоянии примерно двух миль от Саннисайда, находился клуб «Гринвуд». Хэлси и Гертруда пришли в дикий восторг.

— Послушай, это же все, о чем ты мечтала! — сказал Хэлси. — Прекрасный пейзаж, свежий воздух, чистая вода

* Sunnyside — солнечная сторона.

и хорошая дорога. Что же касается особняка, то в нем можно разместить целый госпиталь. К тому же передний фасад его напоминает о временах королевы Анны, а задний — временах Мэри Энн.

Последнее утверждение я сочла просто нелепым, поскольку здание представляло собой чистейший образец архитектуры елизаветинской эпохи.

Конечно, мы сняли Саннисайд на лето. Особняк этот — слишком просторный и уединенностью своей усложнявший проблему прислуги — не отвечал моим представлениям о полном комфорте. Но, несмотря на все последующие события, я никогда не винила Гертруду и Хэлси в том, что они затащили меня туда. И еще одно: если имевшие там место ужасные происшествия не послужили ничему иному, то по крайней мере они заставили меня понять, что как-то, откуда-то — вероятно, от какого-то полудикого предка, который ходил в овчих шкурах и выслеживал зверей на охоте, — мне передался инстинкт преследователя и ловца. Будь я мужчиной, я, конечно, занималась бы поимкой преступников столь же азартно, как мой далекий предок занимался охотой на диких кабанов. Но будучи незамужней женщиной, со всеми слабостями, присущими моему полу, я надеюсь, что мое первое знакомство с преступлением явится и последним. В действительности оно запросто могло явиться моим последним знакомством вообще с чем бы то ни было на этом свете.

Владел поместьем Пол Армстронг, президент Торгового банка. В то время когда мы сняли особняк, он отдыхал на Западе с женой, дочерью и доктором Уокером, их семейным врачом. Хэлси был знаком с Луизой Армстронг и в течение минувшей зимы оказывал ей многочисленные знаки внимания. Но поскольку мальчик постоянно проявлял к кому-нибудь повышенный интерес, я не сочла это серьезным, хотя и находила Луизу очаровательной девушкой. Имя мистера Армстронга мне было известно лишь в связи с банком, в котором помещалась большая часть состояния детей, и в связи с некрасивой историей, касающейся его сына, Арнольда Армстронга. Последний, поговаривали, подделал на каких-то банковских документах подпись отца с целью получить значительную сумму денег. Впрочем, история эта совершенно меня не интересовала.

Я отправила Хэлси и Гертруду в гости на несколько дней, а сама выехала в Саннисайд первого мая. Состояние дорог оставляло желать лучшего, но листья на деревьях уже рас-

пустились и на клумбах вокруг особняка цвели тюльпаны. В лесах благоухали земляничные деревья. А выйдя из машины, которая застряла в грязи по дороге от железнодорожной станции, находящейся приблизительно в миле от Саннисайда, я обнаружила на склоне холма ковер из крохотных незабудок. Птицы — не спрашивайте, какие именно, ибо все они кажутся мне совершенно одинаковыми, если не имеют какой-нибудь специфически яркой окраски, — так вот, птицы чиркали в живых изгородях, и все вокруг дышало покоем. Лидди, которая родилась и выросла среди мощенных улиц города, впала в уныние, когда сверчки начали стрекотать или скрести ногами одна о другую, или что они там еще делают с наступлением сумерек.

Первая ночь прошла без особых потрясений. Я всегда с благодарностью вспоминаю ту единственную спокойную ночь. Она доказывает, насколько прекрасной и безмятежной при благоприятных условиях может быть жизнь в сельской местности. Впоследствии я ни разу не опустила голову на подушку с уверенностью, что она долго пробудет на ней или на моих плечах, если уж на то пошло.

На следующее утро Лидди и миссис Ральстон, моя собственная домоправительница, разошлись во мнениях по какому-то вопросу, и последняя отбыла одиннадцатичасовым поездом. Сразу после завтрака у Берка, дворецкого, начались колики в правом боку (причем боль резко обострялась, как только я появлялась в пределах слышимости от него), и после полудня он также отправился в город. В тот же вечер сестра поварихи разрешилась ребенком, и повариха, заметив выражение нерешительности на моем лице, по некотором размышлении превратила ребенка в целую двойню. Короче, к вечеру следующего дня штат прислуги сократился до Лидди и меня самой. И это в доме из двадцати двух комнат с пятью ванными!

Лидди немедленно выразила желание покинуть Саннисайд вслед за остальными, но мальчишка-молочник сказал, что Томас Джонсон, чернокожий дворецкий Армстронгов, работает сейчас официантлом в клубе «Гринвуд» и может вернуться в особняк. Обычно совесть не позволяет мне принуждать чужих слуг к работе, хотя мало кто из нас отличается особой щепетильностью в отношении учреждений и корпораций, судя по тому, как мы надуваем железнодорожные и трамвайные компании при случае, — посему я позвонила в клуб, и около восьми часов вечера Томас Джонсон явился в Саннисайд. Бедный Томас!

В конце концов я наняла Томаса на работу за бешеные деньги, но он выговорил себе разрешение ночевать в сторожке, которая пустовала со временем сдачи особняка в аренду. Старик — седовласый и слегка сгорбленный, но с отчетливым представлением о чувстве собственного достоинства — изложил мне причины своего нежелания ночевать в особняке несколько неуверенным голосом.

— Я ничего не говорю, мисс Иннес,— сказал он, держась за дверную ручку,— но что-то странное творится здесь вот уже несколько месяцев. Вроде ничего особенного: то дверь скрипнет, то вдруг окно закроется ни с того ни с сего. А когда окна и двери начинают откалывать такие штуки без посторонней помощи, тогда Томасу Джонсону удобнее ночевать в каком-нибудь другом месте.

Лидди, которая в тот вечер не удалялась от меня на расстояние более десяти футов, и испугавшись собственной тени в спальне, размером с хороший амбар, тихо взвигнула и стала желто-зеленого цвета. Но меня не так просто испугать.

Тщетно пытались я растолковать Томасу, что мы с Лидди остаемся совершенно одни в огромном доме и ему нужно ночевать с нами. Он вежливо, но твердо отказался составить нам компанию, пообещав прийти на следующий день рано утром и в случае, если я дам ему ключ, приготовить какой-нибудь завтрак для нас. Я стояла на огромной террасе и смотрела вслед дворецкому, который удалялся по тенистой аллее, со смешанным чувством раздражения на его трусость и благодарности за то, что он вообще согласился работать у меня. Без стыда признаюсь: вернувшись в дом, я заперла входную дверь на два оборота.

— Ты можешь запереть все остальные двери и отправляться в постель, Лидди,— сурово сказала я.— У меня мурашки бегут по спине, когда ты стоишь с таким выражением лица. У женщины твоего возраста должно быть больше здравого смысла.

Как правило, Лидди берет себя в руки при упоминании о возрасте. Она уверяет, что ей сорок, но это просто нелепо,— ее мать служила поварихой у моего дедушки, а Лидди по меньшей мере моя ровесница. Но в тот вечер она категорически отказалась брать себя в руки.

— Но вы же не будете просить меня запереть все окна и двери? — дрожащим голосом проговорила она.— Ведь здесь дюжина французских окон в гостиной и бильярдной — и все они выходят на террасу. А Мэри Энн расска-

зывала, что прошлой ночью видела какого-то человека у конюшни, когда запирала кухонную дверь.

— Мэри Энн сморозила глупость,— сурово ответила я.— Если бы там действительно стоял человек, она бы пригласила его на кухню и в течение часа кормила бы остатками обеда по старой привычке. Ну, не дури. Запри все замки и отправляйся спать. Я собираюсь еще почитать.

Но Лидди поджала губы и не сдвинулась с места.

— Я не собираюсь ложиться спать,— заявила она.— Я собираюсь упаковать вещи и уехать завтра же в город.

— Ты не сделаешь ничего подобного,— отрезала я. Мы с Лидди часто испытываем желание расстаться, но желания наши никогда не совпадают по времени.— Если ты боишься, я пойду с тобой. Но, бога ради, не пытайся спрятаться за моей спиной.

Дом представлял собой типичную летнюю резиденцию, построенную с размахом. На первом этаже везде, где только можно было, архитектор отказался от стен, заменив их арками и колоннами. В результате там получилось много прохладного пространства при явной нехватке уюта. Мы с Лидди переходили от одного окна к другому и вздрагивали от гулкого эха собственных голосов. Первый этаж был хорошо освещен (особняк снабжала электричеством деревенская электростанция), но огромные уходящие в даль плоскости полированных полов и обилие зеркал, в которых мы отражались в самых неожиданных ракурсах, производили жутковатое впечатление. В конце концов глупые страхи Лидди отчасти передались и мне.

В плане здание представляло собой сильно вытянутый прямоугольник с главным входом в центре длинной стороны. Мощенная плиткой передняя выходила в небольшой вестибюль. Отделенная от последнего только рядом колонн, справа находилась огромная гостиная. Далее следовали столовая и бильярдная. За бильярдной, в самом конце правого крыла, находилась комната для игры в карты (или рабочий кабинет) с небольшим холлом при нем, который выходил на восточную террасу. Из этого холла на второй этаж вела узкая винтовая лестница. Хэлси был в полном восторге от нее.

— Ты только посмотри, тетя Рэчел! — он сопроводил свои слова выразительным жестом.— Архитектор, который проектировал этот дом, хорошо продумал кое-какие детали. Арнольд Армстронг и его друзья могут играть здесь в карты всю ночь напролет, а рано утром тащиться наверх,

в спальню, не заставляя перепуганных домашних спросонья звонить в полицию.

Мы с Лидди дошли до кабинета и включили все лампы. Я подергала маленьку входную дверь в холле, которая открывалась на террасу, и проверила окна. Все было надежно заперто, и Лидди, слегка успокоившись к этому времени, едва успела обратить мое внимание на неприлично пыльный пол, как вдруг свет погас. Несколько мгновений мы ждали. Думаю, Лидди оцепенела от страха — в противном случае она обязательно завизжала бы. А затем я схватила ее за руку и указала на одно из выходящих на террасу окон. В неожиданно наступившей темноте оно превратилось в вытянутый серый прямоугольник на фоне совершенно черной стены. За окном стояла человеческая фигура и пристально смотрела на нас. Когда я взглянула в ее сторону, она бросилась прочь через террасу и растворилась в ночной тьме.

ЗАПОНКА ДЛЯ МАНЖЕТ

У Лидди подкосились колени. Без единого звука она опустилась на пол, в то время как я, окаменев от изумления, продолжала пялиться в окно. Лидди начала тихонько подывать от ужаса. Я сильно тряхнула ее за плечо.

— Прекрати сейчас же! — прошептала я. — Это всего лишь какая-то женщина, возможно, служанка Армстронгов. Поднимись с пола и помоги мне отыскать дверь.

Новый стон послужил мне ответом.

— Отлично, — сказала я, — тогда мне придется оставить тебя здесь. Я ухожу.

При этих словах Лидди обрела способность двигаться и вцепилась мне в рукав. Натыкаясь на многочисленные препятствия, мы вернулись в бильярдную, а оттуда — в гостиную. Тут зажегся свет. Теперь за каждым французским окном мне мерещился в темноте человек, пристально следящий за нами, и муряшки ползали у меня по спине. Действительно, сейчас я могу утверждать с уверенностью, что весь тот жуткий вечер мы находились под постоянным наблюдением. Мы поспешили заперли остальные окна и двери и по возможности скорей поднялись наверх. Я оставила весь свет включенным, но эхо наших шагов звучало гулко и раскатисто, словно в пещере. От новообретенной привычки постоянно оглядываться через плечо с Лидди на сле-

дующий день случилась «кривошея». Кроме того, она отказалась идти спать.

— Позвольте мне остаться в вашей гардеробной, мисс Рэчел, — взмолилась она. — Если вы возражаете, я посижу в холле за дверью. Я не хочу принять смерть с закрытыми глазами.

— Если тебе суждено принять смерть, — отрезала я, — то нет никакой разницы, открыты при этом глаза или закрыты. Но ты можешь спать в гардеробной на кушетке. Ты страшно хранишь, когда спишь в кресле.

Оскорбиться на последнее замечание у Лидди просто не хватило сил, но спустя некоторое время она заглянула в спальню, где я готовилась заснуть с «Духовной жизнью» Друммонда.

— Это была не женщина, мисс Рэчел, — сказала она, держа тапочки в руках. — Это был мужчина в длинном пальто.

— Какая женщина была мужчиной? — обескуражила я ее, не поднимая взгляда от книги.

Лидди вернулась на кушетку.

Только к одиннадцати часам я, наконец, собралась заснуть. Несмотря на притворное бесстрастие, я заперла ведущую в холл дверь и, обнаружив, что щеколда верхней фрамуги сломана, осторожно подтащила к двери кресло (будить Лидди мне не хотелось). Взобравшись на него, я поставила на выступ рамы ручное зеркало — так, чтобы при малейшем сотрясении фрамуги оно с грохотом упало на пол. Приняв все необходимые меры предосторожности, я легла в постель.

Заснула я не сразу. Едва глаза мои начали слипаться, как Лидди вошла на цыпочках в спальню и заглянула под кровать. Заговорить со мной она не посмела из боязни получить очередной выговор и лишь остановилась на миг в дверях, дабы испустить горестный вздох.

Где-то на первом этаже напольные часы пробили одиннадцать тридцать, потом — одиннадцать сорок пять и наконец — двенадцать. Ровно в полночь во всем доме погас свет. Электрическая компания Казановы закрыла лавочку и отправилась на боковую. Вероятно, по случаю вечеринок и приемов местные жители давали служащим компании взятку, дабы те сидели, пили горячий кофе и уходили с работы на два часа позже. Но теперь свет погасили окончательно. Лидди скоро заснула, как я и предполагала. Она вообще крайне ненадежный и неудобный человек:

бодрствует и готова чесать языком, когда ее об этом не просят, и всегда засыпает в самый ответственный момент. Один или два раза я окликнула ее, но единственным ответом мне послужил оглушительный всхрап, представляющий серьезную угрозу для ее носоглотки. Я поднялась и зажгла свечу.

Моя спальня и гардеробная находились над огромной гостиной. На втором этаже по всей длине здания тянулся коридор, в который с обеих сторон выходили двери многочисленных комнат. Небольшие коридорчики в левом и правом крыле здания пересекали главный — план особняка был сама простота. Едва я успела снова подойти к постели, как из восточного крыла донесся отчетливый звук, который заставил меня, замерев на месте с полуусыпанным шлепанцем на одной ноге, прислушаться. Внизу раздался металлический лязг, и зловещее эхо его прокатилось по всем пустым залам, подобно поступи рока. Казалось, будто некий тяжелый предмет — вероятно, железный — скатился со звоном и грохотом по деревянным ступенькам винтовой лестницы, ведущей к рабочему кабинету.

В наступившей затем гробовой тишине Лидди заворачивалась во сне и снова захрапела.

Я почувствовала прилив раздражения: сначала она не дает мне заснуть своим дурацким хождением, а потом, когда надо, спит как Джо Джефферсон или Рип (никогда не видела особой разницы между ними). Я вошла в гардеробную и потрясла Лидди за плечо. Должна признать, весь сон с нее как ветром сдуло при первых же моих словах.

— Вставай, — сказала я, — если ты не хочешь быть убитой в своей постели.

— Где? Как? — возопила она в полную силу своих легких, садясь на кушетке.

— В доме кто-то есть, — сказала я. — Пошли. Нам нужно добраться до телефона.

— Только не в коридор! — бормотала Лидди, пытаясь удержать меня. — О, мисс Рэчел, только не в коридор! — Но я крупная женщина, а Лидди — маленькая. Кое-как мы добрались до двери. Лидди сжимала в руках медную подставку для дров в камине, готовая размозжить голову любому врагу. Я прислушалась, ничего не услышав, чуть приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Там царил непроглядный мрак, населенный самыми кошмарными порождениями фантазии, и свет моей свечи только подчеркивал густоту окружающей нас тьмы.

Лидди пронзительно взвизгнула и втянула меня обратно

в спальню. Когда дверь захлопнулась, зеркало, поставленное мною ра раму фрамуги, упало на голову Лидди. Это деморализовало ее окончательно. Мне не скоро удалось убедить Лидди, что она не подверглась сзади нападению затаившегося в спальне взломщика; но вид разбитого зеркала не придал ей бодрости духа.

— Это к чьей-то смерти! — принялась завывать она. — О, мисс Рэчел, кто-то умрёт в этом доме!

— И умрет, — мрачно подтвердила я. — если ты не возмешь себя в руки, Лидди Аллен.

Мы сидели в спальне до самого утра, гадая, погаснет свеча до рассвета или нет, и прикидывая, каким поездом удобнее возвращаться в город. Ах, почему мы передумали и остались в Саннисайде на свою голову?!

Наконец начало светать. Из окна спальни я смотрела, как призрачные тени медленно выступают из тьмы и постепенно превращаются в деревья — сначала серые, а потом зеленые. На склоне холма забелело пятнышко клуба «Гринвуд». Ранняя малиновка или две запрыгали в росистой траве.

Лишь одновременно с появлением молочника на дороге и солнца на небе я осмелилась открыть дверь в коридор и осмотреться. Все вещи стояли на своих местах: коридор застыл распакованные дорожные сундуки, еще не убранные в кладовую, и сквозь витражное окно в торцовой стене на пол лился красно-желтый дневной свет, в высшей степени жизнерадостный. Мальчишка-молочник колотил в дверь где-то внизу. День вступал в свои права.

Около половины седьмого по аллее к дому просеменил Томас Джонсон, и скоро мы услышали грохот открываемых на первом этаже ставней. Тем не менее мне пришлось проводить Лидди в ее комнату на третьем этаже, поскольку она не сомневалась, что обнаружит там нечто ужасное. Когда же ожидания ее не оправдались, она, заметно осмелевшая при свете дня, разочаровалась самым настоящим образом.

Короче, в тот день мы в город не вернулись.

Обнаружив же на полу в гостиной упавшую со стены небольшую картинку, Лидди окончательно убедилась в том, что ночная тревога была ложной. Но я не разделяла ее уверенности. Даже с поправкой на первое напряжение и обостренность слуха по ночам я не могла поверить, что сорвавшаяся с гвоздя картинка наделала столько шума. На всякий случай, однако, я уронила ее на пол снова. Раздался приглушенный треск деревянной рамки, и последняя тут же

рассыпалась в прах. Я попыталась оправдать себя следующим соображением: если Армстронги предпочитают вешать картины на стену кое-как и сдают дом в аренду с нагрузкой в виде фамильного привидения, то ответственность за уничтожение частной собственности лежит на них самих, а никак не на мне.

Я запретила Лидди рассказывать кому бы то ни было о ночном происшествии и позвонила в город с просьбой прислать в Саннисайд слуг. После завтрака, который делал больше чести сердцу старого Томаса, нежели его рассудку, я отправилась расследовать загадку. Ночные звуки доносились из восточного крыла — и не без некоторой тревоги я начала оттуда.

Сначала мне ничего не удалось обнаружить. С тех пор я значительно развila свою наблюдательность, но тогда делала первые шаги в криминалистике. В маленьком кабинете все вещи стояли на своих местах. Я поискала отпечатки пальцев, как требуют того общепринятые правила расследования, хотя последующий опыт доказал мне, что следы ног и отпечатки пальцев в качестве ключей к раскрытию преступления более полезны в художественной литературе, нежели в действительности.

Но винтовая лестница дала пищу для размышлений. На верху лестничного марша стояла высокая плетеная корзина с бельем. Она стояла на самом краю лестничной площадки, почти перегораживая дорогу, а на первой сверху ступеньке белела длинная свежая царапина, которая тянулась еще по трем, постепенно утоньшаясь — словно некий предмет падал с лестницы, ударяясь о каждый выступ. Затем шли четыре чистые ступеньки, а на пятой в твердой древесине осталась круглая выбоина. Ничего особенного, казалось бы, но я знала наверняка, что накануне этих следов не было.

Данное открытие подтвердило мою догадку относительно природы таинственных звуков: некий металлический предмет со стуком свалился по лестнице. На мой взгляд, подобные следы мог оставить, например, железный прут, который проехался острым концом по двум-трем ступенькам, подлетел, перевернулся и, вновь ударившись концом о ступеньку, с грохотом приземлился на пол.

Однако железные прутья не падают с лестниц среди ночи сами по себе. Наличие же некоего металлического предмета в сочетании с присутствием человека на террасе наводило на мысль о возможной природе ночного проис-

шествия. Но одно обстоятельство крайне смущало меня: все двери в то утро были заперты и все окна целы. В частности, дверь на восточную террасу запиралась на секретный замок, который утром не носил никаких следов взлома, а ключ от него находился у меня.

В качестве наиболее вероятной версии я выбрала попытку ночных грабежа со взломом, сорванную падением некоего тяжелого предмета. Две вещи оставались непонятными: как грабитель сумел выбраться из дома с наглухо запертymi дверями и окнами и почему он не прихватил с собой столовое серебро, оставленное на ночь внизу, в столовой.

Под предлогом того, что мне хочется получше познакомиться с Саннисайдом, я заставила Томаса провести меня по всем комнатам и даже подвалам особняка. Осмотр не дал никаких результатов. Все в доме содержалось в порядке и полной исправности: хозяева не пожалели денег на строительство и оборудование здания. Дом был со всеми удобствами, и у меня не возникло поводов сожалеть о заключенной с Армстронгами сделке. Меня смущало единственное: согласно природе вещей, день не мог длиться вечно и в скором времени должна была снова наступить ночь. И впереди нас ждало еще много ночей, а полицейский участок находился далеко от Саннисайда.

Ближе к вечеру из Казановы приехала бричка с новой сменой прислуги. Кучер, лихо завернув за дом на полной скорости, высадил пассажиров у черного хода и вернулся к парадным дверям, где я ждала его.

— Два доллара, — ответил он на мой вопрос о плате. — Я беру не по полному тарифу, поскольку подвожу людей сюда в течение всего лета — мне это выгодно даже со скидкой. Когда они сходят с поезда, я говорю себе: «Вот в Саннисайд прибыла очередная компания: повариха, горничная и прочие». Да, мэм, шесть сезонов подряд — и никто не задерживается здесь дольше месяца. Понятное дело: деревня, скука.

Но я с появлением очередной «компании» слуг воспрянула духом. А ближе к вечеру пришла телеграмма от Гертруды с сообщением, что они с Хэлси приедут из Ричмонда в Саннисайд на машине около одиннадцати часов этого вечера. Дела пошли на поправку, а когда моя кошка Бьюла, чрезвычайно смышленное существо, обнаружила на газоне возле дома молодые заросли кошачьей мяты и начала кататься по траве в полном кошачьем восторге, я решила, что жизнь на природе — стоящая вещь.

Когда я одевалась к обеду, Лидди постучала в дверь. Она еще не вполне пришла в себя, но втайне я подозревала, что больше всего ее беспокоят разбитое зеркало и связанные с ним дурные предзнаменования. Лидди вошла, зажав в кулаке какой-то предмет, и положила его на туалетный столик.

— Я нашла это в корзине с бельем,— сказала она.— Должно быть, ее потерял мистер Хэлси, но непонятно, как она там очутилась.

Это была дорогая и чрезвычайно красивая запонка для манжет. Я внимательно разглядывала ее.

— Где она была? На дне корзины?

— На самом верху,— ответила Лидди.— Счастье, что она не выпала оттуда по дороге.

Когда Лидди ушла, я принялась вертеть в руках запонку. Я никогда не видела ее прежде и с уверенностью могла утверждать, что эта вещь принадлежала не Хэлси. Запонка была итальянской работы, перламутровая, инкрустированная крохотными жемчужинами, нанизанными для надежности на конский волос. В центре ее находился маленький рубин. Безделушка производила впечатление старинной, но явно не представляла большой ценности. Меня заинтересовало следующее: Лидди нашла ее на самом верху корзины, которая перегораживала лестницу в восточном крыле здания.

В тот вечер домоправительница Армстронгов, приятная молодая женщина, попросила принять ее на место миссис Ральстон, и я с удовольствием сделала это. По первому впечатлению, эта женщина со сверкающими глазами и решительной челюстью стоила дюжины таких, как Лидди. Ее звали Энн Уотсон. В тот вечер я впервые за три дня пообедала.

ПОЯВЛЕНИЕ ДЖОНА БЭЙЛИ

Мне накрыли в комнате для завтраков, поскольку огромная столовая как-то угнетала меня. Томас — довольно жизнерадостный в течение дня — упал духом одновременно с заходом солнца. Старик имел раздражающую привычку пристально вглядываться в темные углы комнаты, освещенной лишь свечами на столе, да и сам обед не отличался особой изысканностью.

После обеда я пошла в гостиную. До приезда детей ос-

тавалось еще около трех часов, и я решила заняться вязанием. Я привезла с собой две дюжины пар подметок для ночных тапочек самых разных размеров (я всегда посылаю к Рождеству вязаные тапочки в Дом престарелых леди) и теперь села разбирать шерсть с угрюмой решимостью не думать о грядущей ночи. Но голова плохо слушалась меня. Через полчаса я обнаружила, что украсила голубой бахромой бледно-лиловые тапочки Элизы Кляйнефелтер, и отложила работу в сторону.

Я достала из кармана запонку и направилась с ней в буфетную. Там Томас вытирал посуду; в воздухе висел тяжелый запах табачного дыма. Я, принюхавшись, осмотрелась по сторонам, но трубки нигде не увидела.

— Томас,— спросила я,— ты курил?

— Нет, мэм,— он воплощал собой оскорблённую невинность.— Это моя куртка, мэм. Она пропахла табаком в клубе. Там джентльмены...

Но закончить Томас не успел. Буфетная внезапно наполнилась запахом паленой тряпки. Старик, схватившись за бок, метнулся к умывальннику, поспешно наполнил водой стакан и ловким, явно отработанным движением опрокинул его в правый карман.

— Томас,— укоризненно сказала я дворецкому, стыдливо подтирающему лужу на полу,— курение — порочная и вредная привычка. Однако, если тебе хочется курить, кури. Но никогда больше не прячь зажженную трубку в карман. Твоя кожа всецело принадлежит тебе, и ты волен распоряжаться ею как тебе угодно. Но Саннисайд не является моей собственностью, и пожар здесь мне совершенно не нужен... Ты когда-нибудь видел эту запонку?

Нет, он не видел. Однако старик посмотрел на безделушку как-то странно.

— Она валялась в холле,— небрежно сказала я.

Глаза старика настороженно блеснули под кустистыми бровями.

— Странные дела творятся здесь, мисс Иннес,— он неодобрительно покачал головой.— Что-то ужасное случится скоро в Саннисайде, вот увидите. Вы, наверное, не заметили, что напольные часы в холле остановились?

— Чепуха! — пожала я плечами.— Часы всегда останавливаются, когда у них кончается завод. Разве не так?

— Они заведены, но остановились в три часа прошлой ночью,— торжественно ответил старик.— Более того, они не останавливались целых пятнадцать лет — с тех самых

пор, как умерла первая жена мистера Армстронга. И это еще не все, мэм! В последнюю ночь, что я провел в доме, после того, как отключили электричество, мне было ниспослано знамение. Моя масляная лампа, полная масла, никак не хотела гореть. Стоило мне сомкнуть глаза, как она тут же гасла. Это к смерти — самая верная примета. В Библии сказано: «Пусть горит ваш светильник!» Когда же незримая рука гасит его, нужно ждать смерти. Точно говорю вам!

Глубокая убежденность звучала в голосе старика. Во-преки здравому смыслу я внутренне похолодела и вышла из буфетной, оставив Томаса зловеще бормотать над тарелками. Чуть позже из буфетной донеслись оглушительный грохот и звон, и Лидди сообщила, что Бьюла (она угольно-черного цвета) метнулась под ноги дворецкому как раз в тот момент, когда он поднял поднос с тарелками. Еще одна дурная примета доконала старика окончательно — и он уронил поднос.

Урчание поднимающейся по склону холма машины показался мне восхитительной музыкой, и вид Гертруды и Хэлси вселил в меня надежду, что все мои беды кончились раз и навсегда.

Гертруда, улыбаясь, стояла в вестибюле — шляпка лихо сдвинuta на одно ухо, волосы торчат во все стороны из-под розовой вуали. Гертруда очень привлекательная девушка, независимо от состояния своей шляпки, поэтому я совсем не удивилась, когда Хэлси представил мне симпатичного молодого человека, который вежливо поклонился в мою сторону, не спуская при этом глаз с Труды (этую дурацкую кличку девочка получила в пансионе).

— Я привез гостя, тетя Рэй! — сказал Хэлси. — Надеюсь, ты полюбишь его и занесешь в списки избранных, приглашаемых на уик-энд. Позволь представить тебе Джона Бэйли. Только называй его Джек. Через двенадцать часов он будет называть тебя тетушкой, я его знаю.

Я протянула мистеру Бэйли руку и получила возможность рассмотреть гостя получше. Это был высокий молодой человек лет тридцати с тонкими усиками. Помню, я удивилась, зачем они ему: у него были красивые рот и зубы, как выяснилось при первой же его улыбке, гораздо лучше среднего. Никто не может объяснить, почему некоторые мужчины так любят разводить беспорядок на верхней губе. Во всех остальных отношениях гость мне очень понравился: высокий, загорелый, с прямым откровенным взглядом.

Я так подробно описываю мистера Бэйли, потому что он сыграл немаловажную роль в последующих событиях.

Гертруда утомилась в пути и почти сразу же отправилась спать. Я решила ничего не рассказывать детям до следующего утра — да и вообще не сгущать краски. В конце концов о чем я могла рассказать? Об излишне любопытном человеке за окном? О раздавшемся ночью шуме? О царапине на ступеньках и запонке? Томас с его зловещими предсказаниями просто суверен до чертиков.

Был вечер субботы. Мужчины сидели в бильярдной, и, поднимаясь наверх, я услышала обрывок их разговора. Похоже, Хэлси останавливался у клуба «Гринвуд», чтобы заправиться бензином, и встретил там Джона Бэйли в толпе игроков в гольф. Уговорить молодого человека погостить в Саннисайде оказалось нетрудно — вероятно, Гертруда знала, почему. И вот дети привезли гостя с собой.

Я разбудила Лидди с тем, чтобы она приготовила мальчикам ужин (Томас находился вне пределов досягаемости, в сторожке), и проигнорировала выражение ужаса, появившееся на ее лице при мысли о необходимости идти на кухню. Наконец я улеглась в постель. Джон и Хэлси еще сидели в бильярдной, когда я задремала. Уже сквозь сон я услышала протяжный вой собаки где-то по соседству. Горестный вой нарастал крещендо, потом постепенно затихал и внезапно возобновлялся с новой силой.

В три часа утра меня разбудил револьверный выстрел. Звук раздался будто прямо за дверью моей спальни. Несколько секунд я не могла пошевелиться. Потом услышала какой-то шорох в комнате Гертруды, и в следующий момент она распахнула смежную дверь.

— О, тетя Рэй! Тетя Рэй! — истерически прокричала она. — Кого-то убили! Убили!

— Воры, — кратко констатировала я. — Слава богу, сегодня в доме есть мужчины.

Пока я надевала тапочки и халат, Гертруда трясущимися руками зажигала лампу. Мы вышли в коридор: на верхней лестничной площадке толпились служанки с белыми от страха лицами во главе с Лидди. Они встретили меня тихими вззвизгиваниями и дурацкими вопросами. Я постаралась успокоить их. Гертруда упала в кресло и сидела там, дрожащая и совершенно обессиленная.

Я сразу же направилась через коридор к спальне Хэлси и, поступив, распахнула дверь. Комната была пуста, а в постель еще никто не ложился с вечера.

— Должно быть, он у мистера Бэйли,— возбужденно сказала я и в сопровождении Лидди прошествовала к спальне гостя. В ней, как и в комнате Хэлси, никого не было. Гертруда уже обрела способность держаться на ногах, но ей пришлось прислониться к косяку, чтобы не упасть.

— Их убили,— выдохнула она, а потом схватила меня за руку.— Может быть, их только ранили, и мы должны найти их!

Глаза ее расширились от волнения и страха.

Не помню, как мы спустились вниз. Каждую минуту я ожидала нападения убийцы. Повариха звонила по телефону на втором этаже в клуб «Гринвуд», а Лидди болтала позади меня, боясь идти за мной, но и не в силах оставаться на месте.

В гостиной и смежном с ней зале мы не нашли ничего подозрительного. Однако я предчувствовала, что все ужасные открытия ждут нас в рабочем кабинете или на винтовой лестнице; идти вперед меня заставляла лишь мысль о том, что Хэлси находится в опасности. При каждом шаге колени мои подгибались. Гертруда шла нёмного впереди. Войдя в кабинет, она остановилась, высоко подняв свечу, а потом молча указала в сторону ведущей в холл двери. Там на полу ничком лежал человек с раскинутыми руками.

Гертруда со сдавленным рыданием бросилась к нему.

— Джек! О, Джек!

Лидди с диким визгом умчалась прочь, и мы с девочкой остались вдвоем. Именно она решилась наконец перевернуть тело, и мы увидели белое лицо убитого. Гертруда глубоко вздохнула и бессильно опустилась на колени. Перед нами лежал мужчина — джентльмен в смокинге и белом жилете, запачканном сейчас кровью. Человека этого я никогда прежде не встречала.

ГДЕ ХЭЛСИ?

Гертруда смотрела на лицо убитого, как зачарованная. Потом она машинально вытянула вперед руки, словно собираясь упасть в обморок.

— Он убил его,— пробормотала она невнятно.

И тут, чувствуя себя на грани нервного срыва, я изо всех сил затрясла ее за плечи.

— Что ты имеешь в виду? — истерически спросила я.

Глубокая скорбь и убежденность ее тона испугали меня

гораздо больше, чем смысл сказанного. Полученная встряска привела девочку в чувство, и она постаралась взять себя в руки. Однако больше Гертруды не произнесла ни слова: просто стояла и смотрела на жуткое тело на полу, пока Лидди, устыдившаяся своего позорного бегства, но и не желающая возвращаться в одиночестве, трусливо толклась в гостиной за спинами трех насмерть перепуганных служанок, не в силах ступить далее ни шагу.

В гостиной Гертруда сразу потеряла сознание. Лидди обильно поливала бедняжку холодной водой, а служанки сбились, словно овцы, в углу, и толку от них не было никакого. Скоро (хотя мне показалось, что прошли часы) возле дома резко затормозила машина, и Энн Уотсон открыла дверь. В гостиную вошли трое джентльменов из клуба «Гринвуд». В одном из них я узнала мистера Джарвиса. Двое других были мне незнакомы.

— Что случилось? — спросил мистер Джарвис. Мы, несомненно, представляли собой странное зрелище.— Никто не пострадал, надеюсь? — он смотрел на Гертруду.

— Хуже, мистер Джарвис, — сказала я.— Думаю, здесь произошло убийство.

Слово это произвело всеобщее смятение. Повариха зарыдала, а миссис Уотсон рухнула в кресло, как подкошенная. Трое прибывших оказались потрясенным.

— Надеюсь, это не член семьи? — спросил Джарвис, когда обрел, наконец, дар речи.

— Нет.

И знаком велев Лидди приглядывать за Гертрудой, я прошла с лампой к двери рабочего кабинета. Один из мужчин издал краткое восклицание, и все они устремились к противоположной двери. Мистер Джарвис взял у меня лампу — это я еще помню, потом у меня закружилась голова и потемнело в глазах. Когда я очнулась, осмотр тела уже закончился и мистер Джарвис пытался уложить меня в кресло.

— Вы должны подняться наверх, — твердо сказал он.— Ужасное происшествие. К тому же в собственном доме.

Я непонимающее уставилась на него.

— Кто это? — с трудом выговорила я. Казалось, мое горло туго стягивал железный обруч.

— Это Арнольд Армстронг. — Мистер Джарвис посмотрел на меня как-то странно.— И он убит... в доме своего отца.

Спустя минуту я собралась с силами, и мистер Джарвис

помог мне добраться до гостиной. Лидди уже отвела Гертруду наверх, а двое незнакомцев из клуба остались возле трупа. Мой организм бурно реагировал на шок и нервное потрясение — я практически ничего не соображала. Потом мистер Джарвис задал мне вопрос, который помог привести в норму мои ослабевшие способности.

— Где Хэлси?

— Хэлси! — потрясенное лицо Гертруды внезапно всплыло перед моими глазами. — Где же Хэлси?

— Он здесь был, не так ли? — настаивал мистер Джарвис. — Он останавливался у клуба по дороге сюда.

— Я не знаю, — слабым голосом проговорила я.

Один из джентльменов вошел в гостиную и спросил, где находится телефон. Скоро я услышала, как он взволнованно говорил в трубку что-то о коронерах и следователях. Мистер Джарвис наклонился ко мне.

— Почему вы не доверяете мне, мисс Иннес? — спросил он. — Если я могу помочь вам, рассчитывайте на меня. Но расскажите мне все, что знаете.

Наконец я рассказала все с самого начала. Узнав о пребывании в доме этой ночью Джона Бэйли, мистер Джарвис протяжно свистнул.

— Лучше бы им быть здесь, — сказал он, когда я закончила. — Не знаю, какой дьявол погнал их отсюда среди ночи, но лучше бы им остаться. Тем более...

— Тем более что?

— Тем более что Джон Бэйли и Арнольд Армстронг не ладили между собой, и это всем известно. Из-за Бэйли у Армстронга случились какие-то неприятности прошлой весной... Что-то связанное с банком. И, кроме того...

— Продолжайте, — сказала я. — Я должна все знать.

— Да нет, ничего, — уклончиво ответил он. — Мы можем делать ставку на единственное обстоятельство, мисс Иннес: любой суд оправдает человека, который убил ночью в своем доме непрошеного гостя. Если Хэлси...

— Но вы же не думаете, что это сделал Хэлси?! — воскликнула я.

Меня охватило чувство физической тошноты.

— Нет, нет. Конечно, нет, — с натужной бодростью сказал мистер Джарвис. — Пойдемте, мисс Иннес, на вас просто лица нет. Я провожу вас наверх и позову вашу горничную. Вы сильно перенервничали.

Луиза помогла мне улечься в постель и, считая, видимо, что я замерзну от холодного ужаса, положила одну бутылку

с горячей водой мне на грудь, а вторую — к ногам. Потом она ушла.

Уже начинало светать, и по голосам, раздававшимся под окнами спальни, я заключила, что мистер Джарвис и его помощники ищут подозрительные следы возле дома. Я напряженно размышляла. Куда делись Хэлси? На чем он уехал и когда? Безусловно, это произошло до убийства, но кто этому поверит? Если он или Джон Бэйли услышали, как грабитель лезет в дом, и застрелили его (поступок вполне оправданный с точки зрения закона), то почему они скрылись? Все случившееся казалось мне неслыханным, возмутительным и абсолютно необъяснимым.

Около шести часов в спальню вошла Гертруда, полностью одетая. Я нервно села на кровати.

— Бедная тетушка! — сказала она. — Какая ужасная ночь для тебя!

Девочка опустилась на край кровати, и я увидела ее усталое и измученное лицо.

— Что-нибудь удалось выяснить? — тревожно спросила я.

— Ничего. Машины в гараже нет, но Уорнер (это шофер) ночует в сторожке и ничего не может сказать по этому поводу.

— Ну ладно! — угрожающе проговорила я. — Попадись мне только Хэлси в руки, и я не отпущу его до тех пор, пока не скажу ему несколько теплых слов. Как только все здесь утрясетя, я уезжаю на отдых в город. Еще одна ночь, подобная двум предыдущим, доконает меня окончательно. Безмятежный покой деревни... Чушь собачья!

После чего я поведала Гертруде о событиях прошлой ночи: о шуме и о фигуре на террасе левого крыла. Осененная запоздалой догадкой, я предъявила девочке перламутровую запонку.

— Теперь мне совершенно ясно, — сказала я, — что именно Арнольд Армстронг был здесь и позапрошлой ночью. У него, несомненно, был ключ от двери. Но непонятно, зачем ему понадобилось тайком прокрадываться в дом отца? Он спокойно мог войти сюда с моего разрешения. Однако именно позапрошлой ночью неизвестный гость оставил здесь этот маленький сувенир.

Гертруда бросила единственный взгляд на запонку и мгновенно стала белее, чем украшавший ее жемчуг. Она вскочила и судорожно вцепилась в спинку кровати. Я была потрясена не меньше девочки.

— Где... где ты... нашла ее? — наконец спросила она, отчаянно пытаясь сохранить спокойствие. И пока я рассказывала, Гертруда стояла, устремив взгляд в окно. Я почувствовала облегчение, когда миссис Уотсон постучала в дверь и принесла мне чай с тостами. По ее словам, повариха лежала в постели полностью деморализованная, а Лидди, осмевшая при свете дня, рыскала вокруг дома в поисках следов. Сама миссис Уотсон выглядела просто ужасно: иссиня-бледная и с перевязанной рукой. Она объяснила, что в волнении упала с лестницы и поранила руку. Естественно, убийство страшно потрясло ее, ведь она несколько лет служила у Армстронгов домоправительницей и хорошо знала мистера Арнольда.

Пока я беседовала с миссис Уотсон, Гертруда тихонько выскользнула из спальни. Одевшись, я спустилась вниз. Бильярдная и кабинет были заперты до прибытия коронера и следователей, а джентльмены из клуба отправились переодеться в более приличные костюмы.

Я слышала, как Томас в буфетной попеременно то горестно причитает по поводу смерти мистера Арнольда, то громким голосом перечисляет все зловещие приметы, ее предвещавшие. Атмосфера дома буквально душила меня, и, накинув шаль на плечи, я вышла на улицу. Завернув за угол восточного крыла, я столкнулась с Лидди в мокрой до колен юбке и в бигудях.

— Сейчас же пойди и приведи себя в порядок, — резко сказала я. — Ну и вид у тебя! И это в твоем-то возрасте!

Лидди держала в руке клюшку для игры в гольф, найденную, согласно ее словам, на лужайке. Ничего необычного в этой находке не было, но мне пришло в голову, что клюшка с металлическим наконечником могла быть тем самым предметом, который оставил следы на винтовой лестнице. Клюшку я взяла, а Лидди отправила домой переодеться в сухое платье. Ее смелость, появлявшаяся с восходом солнца, сознание собственной значимости и дрожь восторга от чувства причастности к страшной тайне раздражали меня сверх всякой меры. Расставшись с Лидди, я обошла дом, но ничего необычного не обнаружила. Особняк казался таким же мирным и спокойным при свете утреннего солнца, каким был в тот день, когда меня убедили снять его на лето. Ничто не указывало на то, что в этих стенах произошло убийство, окутанное тайной.

На одной из клумб с тюльпанами позади дома ранний дрозд яростно клевал какой-то блестевший на солнце пред-

мет. Я быстро приблизилась к нему и наклонилась. Почти зарытый в рыхлую землю там лежал револьвер! Носком ботинка я счищила с него землю и, подняв, сунула в карман. Только оказавшись в спальне и закрыв ключом дверь на два оборота, я осмелилась вынуть оружие, чтобы рассмотреть его поближе. Мне хватило одного взгляда, чтобы узнать револьвер Хэлси. Я вынула его из вещей мальчика накануне и положила на туалетный столик. Ошибки быть не могло: имя Хэлси было выгравировано на маленькой серебряной пластинке на рукоятке.

Мне показалось, я вижу воочию, как стягиваются сети вокруг моего мальчика, ни в чем не виноватого. Я страшно боюсь огнестрельного оружия, но отчаяние придало мне смелости, и я заглянула в ствол. Там оставалось две пули. Мне оставалось только возблагодарить небо за то, что я нашла револьвер до того, как вокруг дома начал рыскать какой-нибудь востроглазый полицейский.

Я решила спрятать все имеющиеся в моем распоряжении улики — запонку, клюшку и револьвер — в надежном месте до той поры, пока у меня не появятся веские причины предъявить их следствию.

Запонку я положила накануне в маленькую филигранную шкатулку на туалетном столике. Открыв шкатулку, я пошарила в ней. Запонка исчезла!

ПОМОЛВКА ГЕРТРУДЫ

В десять часов утра бричка из Казановы привезла троих мужчин. Они представились как коронер и два городских следователя. Коронер сразу же прошел в запертое до сих пор крыло здания и с помощью одного из полицейских осмотрел комнаты и труп. Второй следователь,бросив взгляд на тело убитого, занялся обследованием прилегающих к особняку территорий. Только после того, как служители закона составили собственное представление о случившемся, они послали за мной.

Я спустилась в гостиную с уже готовыми в уме показаниями.

Я сняла Саннисайд на лето, Армстронги в это время находились в Калифорнии. Несмотря на толки слуг о каких-то загадочных звуках (тут шла ссылка на Томаса), первые две ночи прошли совершенно спокойно. На третью ночь мне послышался грохот на первом этаже, но, будучи в доме

одна со служанкой, я не осмелилась спуститься вниз. Утром все замки оставались запертыми и не носили следов взлома.

Затем я со всей возможной точностью поведала о том, как прошлой ночью нас разбудил выстрел, как мы с племянницей спустились вниз и обнаружили мертвое тело. Я сказала, что имя убитого мне стало известно только после приезда мистера Джарвиса из клуба и я не имею ни малейшего представления о причинах, побудивших мистера Арнольда прокрадываться в дом собственного отца среди ночи, когда двери Саннисайда открыты для него в любое время.

— Мисс Иннес, у вас есть основания думать, что кто-нибудь из домашних застрелил мистера Армстронга в порядке самозащиты, приняв последнего за грабителя? — спросил коронер.

— Таких оснований у меня нет, — спокойно ответила я.

— Согласно вашей версии, по следам мистера Армстронга шел кто-то, кто застрелил его?

— Боюсь, у меня вообще нет никакой версии, — сказала я. — Но вот чего я не могу понять: почему мистер Армстронг две ночи подряд пробирался в дом собственного отца, словно вор, когда ему нужно было лишь обратиться ко мне, чтобы пройти сюда беспрепятственно?

Коронер не отличался особой разговорчивостью. Он сделал несколько пометок в блокноте и, казалось, торопился вернуться в город ближайшим поездом.

Он назначил дознание на следующую субботу, дал мистеру Джемисону (более молодому и умному на вид из двух следователей) несколько указаний и, пожав мне руку и выразив сочувствие по поводу несчастного случая, отбыл в сопровождении второго полицейского.

Я уже собиралась облегченно вздохнуть, как вдруг мистер Джемисон, который до сих пор стоял у окна, быстро приблизился ко мне.

— Ваша семья состоит из вас одной, мисс Иннес?

— Здесь моя племянница.

— И, кроме вас с племянницей, никого?

— Еще мой племянник.

Мне пришлось облизать губы.

— О, племянник! Я хотел бы поговорить с ним, если это возможно.

— Его сейчас здесь нет, — я старалась говорить как можно спокойнее. — Я ожидаю его... с минуты на минуту.

— Но, полагаю, вчера вечером он был в доме?

— Нет... да.

— Он приехал один? Или с другом?

— Он привез с собой друга на воскресенье. Мистера Бэйли.

— Мистера Бэйли? Кажется, это кассир из Торгового банка?

— Об этом ему определенно сказал кто-то в клубе «Гринвуд».

— И когда же они уехали?

— Очень рано... Не знаю, в каком часу точно.

Мистер Джемисон резко повернулся и пристально посмотрел на меня.

— Пожалуйста, постарайтесь высказываться более определенно. Вы говорили, что вчера вечером ваш племянник и мистер Бэйли находились в доме. Однако тело обнаружили вы, ваша племянница и несколько служанок. Где же был ваш племянник?

— Не знаю! — вскричала я. — Но будьте уверены: Хэлси ничего не знает об убийстве, и никакие второстепенные улики не могут превратить невиновного человека в преступника.

— Сядьте-ка. — Мистер Джемисон пододвинул ко мне кресло. — Я должен посвятить вас в некоторые детали дела, а вы взамен, пожалуйста, расскажите мне все, что знаете. Поверьте, все тайное всегда становится явным. Во-первых, в мистера Арнольда стреляли сверху и с близкого расстояния. Пуля вошла в тело под плечом, пробила сердце и вышла из спины значительно ниже сердца. Другими словами, убийца стоял на лестнице и стрелял сверху вниз. Во-вторых, на бортике бильярдного стола я нашел обуглившуюся сигару и сгоревшую до фильтра сигарету. Их курили, потом положили на стол и забыли. Вы можете предположить, почему ваш племянник и мистер Бэйли прервали игру, остали сигары, взяли машину без ведома шофера — и все это... позвольте... да, около трех часов утра?

— Не знаю, — сказал я. — Но будьте уверены, мистер Джемисон, Хэлси скоро вернется и все объяснит сам.

— Я искренне на это надеюсь, мисс Иннес. А вам приходило в голову, что мистер Бэйли может знать что-нибудь об этом деле?

Гертруда спустилась по лестнице и вошла в гостиную как раз на последних словах.

— Он не знает, — сказала она совершенно не своим голосом. — Мистер Бэйли и мой брат ничего не знают. Убийство произошло в три часа. А они покинули Саннисайд без четверти три.

— Откуда вы это знаете? — странным тоном спросил мистер Джемисон.— Вы знаете, в каком часу они уехали?

— Да,— твердо ответила Гертруда.— Без четверти три мистер Бэйли и мой брат вышли из дома через центральную дверь. Я... была... с ними.

— Гертруда! — встревожилась я.— Ты бредиши! Как?! Ведь без четверти три...

— Послушай, тетя,— сказала девочка,— в половине третьего внизу зазвонил телефон. Я еще не спала и слышала звонок. Потом я услышала, как Хэлси снял трубку. Спустя некоторое время он поднялся наверх и постучал ко мне в дверь. Мы... мы с Хэлси коротко переговорили, потом я накинула пеньюар и спустилась с ним на первый этаж. Мистер Бэйли находился в бильярдной. Мы... Мы минут десять разговаривали втроем, а потом решили, что... им обоим лучше уехать...

— Нельзя ли поконcretнее? — спросил мистер Джемисон.— Почему же они все-таки уехали?

— Я всего лишь рассказываю вам, что случилось, а не почему так случилось,— ответила Гертруда ровным голосом.— Хэлси пошел в гараж и, чтобы не подъезжать к дому и не будить спящих шумом мотора, поехал нижней дорогой от конюшни. Мистер Бэйли должен был встретить его за лугом у подножия холма. Мистер Бэйли ушел...

— Каким путем? — резко спросил мистер Джемисон.

— Через главную дверь. Он ушел... без четверти три.

Я помню точно.

— Часы в вестибюле стоят, мисс Иннес,— заметил следователь. Казалось, ничто не могло ускользнуть от его внимания.

— Джек посмотрел на свои часы,— ответила Гертруда, и я увидела, как блеснули глаза мистера Джемисона, словно он сделал какое-то открытие. Что касается меня, то в продолжение всего разговора я пребывала в состоянии глубокого изумления.

— Позвольте задать вам вопрос интимного свойства.— Молодой следователь казался несколько смущенным.— В каких... э-э... отношениях находитесь вы с мистером Бэйли?

Гертруда поколебалась. Потом подошла ко мне и нежно всунула ладошку мне в руку.

— Мы помолвлены,— просто сказала она.

Я настолько привыкла к сюрпризам, что ничего не ска-

зала на это, только открыла и закрыла рот несколько раз. Рука Гертруды горела в моей руке.

— И... потом? — продолжал мистер Джемисон.— Вы сразу отправились спать?

Гертруда замялась.

— Нет,— наконец сказала она.— Я... Я не труслива. Выключив свет, я вспомнила, что оставила в библиотеке одну вещь, и в темноте на ощупь пошла туда.

— И что же за вещь вы забыли?

— Я не могу сказать,— медленно проговорила Гертруда.— Я... я не сразу вышла из бильярдной..

— Почему? — в тоне следователя звучали металлические ногти.— Это крайне важно...

— Я плакала,— тихо сказала Гертруда.— Когда французские часы в гостиной пробили три, я встала и... услышала шаги на восточной террасе, возле рабочего кабинета. Кто-то пытался ключом открыть замок, и, конечно, я подумала на Хэлси. Когда мы снимали Саннисайд, он назвал эту дверь своим личным входом и с тех пор везде носил с собой ключ от нее. Дверь открылась, и я уже собиралась спросить, что он забыл, когда сверкнула вспышка и прозвучал выстрел. Какое-то тяжелое тело рухнуло на пол, и, обезумев от страха, я бросилась через гостиную, бегом поднялась наверх, едва помню как.

Гертруда упала в кресло, и мне показалось, что мистеру Джемисону пора бы уже закончить допрос. Но он не унимался.

— Вы, конечно, блестяще защищаете своего брата и мистера Бэйли,— сказал следователь.— Свидетельствувшему цены нет, особенно в свете того факта, что между вашим братом и мистером Армстронгом некоторое время назад вышла крупная ссора.

— Чепуха! — вмешалась я.— Дела обстоят достаточно плохо и без того, чтобы измышлять злые умысли там, где их и в помине нет. Гертруда, ведь Хэлси не знал... э-э... убитого человека, правда?

Но мистер Джемисон казался убежденным в своей правоте.

— И ссора эта,— настаивал он,— произошла в связи с вами, мисс Гертруда. Мистер Армстронг оказывал вам нежелательные знаки внимания...

Подумать только! И я никогда не видела этого человека!

Когда Гертруда слабо кивнула в знак согласия, перед моим мысленным взором развернулись все ужасные воз-

можности, проистекающие из этого обстоятельства. Если Гертруда боялась и не любила убитого и мистер Армстронг раздражал ее, преследуя ненавистными ухаживаниями, то в сочетании с признанием девочки в том, что она находилась в бильярдной в момент убийства, все это выглядело по меньшей мере странно. Богатая и известная семья, безусловно, приложит все силы к розыску убийцы, и нам грозит в лучшем случае скандальная известность.

Мистер Джемисон захлопнул блокнот и поблагодарил нас.

— Думаю,— сказал он неожиданно,— по крайней мере хоть с привидением покончено раз и навсегда. Все эти странные звуки (а старый негр говорит, они начались три месяца назад, после отъезда семьи в Калифорнию) скорее всего прекратятся теперь.

Это заявление показало его полную некомпетентность по данному вопросу. С привидением вовсе не было покончено: со смертью Арнольда Армстронга оно возобновило свою деятельность с новыми силами.

Мистер Джемисон откланялся, Гертруда сразу же поднялась наверх, а я сидела и размышляла над только что услышанным. В любом другом случае помолвка девочки полностью захватила бы мое воображение, но сейчас событие это отступило перед важностью ее показаний.

Если Хэлси и Джон Бэйли покинули особняк до убийства, то есть до трех часов, то каким образом оказался револьвер Хэлси на клумбе с тюльпанами? И что за загадочная причина побудила молодых людей бежать из Саннисайда столь стремительно? Какую вещь оставила Гертруда в бильярдной? Насколько важна для следствия перламутровая запонка, и где она теперь?

В ВОСТОЧНОМ КОРИДОРЕ

Перед уходом следователь обязал всех домашних хранить происшествие в тайне. Клуб «Гринвуд» тоже обещал молчать. А поскольку в воскресенье вечером газеты в Казанове не выходят, общественность узнала об убийстве только в понедельник. С утра я не видела мистера Джемисона, но знала, что он допрашивает слуг. Гертруда заперлась в своей спальне под предлогом головной боли, и я позавтракала в одиночестве.

Адвокат мистер Хартон — маленький щуплый джент-

льмен — в тот день не производил впечатления человека, довольною своими обязанностями.

— Страшно неприятное дело,— сказал он, пожав мне руку.— В высшей степени неприятное и таинственное. Когда родители уезжают на Запад, все тяжелые обязанности ложатся на меня. И как вы можете представить, все это не доставляет мне никакой радости.

— Несомненно,— автоматически согласилась я.— Мистер Хартон, я хочу задать вам несколько вопросов и надеюсь получить ответы на них. Полагаю, я имею право знать некоторые вещи, поскольку моя семья оказалась в положении явно двусмысленном.

Не знаю, понял адвокат меня или нет, но он снял очки и старательно протер их.

— Буду счастлив услужить вам,— он поклонился со старомодной учтивостью.

— Спасибо. Мистер Хартон, знал мистер Арнольд о том, что Саннисайд снят на лето?

— Думаю... да, конечно. Собственно, я сам говорил ему об этом.

— И он знал, кто является съемщиком?

— Да.

— Кажется, он не жил с семьей последние несколько лет?

— Да. К несчастью, Арнольд крупно поссорился со своим отцом и последние два года жил в городе.

— Значит, вряд ли он приходил сюда прошлой ночью за какой-нибудь принадлежащей ему вещью?

— Да, это весьма маловероятно,— согласился адвокат.— Откровенно говоря, мисс Иннес, поведение мистера Арнольда видится мне совершенно безосновательным. По свидетельству Джарвиса, в течение последней недели он жил в клубе через долину. Но это обстоятельство объясняет, каким образом он оказался в Саннисайде, но никак не по че м у. Злополучное семейство...

Адвокат потряс головой в полном отчаянии, и я почувствовала, что этот сухонький человечек о многом умалчивает. Я оставила попытки раздобыть у него какую-нибудь полезную информацию, и мы пошли взглянуть на тело Армстронга, прежде чем его отправят в город. Покойника положили на бильярдный стол и накрыли простыней. Рядом с убитым лежала мягкая шляпа, воротник смокинга по-прежнему оставался поднятым. Красивое, но порочное лицо Арнольда Армстронга, разглаженное и облагорожен-

ное смертью, теперь вызывало только жалость. Когда мы вошли в бильярдную, в дверях появилась миссис Уотсон.

— Входите, миссис Уотсон,— сказал адвокат. Но она отрицательно потрясла головой и поспешно удалилась. По-моему, домоправительница единственная во всем доме жалела убитого, но и она казалась больше потрясенной, нежели опечаленной.

Я прошла к двери у подножия винтовой лестницы и открыла ее. Если бы только я видела, как Хэлси гонит по аллее машину с присущей ему бездумной лихостью, если бы услышала знакомый гул мотора — все тревоги мои рассеялись бы без следа. Но я ничего не видела и не слышала. Передо мной в тишине воскресного полудня простирался сельский пейзаж — солнечный и безмятежный, — а по аллее медленно шагал мистер Джемисон, который наклонялся время от времени, словно выискивая какие-то следы на земле. Когда я вернулась в бильярдную, мистер Хартон поспешно вытер глаза.

— Блудный сын вернулся домой, мисс Иннес,— сказал он.— Как часто детям приходится отвечать за грехи отцов! — Последнее замечание заставило меня задуматься.

Перед уходом мистер Хартон кое-что рассказал о семье Армстронгов. Пол Армстронг, отец убитого, был женат дважды. Арнольд был ребенком от первого брака. Вторая миссис Армстронг после первого замужества осталась вдовой с ребенком, маленькой девочкой на руках. Эта девочка — теперь двадцатилетняя девушка — взяла фамилию отчима и стала Луизой Армстронг. Сейчас она находилась в Калифорнии вместе с семьей.

— Вероятно, они вернутся немедленно,— заключил адвокат.— Посему, кроме всего прочего, в мои обязанности входит спросить у вас, согласны ли вы отказаться от аренды Саннисайд в пользу Армстронгов.

— Давайте подождем и посмотрим, собираются ли они вообще возвращаться,— сказала я.— Лично я в этом сомневаюсь, а в моем городском доме сейчас идет ремонт.

Обсуждать вопрос дальше адвокат не стал, но впоследствии тот все равно всплыл самым неприятным образом.

В шесть часов вечера тело увезли, а в семь тридцать, после раннего обеда, уехал и мистер Хартон. Гертруда так и не спустилась, и о Хэлси ничего не было слышно. Мистер Джемисон снял жилье в деревне, и в течение дня я не видела его. Около девяти часов вечера раздался звонок в дверь, и он ворвался в гостиную.

— Садитесь,— мрачно сказала я.— Вы нашли улику, которая указывает на меня как на убийцу, мистер Джемисон?

У него хватило воспитанности изобразить смущение.

— Нет,— сказал он.— Если бы Арнольда убили вы, вы не оставили бы никаких улик. Вы слишком умны для этого.

Я несколько потеплела. Следователь порылся в кармане и вытащил оттуда два листочка.

— Я заходил в клуб,— пояснил он,— и среди вещей мистера Армстронга нашел эти бумажки. Одна из них просто любопытна, другая — загадочна.

Сначала он протянул мне листок клубной почтовой бумаги, на котором множество раз повторялось написанное от руки имя Хэлси Б. И н е с. Это была точная копия росписи Хэлси, но ей не хватало легкости и плавности оригинала. Внизу листа росписи становились все уверенней. Увидев выражение моего лица, мистер Джемисон улыбнулся.

— Старые шуточки Арнольда,— заметил он.— Эта бумагка просто любопытна. А вот эта, как я уже сказал, загадочна.

Второй листок, свернутый множество раз в такой крохотный квадратик, что буквы местами вытерлись, являлся частью какой-то записи. Верхняя половина листка отсутствовала, а на нижней малоразборчивым почерком было написано:

«...Внеся изменения в планы... комнатах будет возможно. По-моему, лучше... план для... в одной из комнат... дымоход».

И это все.

— И что же? — спросила я, подняв глаза на следователя.— Что же тут особенного? Человек может заняться перепланировкой своего дома, не становясь при этом объектом для подозрений.

— Да, сама по себе записка не содержит никакой информации,— согласился мистер Джемисон.— Но почему Арнольд Армстронг носил ее с собой, если она ничего не значит? Он никогда не занимался строительством дома. И если здесь говорится о Саннисайде, то в записке может идти речь о чем угодно, начиная от потайной ком...

— Кончая дополнительной ванной,— презрительно подхватила я.— Вы, небось, и отпечатки пальцев сняли с этой бумажки?

— Снял,— улыбнулся мистер Джемисон.— А также у

меня имеется отпечаток ботинка на клумбе с тюльпанами и множество других улик. И что самое странное, мисс Иннес, отпечатки пальцев на бумажке вполне могут оказаться вашими, а следы на клумбе безусловно принадлежат вам.

Только беспредельная наглость молодого человека спасла меня. При виде его довольной улыбки я взяла себя в руки и отпорола совершенно безупречную бахрому на тапочки Элизы Кляйнфелтер, прежде чем с интересом осведомилась:

— И зачем же я ходила по клумбе?

— А вы подобрали там что-то,— добродушно ответил он,— о чем поведаете мне чуть позже.

— Неужели? — я воплощала собой вежливое любопытство.— Если вы так проницательны, то, может, сообщите мне, где находится мой автомобиль стоимостью в четыре тысячи долларов?

— Я как раз собирался сделать это,— сказал Джемисон.— Он находится в тридцати милях отсюда, в ремонтной мастерской на железнодорожной станции Эндрю.

Я положила вязание на колени и подняла взгляд.

— А Хэлси? — с некоторым усилием спросила я.

— Давайте обмениваться информацией,— улыбнулся следователь.— Я отвечу на ваш вопрос, когда узнаю, что вы подобрали на клумбе.

Некоторое время мы пристально смотрели друг на друга — не враждебно, а как бы оценивая силу противника. Потом Джемисон улыбнулся и поднялся на ноги.

— С вашего позволения я еще раз осмотрю кабинет и винтовую лестницу. А вы пока обдумайте мое предложение.

Он пересек гостиную, и шаги его постепенно стихли вдали. Я перестала симулировать процесс вязания и, откинувшись на спинку кресла, воскесила в памяти все события последних сорока восьми часов. Вот я, старая дева, внучка старого Джона Иннеса, современника Революции, чопорная дама, замещана в вульгарном и отвратительном преступлении и даже пытаюсь обмануть служителя закона! Да, я явно сбилась с прямого и честного пути.

От печальных мыслей меня отвлекли стремительные шаги мистера Джемисона. Он остановился в дверях гостиной.

— Мисс Иннес,— выпалил следователь,— будьте добры, пойдемте со мной и включите свет в восточном коридоре. Я запер кого-то в маленькой комнате на верхней площадке винтовой лестницы.

Я подпрыгнула в кресле и задохнулась.

— Неужели... убийцу?

— Возможно,— спокойно сказал он.

Мы торопливо поднимались по лестнице.

— Кто-то тихо крался по лестнице, когда я вышел из кабинета. Я окликнул его, но вместо того, чтобы ответить, неизвестный повернулся и бросился прочь. Я побежал за ним... Было темно, но, свернув с лестничной площадки, я заметил, как какой-то человек метнулся в эту дверь и захлопнул ее. Я задвинул засов снаружи. Кажется, это чулан.

Мы уже добрались до холла на втором этаже.

— Покажите мне, где здесь включается свет, мисс Иннес, а потом вам лучше посидеть в спальне некоторое время.

Меня сильно трясло, но я твердо решила посмотреть, как Джемисон откроет дверь в чулан. Не знаю, чего именно я боялась, но уже произошло столько ужасных и необъяснимых вещей, что любая правда устраивала меня больше чувства неуверенности и напряженного ожидания.

— Я совершенно спокойна,— заявила я.— И собираюсь остаться здесь.

Яркие лампы вспыхнули вдоль всего восточного коридора. У пересечения его с маленьким коридорчиком находилась площадка винтовой лестницы, казалось, решение пристроить ее сюда пришло архитектору в голову с большим опозданием, уже по окончании строительства.

Сразу за углом, в маленьком коридорчике находилась дверь, о которой говорил мистер Джемисон. Я еще не очень хорошо изучила дом и этого помещения не помнила. Сердце мое отчаянно колотилось, в ушах звенело, но я кивком велела Джемисону начинать. Сама я стояла в восьми-девятыи футах от двери. Следователь отодвинул засов и спокойно сказал:

— Выходите.

Ответа не последовало.

— Выходите,— повторил Джемисон.

Потом, кажется, в руке у него появился револьвер, но утверждать это с полной определенностью я не берусь... Вдруг он резко распахнул дверь и отступил в сторону.

Со своего места я не могла видеть внутренность помещения, но увидела, как мистер Джемисон изменился в лице, и услышала, как он яростно чертыхнулся. Потом молодой человек бросился по лестнице вниз, перепрыгивая через три ступеньки. Когда колени мои перестали трястись, я осторожно и боязливо двинулась мелкими шажками вперед и

осторожно заглянула в комнату. Сначала я приняла помещение за совершенно пустой чулан. Но, приглядевшись, я испуганно замерла на месте. Вместо пола там зияло черное отверстие, из которого поднимался неописуемо жуткий влажный запах подвала.

Мистер Джемисон запер кого-то в камере для спуска грязного белья в прачечную. Немного подавшись вперед, я как будто услышала тихий стон. Или то завывал ветер?..

ПОДВЕРНУТАЯ НОГА

Меня охватила паника. Я побежала по коридору, уверенная, что таинственный гость и вероятный убийца уже найден в прачечной мертвым или умирающим. Я торопливо спустилась с лестницы и поспешила направилась через кухню к ведущим в подвал ступеням. Мистер Джемисон опередил меня: дверь в подвал была открыта. Лидди стояла посреди кухни, держа сковороду за ручку, словно оружие.

— Не ходите туда! — заверещала она, увидев, что я направляюсь к двери в подвал. — Не делайте этого, мисс Рэчел! Туда пошел Джемисон. Охота за привидениями — бесполезное и опасное занятие: они увлекают всех за собой в бездонные колодцы и тому подобное. О, мисс Рэчел! Не...

Я попыталась пройти мимо.

Ее вопли прервало появление мистера Джемисона. Он взбежал по лестнице в кухню, прыгая через две ступени, с разъяренным и раскрасневшимся лицом.

— Там все заперто, — раздраженно выпалил он. — Где хранится ключ от прачечной?

— Он хранится непосредственно в двери, — резко ответила Лидди. — Сначала подвал запирают на все замки, чтобы никто не мог стащить белье или одежду из прачечной, а потом оставляют ключ в двери, чтобы вор — если только он не слеп, как... как некоторые сыщики — мог спокойно войти в прачечную.

— Лидди, — оборвала я ее, — пойдем с нами, включишь там свет.

Лидди по-обыкновению тут же заявила об уходе с занимаемой должности, но я взяла ее за руку и потащила с собой. Включив свет, она ткнула пальцем вперед.

— Вот эта дверь, — угремо буркнула Лидди. — И ключ в ней.

Но ключа не было. Мистер Джемисон подергал за ручку, однако тяжелая дверь с надежным замком не поддавалась. Молодой человек наклонился и поковырял карандашом в замочной скважине. Потом выпрямился с торжествующим видом.

— Дверь заперта изнутри, — прошептал он. — В прачечной кто-то есть!

— Спаси меня, боже! — выдохнула Лидди и приготовилась обратиться в бегство.

— Лидди! — остановила я ее. — Сию же минуту пройди по всему дому и посмотри, все ли домашние на месте. И если нет, то кто именно отсутствует. С этим делом надо покончить немедленно. Мистер Джемисон, если вы посторожите дверь, я схожу к сторожке и позову Уорнера. От Томаса не будет никакой пользы. А вдвоем с шофером вы можете взломать дверь.

— Хорошая мысль, — согласился молодой человек. — Но... в прачечной, конечно, есть окна, и ничто не помешает преступнику выбраться через одно из них.

— Тогда заприте на ключ дверь, ведущую из подвала, — предложила я, — а сами охраняйте дом снаружи.

Так мы и порешили сделать, и я почувствовала, что тайна Саннисайда скоро раскроется. Я сбежала по ступеням террасы и помчалась по дорожке. За поворотом я чуть не сбила с ног кого-то, кто испугался при столкновении не меньше меня самой. Только отступив на шаг, я узнала Гертруду.

— Боже милостивый, тетя Рэй! — воскликнула девочка. — Что случилось?

— Кто-то прячется в прачечной, — задыхаясь, проговорила я. — То есть если... Ты не видела сейчас никого подозрительного на лугу или возле дома?

— Вы все помешались на этих тайнах, — устало сказала Гертруда. — Нет, я не видела никого, кроме старого Томаса, у которого был совершенно такой вид, словно он только что ограбил буфетную. А кого вы заперли в прачечной?

— Сейчас не время объяснять, — ответила я. — Я бегу в сторожку за Уорнером. А на прогулку тебе лучше надевать ботики. — И тут я заметила, что Гертруда прихрамывает. Она шагала с трудом и морщилась от боли.

— Ты повредила ногу, — резко сказала я.

— Я упала с брички, — пояснила Гертруда. — Залезла на нее посмотреть, не возвращается ли Хэлси. Ему... ему уже пора вернуться.

Я поспешила дальше. Сторожка стояла довольно далеко от особняка, в роще, у места, где подъездная аллея Саннисайда упиралась в проселочную дорогу. У въезда в поместье стояли два белых столба, но железные ворота, некогда запертые и охраняемые слугой, теперь были постоянно открыты. Наступила эпоха автомобилей, и ни у кого не хватало времени на охрану ворот. Так называемая сторожка Саннисайда являлась на самом деле просто дополнительным местом проживания слуг. Она была оборудована всеми удобствами, как и главное здание, но более уютна при этом.

Спеша по аллее, я напряженно размышляла. Кто же мог прятаться в прачечной? Найдем ли мы там труп или тяжело раненного человека? Скорее всего ни то, ни другое. Ведь после падения он смог запереть дверь прачечной изнутри. Если этот человек проник в дом с улицы, то каким образом? Если это кто-то из домашних, то кто именно? И тут... я похолодела от ужаса. Гертруда! Гертруда и ее поврежденная нога! Гертруда, медленно хромающая по дорожке в то время, когда все уверены, что она лежит в постели!

Я постаралась отогнать тревожные мысли в сторону, но мне это не удалось. Если по винтовой лестнице спускалась (или поднималась) Гертруда, то почему она побежала от мистера Джемисона? Подозрение — хоть и нелепое — подтверждалось следующим обстоятельством: тот, кто пытался скрыться от следователя, плохо знал дом и не имел представления о бельевой камере. Дело становилось все загадочнее. Какая может быть связь между Хэлси с Гертрудой и убийством Арнольда Армстронга? И все же, куда ни глянь, появлялись факты, указывающие на наличие такой связи.

У подножия холма аллея описывала длинную дугу вокруг сторожки. Сквозь листву деревьев весело светились окна, а по стенам комнаты на втором этаже прыгали тени, словно кто-то ходил там с лампой в руке. Я двигалась почти бесшумно в своих домашних тапочках и второй раз за вечер столкнулась с человеком на дороге. Я с ходу врезалась в мужчину в длинном пальто, который стоял в густой тени у обочины спиной ко мне и смотрел на освещенные окна.

— Какого дьявола! — яростно воскликнул он и обернулся. Однако, увидев меня, не стал дожидаться ответа и испарился. Это вовсе не жargon — он действительно растворился в сумраке, не дав мне возможности рассмотреть себя как следует. Я мельком увидела незнакомое лицо и фуражку с козырьком.

Я подошла к сторожке и постучала. Мне пришлось два

или три раза грохнуть кулаком в дверь, прежде чем Томас приоткрыл ее на дюйм-другой.

— Где Уорнер? — спросила я.

— Полагаю... в постели, мэм.

— Разбуди его, — велела я. — И, ради всего святого, Томас, открой дверь. Я подожду Уорнера в доме.

— Тут вроде как душно, мэм, — сказал старик, открывая дверь, за которой виднелся прохладный и уютный холл. — Может, вам лучше присесть на веранде и отдохнуть?

Томас настолько явно не хотел впускать меня в дом, что я вошла.

— Пусть Уорнер поторопится, — сказала я и свернула в маленькую гостиную. Я слышала, как Томас поднимается по лестнице и будит Уорнера. Потом в комнате наверху раздались шаги шоferа: он торопливо одевался. Но мне было чем занять свое внимание и в нижней комнате.

На столе посреди гостиной стояла кожаная дорожная сумка, полная флаконов с позолоченными пробками и различными щетками. Каждый дюйм ее поверхности дышал богатством, роскошью и женственностью. Как она попала сюда? Я все еще задавала себе этот вопрос, когда Уорнер, бегом спустившись с лестницы, появился в гостиной. Он был одет полностью, но несколько несвообразно с точки зрения стиля, его открытое мальчишеское лицо выражало крайнюю степень смущения. Этот деревенский паренек, преданный, честный и надежный, получивший неплохое образование, являлся представителем целой армии американских юношей, которые природный интерес к механике утоляют на работе, связанной с автомобилями, и хорошо зарабатывают, занимаясь любимым делом.

— Что случилось, мисс Иннес? — взволнованно спросил он.

— Кто-то прячется в прачечной, — сказала я. — Нужно помочь мистеру Джемисону взломать дверь. Уорнер, чья это сумка?

К этому времени молодой человек находился уже в дверях и притворился, что не слышал вопроса.

— Уорнер! — повторила я громче. — Чья это сумка?

Уорнер остановился, но не обернулся.

— Это... это Томаса, — сказал он и побежал по аллее к особняку.

Томаса! Лондонская сумка с зеркальцами и набором косметических средств, о назначении которых старик не имел и представления. Я поместила эту сумку в уголок

памяти, уже перегруженной всякими дикими, совершенно несозвместимыми фактами, и поспешила за Уорнером к дому.

Лидди уже вернулась на кухню: дверь в подвал была закрыта на две щеколды и забаррикадирована столом, на котором возвышалась гора посуды и прочих кухонных принадлежностей.

— Ты узнала, все ли сейчас в доме? — спросила я, игнорируя пирамиды из кастрюль и скаклок на столе и огромную кочергу в руке Лидди.

— Рози нигде нет,— с явным удовольствием сообщила Лидди. Она с первого взгляда невзлюбила новую горничную.— Миссис Уотсон зашла в ее комнату и обнаружила, что девчонка ушла куда-то без шляпки. Люди, которые снижают пользующиеся дурной репутацией дома в дюжине миль от города и берут слуг с улицы, не должны удивляться, проснувшись в один прекрасный день с перерезанным горлом.

После этого тщательно завуалированного сарказма Лидди погрузилась в уныние. Тут появился Уорнер с набором слесарных инструментов в руках, и мистер Джемисон прошёл за ним в подвал. Странно, но я не волновалась. Всем сердцем я болела за Хэлси, но никакого страха не испытывала. У прачечной Уорнер положил инструменты на пол и внимательно посмотрел на дверь. Потом взялся за ручку. Дверь открылась без малейшего усилия с его стороны, и глазам нашим предстала пустая темная сушильня!

— Ушел! — с отвращением произнес мистер Джемисон.— Чертовски неаккуратная работа. Мне следовало бы предвидеть это.

Наконец мы включили свет и осмотрели все три помещения прачечной. Тишина и пустота. Стоящая прямо под бельевпроводом огромная корзина, полная грязного белья, объясняла, каким образом беглецу удалось остаться в живых. Теперь корзина лежала на полу перевернутой. И это все. Мистер Джемисон обследовал окна: одно из них было незаперто и представляло собой удобный путь к бегству. Так как же скрылся преступник: через дверь или через окно? Скорей всего через дверь. И мне очень хотелось на это надеяться.

Я не могла смириться с мыслью, что мы гнались в темноте за моей бедной девочкой. И все же я ведь встретила Гертруду недалеко от того самого окна.

Усталая и подавленная, я наконец отправилась наверх.

Миссис Уотсон и Лидди готовили чай на кухне. В некоторых случаях жизни люди ищут спасения от бед и болезней в чайнике. Они дают чай умирающим и наливают его в бутылочки грудным детям. Миссис Уотсон готовила поднос для меня и на мой вопрос относительно Рози ответила утвердительно:

— Да, ее действительно нет в доме. Но я не стала бы делать из этого никаких поспешных выводов, мисс Иннес. Рози — симпатичная девушка, и наверняка у нее есть кавалер в деревне. Во всяком случае хотелось бы: служанки гораздо охотнее остаются в Саннисайде, если у них есть здесь какие-нибудь сильные привязанности.

Гертруда давно вернулась в свою спальню. А когда я пила горячий чай, ко мне вошел мистер Джемисон.

— Мы прервали наш разговор часа полтора назад,— сказал он.— Но прежде чем мы продолжим его, я хочу сообщить вам следующее. В прачечной пряталась женщина с изящной ногой среднего размера. На правой ноге у нее не было ничего, кроме чулка, и, несмотря на открытую дверь, скрылась она через окно.

Я снова подумала о Гертруде: на какую ногу он хромала — на правую или на левую?

ПАРНАЯ ЗАПОНКА

— Мисс Иннес,— начал следователь.— Что вы можете сказать о человеке, которого вы со своей служанкой видели ночью на террасе?

— Это была женщина,— убежденно ответила я.

— Однако ваша служанка с такой же уверенностью утверждает, что это был мужчина.

— Чепуха,— отрезала я.— Лидди стояла с закрытыми глазами. Она всегда закрывает глаза, когда пугается.

— Значит, вам никогда не приходило в голову, что грабитель, проникший в дом позже той же ночью, был женщиной — той самой, которую вы видели на террасе?

— У меня есть основания полагать, что в дом проникал мужчина,— сказала я, вспомнив о перламутровой запонке.

— Теперь мы подошли к самому главному. Что навело вас на подобную мысль?

Я поколебалась.

— Если у вас есть какие-то причины считать полночным гостем мистера Армстронга — кроме той, что он явился

сюда на следующую ночь,— вы должны рассказать мне о них, мисс Иннес. Мы ничего не можем принимать на веру. Если незваным гостем, который уронил железный прут и поцарапал лестницу (видите, я все знаю), так вот, если незваным гостем являлась женщина, то почему бы той самой женщине было не вернуться на следующую ночь и при встрече с Армстронгом на лестнице не застрелить его от страха?

— В дом приходил мужчина,— упрямо повторила я. И, будучи не в силах ничем более подтвердить свое заявление, рассказала следователю о перламутровой запонке. Он казался чрезвычайно заинтересованным.

— Вы не отадите мне запонку? — спросил он, когда я кончила.— Или по крайней мере разрешите мне взглянуть на нее. Полагаю, это очень важная улика.

— Разве одного описания недостаточно?

— Лучше бы, конечно, иметь материальные доказательства.

— Тогда мне очень жаль,— сказала я как можно спокойней.— Я... короче запонка потерялась. Должно быть, выпала из шкатулки на туалетном столике.

Если мое объяснение не удовлетворило мистера Джемисона, то он никак не дал мне понять этого. Он попросил меня как можно более точно описать запонку, а, пока я выполняла его просьбу, вынув из кармана какой-то лист бумаги, пробежал его глазами.

— Одна пара запонок с монограммой,— прочитал он,— одна пара гладких перламутровых запонок, одна пара простых запонок, диадема, украшенная бриллиантами и изумрудами. Запонки, отвечающие вашему описанию, здесь не упоминаются. Однако, если ваше предположение верно, мистера Армстронга должны были увезти отсюда с парой запонок в одном рукаве и только с одной в другом.

Это соображение мне как-то не приходило в голову. Если в дом в ту ночь приходил не убитый, то кто?

— В этом деле есть ряд странных обстоятельств,— продолжал следователь.— Мисс Гертруда Иннес утверждает, что слышала, как кто-то поворачивает ключ в замке, потом дверь открылась и почти мгновенно раздался выстрел. И вот, мисс Иннес, в чем странность: у мистера Армстронга не было с собой ключа, как не было его ни в замке, ни на полу. Другими словами, все факты указывают на следующее: мистера Арнольда впустил кто-то из находившихся в доме.

— Это невозможно,— прервала я молодого человека.—

Мистер Джемисон, вы понимаете, что означают ваши слова? Вы ведь практически обвиняете Гертруду в том, что она впустила этого человека в дом.

— Не совсем так,— дружелюбно улыбнулся он.— На самом деле, мисс Иннес, я совершенно уверен, что она этого не делала. Но пока от вас обеих я слышу не всю правду, а только часть ее, что я могу поделать? Вы подобрали какой-то предмет на клумбе с тюльпанами, но отказываетесь говорить мне, что именно. Мисс Гертруда забыла какую-то вещь в бильярдной ночью, но также отказывается говорить, какую именно. Вы догадываетесь о том, куда делась запонка, но не хотите мне рассказывать. Таким образом, я с уверенностью могу утверждать лишь следующее: едва ли Арнольд Армстронг являлся тем самым полночным гостем, который напугал вас, уронив с лестницы, скажем, клюшку для гольфа. И скорее всего на следующую ночь Арнольду Армстронгу открыл дверь кто-то из домашних. Кто знает, может, это была... Лидди!

Я яростно помешала ложечкой чай.

— Мне часто приходилось слышать,— сухо заметила я,— что ассистентами у владельцев похоронных бюро обычно работают чрезвычайно веселые и жизнерадостные молодые люди. Похоже, чувство юмора у человека возрастает в обратной пропорции к серьезности выбранной им профессии.

— Чувство юмора — вещь дикая и жестокая, мисс Иннес,— согласился Джемисон,— особенно с точки зрения женщины. Это ты, Томас?

В дверях стоял Томас Джонсон. Он казался встревоженным и испуганным — и внезапно я вспомнила кожаный саквояж в сторожке. Старик сделал шаг вперед и остановился с опущенной головой, исподлобья глядя на мистера Джемисона.

— Томас,— сказал следователь голосом отнюдь не злым,— я послал за тобой, чтобы ты рассказал нам то, что рассказывал в клубе Сэму Боханну накануне убийства мистера Армстронга. Ты приходил сюда в пятницу познакомиться с мисс Иннес, не так ли? И приступил к работе в субботу утром.

По какой-то необъяснимой причине Томас словно вздохнул облегченно.

— Да, сэр,— заговорил он.— Дело, значит, было так. Когда мистер Армстронг с семьей уехал, мы с миссис Уотсон остались здесь хозяйничать до приезда съемщиков.

Миссис Уотсон смелая женщина и, значит, ночевала в доме. А мне были ниспосланы дурные предзнаменования — о некоторых мисс Иннес знает, поэтому я ночевал в сторожке. Однажды приходит ко мне миссис Уотсон и говорит, значит, так: «Томас, давай-ка ночуй в особняке. А то мне как-то боязно одной». Но я говорю себе: если уж ей там боязно, то мне и подавно страшно. И, в общем, мы порешили на том, что она будет ночевать в сторожке, а я в клубе.

— А миссис Уотсон объяснила, почему ей стало страшно ночевать одной?

— Нет, сэр. Она просто боялась самым натуральным образом — и все. Ну вот, так мы и жили до тех пор, пока не приехала мисс Иннес и не вызвала меня вечером в Саннисайд. Я пошел, значит, через долину по тропинке — я всегда возвращаюсь из клуба этой дорогой — и внизу, у ручья, я чуть не натолкнулся на одного человека. Он стоял ко мне спиной и проверял электрический фонарик, из тех, что помещаются в карман. Он пытался починить его: то включал, то снова выключал. Я заметил белую рубашку и галстук. Но лица не увидел. Это был не мистер Армстронг — тот ростом пониже. Кроме того, мистер Арнольд играл в карты, когда я уходил из клуба, и занимался этим весь тот день напролет.

— А на следующее утро вы возвратились в клуб той же тропинкой, — подсказал безжалостный мистер Джемисон.

— А на следующее утро я шел по ней же и на том месте, где накануне стоял человек, я подобрал вот это, — и старик протянул следователю какой-то крохотный предмет.

Молодой человек взял его и показал мне. Это была вторая перламутровая запонка!

Но мистер Джемисон еще не закончил допрос.

— Итак, ты показал запонку в клубе Сэму и спросил, не знает ли он, кому она принадлежит. И Сэм ответил — что?

— Ну, Сэм сказал, что видел такие запонки на рубашке мистера Бэйли, мистера Джона Бэйли, сэр.

— Я поддержу эту запонку у себя некоторое время, Томас, — сказал следователь. — Вот и все, что я хотел знать. Спокойной ночи.

Когда Томас ушел, шаркая ногами, мистер Джемисон взглянул на меня.

— Вот видите, мисс Иннес, — сказал он. — Мистер Бэйли просто-таки настаивает на своей причастности к этой истории. Если он приходил в Саннисайд в пятницу вечером

в надежде встретить Арнольда Армстронга и не дождался его — разве нельзя допустить, что, увидев Армстронга следующей ночью в доме, он застрелил его, как собирался сделать накануне?

— Но мотив? — еле выговорила я.

— Думаю, мотив отыщется просто. Арнольд Армстронг и Джон Бэйли враждовали с тех пор, как последний, будучи кассиром Торгового банка, едва не сдал Арнольда в руки правосудия. Кроме того, не забывайте, что оба молодых человека ухаживали за мисс Гертрудой. Побег Бэйли тоже говорит не в его пользу.

— И вы полагаете, что Хэлси помог ему бежать?

— Безусловно. Мисс Иннес, позвольте мне воссоздать события того вечера, как я их вижу. Бэйли и Армстронг поссорились в клубе. Об этом мне стало известно сегодня. Ваш племянник увез Бэйли из клуба. Движимый ревностью и безумной яростью Арнольд последовал за ними в Саннисайд через долину. Он вошел в дверь в восточном крыле здания. Вероятно, постучал предварительно, и ваш племянник открыл ему. Сразу за дверью он был застрелен неким человеком, стоявшим на винтовой лестнице. После выстрела мистер Хэлси и Бэйли немедленно покинули дом и направились к гаражу. Они уехали по нижней дороге, поэтому шума мотора никто в доме не услышал. И когда вы с мисс Гертрудой спустились на первый этаж, все уже было тихо.

— Но... показания Гертруды... — пролепетала я.

— Версию мисс Гертруды мы услышали только на следующее утро. Я не верю ее объяснениям, мисс Иннес. Это показания любящей и умной женщины.

— А... сегодняшнее происшествие?

— Оно может коренным образом изменить мой взгляд на дело. В конце концов мы должны тщательно рассмотреть все вероятности. Можно, например, вернуться к человеку на террасе. Если вы действительно видели ночью на террасе какую-то женщину, то следствие пойдет по новому пути. Ход следствия могут изменить и показания мистера Иннеса. Возможно он застрелил Арнольда Армстронга, приняв его за грабителя, а потом скрылся, испугавшись содеянного. Однако в любом случае я уверен, что тело уже лежало здесь, когда ваш племянник покинул дом. Мистер Армстронг вышел из клуба прогуляться около половины двенадцатого. Выстрел прозвучал в три часа ночи.

Ошеломленная, я откинулась на спинку кресла. Сегодняшний вечер казался мне наполненным разными важными

происшествиями, связать которые я не могла за неимением главной нити дела. Действительно ли Гертруда скрывалась в прачечной? Кто был тот человек на дороге возле сторожки? Чей саквояж видела я?

Было уже поздно, когда мистер Джемисон поднялся на ноги и собрался уходить. Я проводила его до двери, и некоторое время мы стояли в дверях, глядя через долину. Внизу лежала деревня Казанова со своими старомодными домиками, цветущими садами и мирной безмятежностью. На склоне холма светились огни клуба «Гринвуд». Отсюда можно было даже разглядеть две параллельные изогнутые цепочки фонарей вдоль подъездной дороги. Мне вспомнились связанные с этим клубом слухи: пьянство, огромные проигрыши в карты и случившееся год назад под этими самыми фонарями самоубийство.

Мистер Джемисон попрощался со мной и направил через долину пошел к деревне, я же продолжала стоять в дверях. Наверное, был уже двенадцатый час, и тишину нарушило лишь монотонное тикание напольных часов на лестничной площадке у меня за спиной. Потом мне послышался звук частых шагов — и через минуту в квадрат света на земле, падающего из дверного проема, вбежала женщина и бросилась ко мне. Это была Рози — Рози, которая находилась в полуобморочном состоянии от ужаса и, что не менее важно, сжимала в одной руке одну из моих колпортбских тарелок, а в другой — серебряную ложку.

Она встала рядом, уставившись в темноту и судорожно сжимая тарелку. Я отвела ее в дом и обеспечила безопасность своей любимой тарелке. Потом я угрожающе нависла над дрожащей служанкой.

— Ну как,— осведомилась я,— твоему молодому человеку понравился ужин?

Рози не могла говорить. Она посмотрела на зажатую в кулаке ложку — за последнюю я не так волновалась: сломать ее довольно трудно, а потом посмотрела на меня.

— Я ценю твое стремление угодить его эстетическому чувству,— продолжала я.— Но в следующий раз тебе лучше взять лиможский фарфор. Он менее дорог и легче воспроизводится в копиях.

— У меня нет молодого человека... здесь нет.— Она наконец обрела способность говорить, как я и рассчитывала.— Я... на меня напал грабитель, мисс Иннес.

— Сначала он погнал тебя из дома, а потом обратно? — поинтересовалась я.

Тогда Рози начала плакать — отнюдь не тихо, а громко и истерично. Я встряхнула ее за плечи, и рыдания стихли.

— Да что происходит с тобой на самом деле? — рявкнула я.— Неужели времена здравого смысла ушли безвозвратно? Ну-ка, возьми себя в руки и расскажи мне все по порядку.

Рози судорожно вздохнула, шмыгнула носом и начала:

— Я шла по аллее к дому...

— Тебе следует начать с того, как ты шла от дома с моими тарелками и столовым серебром,— прервала я девушку, но, заметив на ее лице признаки новой истерики, уступила: — Хорошо. Ты шла по аллее и...

— На руке у меня висела корзинка с... с тарелками и столовым серебром, а одну тарелку я несла в руке, потому что... потому что боялась разбить ее. На полпути к дому из кустов навстречу мне вышел человек и вытянул руку в сторону, загораживая мне дорогу. Он... он сказал: «Не так быстро, юная леди. Я хочу заглянуть в вашу корзинку».

Тут Рози возбужденно вцепилась мне в руку.

— Когда мужчина сказал это, я закричала и поднырнула под его руку — вот так. Он попытался схватить корзинку, и я уронила ее на землю. Я побежала прочь, а он погнался за мной до того места, где кончается роща. Потом он остановился. О, мисс Иннес! Наверное, это тот самый человек, который убил мистера Арнольда!

— Не говори глупостей,— строго сказала я.— Человек, который убил мистера Арнольда, постарается держаться от Саннисайда как можно дальше. Сейчас ступай спать и помни: если я узнаю, что ты рассказываешь эту историю другим служанкам, я вычту из твоего жалованья стоимость каждой разбитой тарелки, которую найду на аллее.

Некоторое время я прислушивалась, как Рози поднимается наверх и ускоряет шаги, проходя мимо темных коридоров. Хлопнула дверь ее спальни. Я опустилась в кресло и посмотрела на колпортовскую тарелку и серебряную ложку. Я привезла в Саннисайд свой собственный сервис, и, судя по всему, везти обратно в город мне придется немногое. Конечно, я могла насмехаться над Рози, но факт остался фактом: поздно вечером некий неизвестный человек непонятно что делал на аллее, ведущей к Саннисайду. Хотя что там делала Рози, тоже оставалось загадкой.

Я могла представить себе, какое лицо будет у Лидди, когда она недосчитается фарфоровых тарелок,— Рози же вызывала у нее острую неприязнь, а если какое-нибудь пред-

сказание Лидди сбывается, особенно мрачное, то она никогда не позволяет мне забыть об этом. Мне показалось нелепым оставлять битую посуду посреди аллеи на радость Лидди, поэтому с внезапной решимостью я распахнула дверь и ступила в темноту. Когда дверь за моей спиной захлопнулась, я сразу же пожалела о своем порыве, но, стиснув зубы, зашагала вперед.

Как я уже упоминала, я никогда не отличалась особой робостью. Кроме того, через пару минут глаза мои привыкли к темноте, и я стала отчетливо различать окружающее. Меня испугала Бьюла, которая неожиданно потерлась о мои ноги, а потом мы вдвоем пошли вниз по аллее.

Сначала никаких осколков фарфора я не видела. Но вслед самой рощи подобрала с земли серебряную ложку. Таким образом, история Рози подтверждалась. Я начала размышлять над тем, прилично ли мне рыскать среди ночи по округе, заслуженно пользующейся дурной славой. Потом что-то блеснуло у меня под ногами — это оказалась отбитая от чашки ручка, а еще через пару шагов я нашла треугольный осколок тарелки. Но представьте мое удивление, когда дальше, у обочины дороги, я обнаружила корзинку с аккуратно сложенными в нее осколками сервиза, поверх которых лежали серебряные ложки, вилки и прочая столовая мелочь! Я могла только стоять и таращить глаза. Значит, Рози говорила правду! Но куда ходила Рози с корзинкой? И почему грабитель — если это был действительно грабитель — подобрал осколки с дороги и оставил их у обочины вместе с добытым серебром?

У меня подкосились ноги, когда внезапно я услышала знакомый шум мотора и скоро узнала в приближающемся автомобиле машину Хэлси. Мой мальчик вернулся, наконец!

Должно быть, и Хэлси порядком удивился, когда среди ночи увидел меня на дороге — в наброшенном на плечи шелковом халате, с красно-зеленой корзинкой в руке и черным котом под мышкой. От облегчения и радости я начала плакать, не сходя с места, и в возбуждении чуть не вытерла глаза Бьюлой.

ОХ, УЖ ЭТИ ЖЕНЩИНЫ

— Тетя Рэй! — раздался голос Хэлси из темноты. — Что вы здесь делаете, во имя всего святого?

— Прогуливаюсь, — сказала я, отчаянно стараясь взять

себя в руки. И в тот момент никому из нас ответ не показался нелепым. — О, Хэлси, где ты был?

— Давай-ка я отвезу тебя домой.

Он уже вышел на дорогу и отобрал у меня корзину и Бьюлу. Теперь я различала машину хорошо. За рулем сидел Уорнер — Уорнер в длинном пальто и ночных тапочках! Джона Бэйли там не было. Я села в машину, и мы медленно поехали к дому.

По дороге мы не разговаривали. Разговор, который ждал нас, был слишком важен, чтобы начинать его в машине — и, кроме того, обоим мужчинам понадобилось улещивать автомобиль на все лады, чтобы заставить его подняться на вершину холма. Только когда передняя дверь за нами захлопнулась, Хэлси заговорил. Он обнял меня сильной рукой за плечи и осторожно развернул лицом к свету.

— Бедная тетя Рэй! — ласково сказал он, и я снова чуть не заплакала. — Я... я должен видеть Гертруду. И мы поговорим все втроем.

Тут Гертруда сама спустилась по лестнице. Она явно еще не ложилась спать и была по-прежнему в белом пеньюаре, который я видела на ней вечером. Девочка слегка прихрамывала. Пока Гертруда медленно спускалась по ступенькам, я успела заметить одну вещь. Мистер Джемисон говорил, что у женщины, убежавшей из подвала, не было туфли на правой ноге. Гертруда хромала на правую ногу!

Встреча брата и сестры прошла напряженно, но без слез. Хэлси нежно поцеловал девочку, и я заметила выражение усталости и тревоги на молодых лицах.

— Все... все в порядке? — спросила Гертруда.

— В порядке — насколько это возможно, — ответил Хэлси с натянутой веселостью.

Я зажгла свечу в гостиной, и мы прошли туда. Всего полчаса назад я сидела там с мистером Джемисоном и слушала, как он открыто обвиняет Гертруду и Хэлси по меньшей мере в том, что они знали об убийстве Арнольда Армстронга. Теперь настала очередь говорить Хэлси, и мне предстояло получить ответы на все вопросы.

— Я узнал все только сегодня из вечерних газет, — сказал Хэлси. — Меня как обухом по голове ударило: в доме, полном женщин, произошло такое!

Лицо Гертруды оставалось напряженным и бледным.

— Это еще не все, Хэлси, — сказала она. — Вы с... Джеком покинули дом буквально за несколько минут до убий-

ства. Следователь думает, что вам... что нам... что-то известно о преступлении.

— Какого дьявола! — у Хэлси глаза самым натуральным образом полезли на лоб.— Ох, извини, тетя Рэй, но... но парень просто не в своем уме!

— Расскажи мне все, пожалуйста,— взмолилась я.— Куда ты поехал той ночью, или, вернее, тем утром? И почему ты уехал так спешно? Мы все провели ужасные сорок восемь часов.

Хэлси, уставившись на меня, похоже, начинал постепенно осознавать ужас ситуации.

— Я не могу сказать тебе, куда я поехал, тетя Рэй,— спустя несколько мгновений проговорил он.— А почему я уехал, ты скоро узнаешь. Но Гертруда знает, что мы с Джеком покинули дом до... этого ужасного убийства.

— Мистер Джемисон не верит мне,— печально вздохнула Гертруда.— Хэлси, если случится худшее, если они арестуют тебя, ты... ты должен все рассказать.

— Я никому ничего не собираюсь рассказывать,— в голосе Хэлси звучали новые для меня металлические нотки.— Тетя Рэй, нам с Джеком совершенно необходимо было уехать той ночью. Я не могу сказать тебе, почему; сейчас не могу. Что же до того, куда мы отправились, то этого я не скажу даже если меня поставят перед необходимостью доказать свое алиби. И вообще, это нелепое обвинение просто нельзя принимать всерьез.

— А мистер Бэйли вернулся в город? — спросила я.— Или в клуб?

— Ни первое, ни второе.— И вызывающим тоном:— В настоящий момент я вообще не знаю, где он находится.

— Хэлси! — Я подалась вперед и серьезно спросила:— У тебя есть хоть малейшее подозрение по поводу того, кто убил мистера Арнольда? Полицейские считают, что Армстронга впустил в дом кто-то из домашних и что его застрелил человек, который стоял на ступеньках лестницы.

— Я ничего не знаю,— упрямо сказал Хэлси. Но мне показалось, что он бросил вдруг какой-то странный взгляд на Гертруду, словно некая мысль вспыхнула в его сознании и тут же погасла.

Как можно спокойнее я рассказала ему все по порядку, начиная от первой ночи, проведенной с Лидди в особняке, и кончая встречей Рози с незнакомцем на аллее. Корзинка — немая свидетельница таинственного происшествия — по-прежнему стояла на столе.

— И еще одно, Хэлси,— сказал я под конец,— я не говорила об этом Гертруде; но на следующее утро после преступления я нашла на клумбе с тюльпанами револьвер... Твой револьвер, Хэлси.

Некоторое время — и довольно продолжительное — Хэлси непонимающе смотрел на меня. Потом обернулся к Гертруде.

— Мой револьвер, Труда! — воскликнул он.— Но ведь Джек Бэйли взял его с собой, не так ли?

— О, ради всего святого, не говори этого! — взмолилась я.— Иначе следователь решит, что Джек Бэйли вернулся назад и... и тогда все и случилось.

— Но он не возвращался назад,— жестко сказал Хэлси.— Гертруда, когда ты пошла наверх за револьвером для Джона Бэйли, какой револьвер ты принесла? Мой?

Теперь вызывающим тоном заговорила Гертруда.

— Нет. Твой был заряжен, и я побоялась, что Джек... что-нибудь сделает. Я дала ему свой, незаряженный.

Хэлси в отчаянии вскинул руки.

— Ох уж эти женщины! Почему, ну, почему ты не сделала то, о чем я тебя просил? Ты дала Бэйли в дорогу незаряженный револьвер, а мой выбросила на клумбу с тюльпанами, как будто для него нет других мест. Мой револьвер тридцать восьмого калибра. Экспертиза наверняка покажет, что Арнольд убит пулей тридцать восьмого калибра. И где же тогда окажусь я?

— Ты забываешь,— резко вмешалась я,— что револьвер находится у меня и никто не знает об этом.

Но Гертруда вдруг раздраженно вскочила на ноги.

— Это просто невыносимо! Всегда во всем виновата я,— воскликнула она.— Хэлси, я не выбрасывала твой револьвер на клумбу. Я... я думала, это сделал ты!

Они уставились друг на друга через большой стол настороженно и подозрительно. Потом Гертруда протянула руки к брату.

— Мы не должны...— произнесла она прерывающимся голосом.— Теперь, когда столько поставлено на карту, это... это постыдно. Конечно, ты ничего не знаешь, как и я. Задавай меня поверить в это, Хэлси.

Хэлси успокоил ее, как мог, и добрые отношения были восстановлены. Но долго еще после того, как все отправились спать, мальчик сидел один в гостиной и размышлял над делом, каким оно виделось ему. Некоторые обстоятельства, загадочные для меня, для него загадки не представля-

ли. Он, как и Гертруда, знал, почему им с Бэйли пришлось уехать в ту ночь. И знал, где они провели последние сорок восемь часов, знал, почему Джон Бэйли не вернулся в Саннисайд. Казалось, без полного доверия детей (для меня они всегда останутся детьми) мне никогда ничего не удастся понять в этой истории.

Когда я наконец собралась укладываться в постель, Хэлси поднялся наверх и постучал в дверь моей спальни. Я надела пеньюар, который до возвращения Гертруды из пансиона называла капотом, и впустила мальчика. Некоторое время он стоял неподвижно в дверях, а потом забился в судорогах беззвучного веселья. Я опустилась на край кровати и в суровом молчании ожидала конца несвоевременного приступа. Спустя довольно продолжительное время Хэлси отдохнул, взял меня за локоть и подтащил к зеркалу.

— «Как быть красивой!» — с выражением процитировал он. — Советы женщинам и девушкам Беатрис Фэйрорекс!

Только тогда я увидела себя. Я забыла снять с лица косметическую маску от морщин, и, признаю, вид у меня был несколько странный. По моему твердому убеждению, женщина обязана следить за своей внешностью, но это все равно что лукавить по необходимости — то есть никто никогда не должен узнать правды. К тому времени как я привела лицо в порядок, Хэлси снова стал серьезен.

— Тетя Рэй, — начал он, раздавливая дымящийся окурок о мою расческу из слоновой кости, — мне бы очень хотелось все рассказать тебе, но я не смогу этого сделать... еще день-два по крайней мере. Но одну вещь я давно должен был сказать тебе, тогда бы ты ни на минуту не заподозрила меня в причастности к убийству Арнольда Армстронга. Одному богу известно, что я мог бы сотворить с подобным человеком при обычных обстоятельствах, будь у меня пистолет в руке и достаточно оснований для раздражения. Но... мне глубоко небезразлична Луиза Армстронг, тетя Рэй. И я надеюсь жениться на ней. Разве стал бы я убивать ее брата?

— Ее сводного брата, — поправила я. — Конечно, нет. Но почему ты ничего не сказал мне об этом, Хэлси?

— По двум причинам, — медленно проговорил он. — Во-первых, ты уже присмотрела девушку для меня...

— Чепуха! — прервала я его, чувствуя, как заливаюсь краской. — Ну, положим, одна из... но это совершенно неважно.

— А во-вторых, — продолжал Хэлси, — Армстронги и знать меня не пожелают.

— Армстронги! — презрительно повторила я. — Стальный Питер Армстронг гонял дилижанс через перевал, когда твой дедушка был губернатором...

— Ну, положим, губернатор давно умер и не котируется на брачном рынке, — прервал меня Хэлси. — А нынешний Иннес признает себя недостаточно завидной парой... для Луизы.

— Ну, конечно, — расстроенно подхватила я. — Ты меришь свои достоинства по собственной шкале ценностей. Иннесам не всегда было свойственно подобное самоуничижение.

— Не всегда, верно, — Хэлси улыбнулся мне своей мальчишеской улыбкой. — К счастью, Луиза не согласна с семьей. Она не против взять меня — с дедом-губернатором или без оного, заручившись согласием матери. Она не особо ладит с отчимом, но обожает свою мать. Теперь ты видишь, в каком положении я оказался из-за этого дела? Мне придется рас прощаться с Армстронгами навеки.

— Но все это нелепо, — запротестовала я. — И, кроме того, Гертруда под присягой подтвердит, что ты покинул дом до убийства Арнольда Армстронга, и тебя сразу оправдают.

Хэлси вскочил с кресла и забегал взад-вперед по спальне. Мaska веселости спала с его лица.

— Она не может дать показания под присягой, — наконец сказал он. — Гертруда говорила правду, но не всю правду. Арнольд Армстронг приходил сюда в половине третьего — вошел в бильярдную и вышел через пять минут. Он приносил... одну вещь.

— Хэлси! — вскричала я. — Ты должен все рассказать мне. Всякий раз, как только я начинаю видеть возможный путь к твоему спасению, ты сам перегораживаешь его стеною таинственности. Что принес Армстронг?

— Телеграмму... для Бэйли, — ответил Хэлси. — Ее доставил специальный посыльный из города, и она была... крайне важной. Бэйли уехал с нами в Саннисайд, а посыльный сразу вернулся в город. Дворецкий отдал телеграмму Армстронгу — тот, пропьянствовав весь день, не мог заснуть и собираясь прогуляться по направлению к Саннисайду.

— И Армстронг принес телеграмму?

— Да.

— О чём говорилось в ней?

— Я не могу сказать тебе, пока общественности не станут известны некоторые факты. Теперь это дело всего нескольких дней, — мрачно ответил Хэлси.

— А рассказ Гертруды о телефонном звонке?

— Бедная Труда! — это Хэлси почти прошептал. — Бедная преданная девочка! Тетя Рэй, никакого телефонного звонка не было. Безусловно, вашему следователю это уже известно, и теперь все показания Гертруды ставятся под сомнение.

— И в бильярдную она спускалась, чтобы забрать забытую там телеграмму?

— Вероятно, — медленно проговорил Хэлси. — Когда начинаешь думать об этом деле, выходит, что мы, все трое, находимся под очень сильным подозрением, правда? И все же, могу поклясться, никто из нас не убивал этого несчастного даже непредумышленно.

Я посмотрела на дверь, ведущую в гардеробную Гертруды, и понизила голос.

— Та же ужасная мысль не оставляет и меня, — прошептала я. — Хэлси, ведь Гертруда наверняка взяла твой револьвер. Во всяком случае она ведь держала его в руках той ночью. И, может, после... вашего с Джоном отъезда... может, этот негодяй вернулся назад, и она... и она, защищаясь...

Я не смогла закончить. Хэлси смотрел на меня, сжав губы.

— Возможно, Гертруда услышала, как кто-то пытается открыть дверь... По утверждению полиции, ключа у Армстронга не было... И, полагая, что это ты или Джон, девочка впустила его. Увидев свою ошибку, она взбежала по лестнице на несколько ступенек и, обернувшись, словно затравленный зверь, выстрелила...

Хэлси зажал мне рот ладонью прежде, чем я успела кончить, и, застыв в такой позе, мы потрясенно уставились друг на друга.

— Револьвер... мой револьвер, выброшенный на цветочную клумбу, — пробормотал Хэлси словно про себя. — Выброшенный скорее всего со второго этажа — ты ведь говоришь, он был почти засыпан землей. И с тех пор Гертруда постоянно находится в какой-то пристрании... Тетя Рэй, ты думаешь, это Гертруда свалилась из бельевой камеры в прачечную?

Я могла только безнадежно кивнуть в ответ.

ТОРГОВЫЙ БАНК

Хэлси вернулся в понедельник вечером. Тело Арнольда Армстронга было найдено у подножия винтовой лестницы в воскресенье в три часа утра. Отпевание покойного назначили на вторник, а погребение решили отложить до возвращения Армстронгов из Калифорнии. Кажется, сама смерть Арнольда Армстронга никого особо не расстроила, но обстоятельства её возбудили в обществе симпатию к покойному и страшное любопытство к делу. Миссис Огден Фитчхуг, кузина миссис Армстронг, взявшая на себя организацию всех печальных мероприятий, старалась по возможности держать язык за зубами. Я отпустила Томаса Джонсона и миссис Уотсон в город отдать последнюю дань уважения сыну хозяина, но они почему-то не выразили особого желания поклониться гробу.

Часть дня Хэлси провел с мистером Джемисоном, но ничего не рассказал мне о разговоре со следователем. Он выглядел мрачным и встревоженным и вечером долго беседовал о чём-то с Гертрудой.

Во вторник вечером в Саннисайде царило спокойствие, какое наступает после грозы. Гертруда и Хэлси пребывали в унынии и смятении, а Лидди обнаружила пропажу фарфоровых тарелок — от старых слуг ничего невозможно скрыть, поэтому и я сама находилась не в лучшем расположении духа.

В семь часов Уорнер принес вечернюю почту. Мне было интересно узнать, что пишут газеты об убийстве. Мы отказали в даче интервью по меньшей мере дюжине репортеров. Но я прочитала заголовок, занимавший чуть не половину первого листа «Газетт», дважды, прежде чем поняла его смысл. Хэлси развернула «Кроникл» и уставился в газету немигающим взглядом.

— «Торговый банк закрывает двери!» — прочитала я и, опустив газету, посмотрела на Хэлси.

— Ты знал об этом? — спросила я.

— Я... ожидал этого. Но не так скоро, — последовал ответ.

— А ты? — обратилась я к Гертруде.

— Джек говорил нам что-то о такой возможности, — пролепетала девочка. — О, Хэлси, что нам теперь делать?

— Джек! — презрительно сказала я. — Побег вашего Джека теперь объясняется очень просто. И вы оба помогли ему скрыться! Это у вас от матери — Иннесы никогда так

не вели себя. Вы знаете, что все ваши деньги до последнего доллара хранились в этом банке?

Гертруда открыла было рот, но Хэлси остановил ее.

— Это еще не все, Гертруда,— спокойно сказал он.— Джек... арестован.

— Арестован! — вскричала Гертруда и вырвала газету из рук брата. Она мельком взглянула на заголовок, потом скомкала газету и швырнула ее на пол.

Бледный и потрясенный, Хэлси попытался разгладить газету, чтобы прочитать сообщение, а Гертруда, уронив голову на стол, бурно зарыдала.

Некоторые детали дела ускользнули из моей памяти, но суть ситуации заключалась в следующем.

Вечером предыдущего дня, то есть в понедельник, перед концом рабочего дня, между двумя и тремя часами, мистер Джекоб Траутман, президент компании «Перл Брюинг», явился в банк взять ссуду. В качестве поручительства за ссуду он поместил в банк около трехсот пятипроцентных акций Междуннародной пароходной компании общей стоимостью триста тысяч долларов. Мистер Траутман подошел к клерку, ведающему займами, и после оформления необходимых документов последний прошел в хранилище. Мистер Траутман, крупный добродушный немец, некоторое время ждал его, безмятежно наслаждаясь себе под нос. Служащий долго не возвращался. Потом мистер Траутман увидел, как клерк выходит из хранилища и подходит к помощнику кассира, и оба они спешно удаляются обратно в хранилище. Еще через десять минут помощник кассира появился в зале, приблизился к мистеру Траутману смертельно бледный и с трясущимися руками и попросил клиента зайти на следующее утро, поскольку, мол, по недосмотру ценные бумаги положили не в тот сейф и их нужно поискать.

Однако проницательному бизнесмену ситуация показалась подозрительной. Он покинул банк внешне спокойный, но в течение получаса позвонил трем членам совета директоров. В три тридцать состоялось экстренное заседание совета, которое проходило с бурными сценами, а ближе к вечеру ревизор из Национального банка ознакомился с конторскими книгами Торгового банка. Во вторник Торговый банк не открыл.

В двенадцать тридцать предыдущей субботы, сразу по окончании рабочего дня, мистер Джон Бэйли, кассир ныне покойного банка, надел шляпу и удалился с работы. Вечером он позвонил мистеру Аронсону, члену совета директо-

ров, и сообщил ему, что болен и, вероятно, не появится в банке ближайшие день-два. Мистер Аронсон, бывший весьма высокого мнения о мистере Бэйли, выразил сожаление по этому поводу. С вечера субботы до вечера понедельника, когда мистер Бэйли оказался в руках полиции, мало кто знал о его передвижениях. Спустя некоторое время после звонка мистеру Аронсону молодой кассир вошел в помещение Западного союза на Уайт-стрит и послал две телеграммы. В субботу же вечером он появился в клубе «Гринвуд», причем лица на нем не было. В сообщении говорилось, что его отпустили под огромный залог во вторник.

Статья заканчивалась следующим образом: еще до окончания работы ревизора стало известно о пропаже из хранилища ценных бумаг на сумму один с четвертью миллиона долларов. Затем газета резко осуждала организацию работы банка, при которой совет директоров собирался только позавтракать и выслушать короткий отчет кассира, и недальновидную политику правительства, которое всего лишь два или три раза в год устраивало трех-четырехдневные проверки банка. Арест кассира ничего не прояснил. До сих пор мелким служащим всегда приходилось отвечать за ошибки руководства.

После ареста Джон Бэйли сказал единственное: «Сейчас же вызовите мистера Армстронга». На телеграмму, которая, наконец, нашла президента Торгового банка в удаленном от побережья городке в Калифорнии, ответил доктор Уокер, молодой врач, сопровождавший семью Армстронгов в поездке. В ответной телеграмме сообщалось, что Пол Армстронг тяжело болен и не в состоянии путешествовать.

Так обстояли дела во вторник вечером. Торговый банк приостановил платежи, а Джон Бэйли находился под арестом. Пол Армстронг лежал тяжело больной в Калифорнии, а его единственный сын погиб два дня назад.

Я пребывала в растерянности и смятении. Все деньги детей пропали. Радоваться не приходилось, но у меня оставалось большое состояние — если, конечно, дети согласились бы взять часть моих денег. Но горе Гертруды просто не знало границ. Ее избранник был обвинен в колоссальной растрате — и даже хуже...

Теперь все указывало на Джона Бэйли как наиболее вероятного убийцу Арнольда Армстронга.

Гертруда наконец подняла голову и посмотрела через стол на брата.

— Почему он сделал это? — простонала она.— Неу-

жели ты не мог остановить его, Хэлси? Возвращаться в город было чистейшим самоубийством.

Хэлси смотрел в окно неподвижным взглядом и явно ничего не видел.

— Ему ничего не оставалось делать, Труда,— наконец произнес он.— Тетя Рэй, когда в прошлую субботу я встретил Джека в клубе, он был в отчаянии. Без позволения Джека я не могу говорить, но уверяй, он ни в чем не виноват. Я... Мы с Трудой думали, что помогаем ему, но ошибались. Он вернулся в город. Разве это не поступок невиновного человека?

— Тогда почему он вообще уехал из города? — спросила я, не убежденная словами мальчика.— Разве невиновный побежал бы из Саннисайда в три часа утра? Похоже, он просто понял, что скрыться ему не удастся.

Гертруда вспыхнула и вскочила на ноги.

— Ты просто несправедлива! Ты ничего не знаешь об этом деле — и обвиняешь Джека!

— Я знаю, что мы потеряли огромное состояние,— сказала я.— И я поверю в невиновность мистера Бэйли тогда, когда появятся факты, ее подтверждающие. Вы якобы знаете правду, но мне ничего не говорите. Что я должна думать?

Хэлси наклонился и нежно похлопал меня по руке.

— Ты должна верить нам,— сказал он.— Джон Бэйли не взял ни пенни чужого. Имя виновного станет известно в ближайшее время.

— Вот тогда я поверю вам,— сумрачно сказала я.— А пока я ничего не принимаю на веру. Излишняя доверчивость не свойственна Иннесам.

Стоявшая у окна Гертруда вдруг обернулась:

— Но когда вор попытается продать акции, его ведь будет легко поймать?

Хэлси снисходительно улыбнулся.

— Этого не произойдет. Ценные бумаги украл человек, который имел доступ к хранилищу. Он использует их как ломбардный залог в другом банке. Таким образом он сможет получить восемьдесят процентов их фактической стоимости.

— Наличными?

— Наличными.

— Но имя вора станет... станет известным?

— Да. Говорю вам: это Пол Армстронг обчистил собственный банк. Это так же верно, как то, что я стою перед вами. Он заработал на этом по меньшей мере миллион и

никогда не вернется назад. Я не просто разорен. Теперь я не могу просить руки Луизы, и одна мысль об этом приводит меня в бешенство.

В тот день самые обыденные происшествия таили в себе самые неожиданные возможности, и когда Хэлси позвали к телефону, я перестала симулировать процесс принятия пищи. Спустя некоторое время Хэлси вернулся к столу, и по лицу его было ясно, что что-то произошло. Но заговорил мальчик только после обеда.

— Пол Армстронг,— мрачно объявил он,— умер сегодня утром в Калифорнии.

Гертруда побледнела.

— И единственный человек, который мог оправдать Джека, теперь никогда этого не сделает,— в отчаянии произнесла она.

— И, кроме того,— холодно подхватила я,— мистер Армстронг навсегда лишен возможности защитить себя самого. Когда твой Джек явится ко мне с двумястами тысячами долларов (примерно такую сумму ты потеряла), вот тогда я поверю в его невиновность.

Хэлси отшвырнул сигарету в сторону и обернулся ко мне.

— Ну, приехали! — воскликнул он.— Если бы он был вором, то, конечно, смог бы вернуть деньги. А если Джек невиновен, то скорее всего не располагает и десятой частью названной суммы! Как это похоже на женщин!

Гертруда, которая в начале разговора была бледна и расстроена, гневно вспыхнула. Она вскочила на ноги и сверху вниз взглянула на меня с презрением очень юной и твердо убежденной в своей правоте девушки.

— У меня не было другой матери, кроме тебя,— напряженным голосом проговорила она.— Я отдала тебе все, что отдала бы настоящей матери, останься она жива: мою любовь и мое доверие. И теперь, когда я нуждаюсь в твоей поддержке, как никогда, ты предаешь меня. Повторяю, Джек Бэйли — хороший и честный человек. А если ты ему не веришь, ты... ты...

— Гертруда,— резко оборвал Хэлси сестру. Она упала в кресло и, уронив лицо в ладони, заслезилась.

— Я люблю его... люблю. Я никогда не думала, что все так кончится,— прорыдала она в приступе совершенно не свойственной ей слабости.

Мы с Хэлси чувствовали себя абсолютно беспомощными перед столь бурным проявлением горя. Я бы успокоила де-

вочку, но она оттолкнула меня; в страдании ее появилась какая-то новая для меня, странная отчужденность.

Наконец все слезы у бедняжки иссякли, и она могла только судорожно всхлипывать, словно усталый ребенок. Тогда, не поднимая головы, Гертруда протянула мне руку и прошептала:

— Тетя Рэй!

В тот же миг я очутилась перед ней на коленях. Гертруда обняла меня за шею и прижалась щекой к моим волосам.

— А я? — внезапно спросил Хэлси и попытался обнять нас обеих одновременно. Это несколько отвлекло нас, и Гертруда вскоре пришла в себя. После краткой грозы воцарилось затишье. Однако я осталась при своем мнении. Многие обстоятельства дела должны были проясниться, прежде чем я решила бы возобновить свое знакомство с Джоном Бэйли. И, зная меня, Хэлси и Гертруда знали это.

ПЛЕННИК ХЭЛСИ

Мы покинули столовую около половины девятого и, по-прежнему всецело поглощенные новостью о крахе банка и смерти его владельца, вышли с Хэлси прогуляться. Скоро к нам присоединилась Гертруда. «Свет густел», если воспользоваться выражением Шекспира, и снова ночь наполнила голоса древесных лягушек, сверчков и прочих крохотных живых существ. Это ночное пение навевало на меня грусть невыразимую, я внезапно ощутила острый приступ тоски по вечернему городу: по стуку конских копыт, огням, голосам и смеху играющих детей. Звезды, почти не заметные в городе при свете электрических фонарей, здесь стали настойчивы и самоуверенны. Неожиданно я обнаружила, что бессознательно выискиваю на небе знакомые созвездия и чувствую себя при этом крохотной и жалкой под высокими черными небесами. Крайне неприятное ощущение.

После того как к нам присоединилась Гертруда, мы больше не вспоминали об убийстве, хотя Хэлси, как и я, ни на минуту, видимо, не забывал о разговоре, имевшем место прошлой ночью. Когда мы прогуливались взад-вперед по аллее, из-за густых деревьев навстречу нам неожиданно выступил мистер Джемисон.

— Добрый вечер!

Он попытался поклониться всем одновременно, включая Гертруду. Девочка никогда не была чрезмерно любез-

ной с молодым человеком, посему лишь холодно кивнула в ответ. Хэлси, однако, проявил больше сердечности, хотя все мы и чувствовали некоторую напряженность. Дети пошли вперед, оставив меня наедине со следователем. Как только они оказались за пределами слышимости, мистер Джемисон повернулся ко мне.

— Знаете, мисс Иннес, — сказал он, — чем глубже вникаю я в это дело, тем более странным оно мне кажется. Мне очень жаль мисс Гертруду. Похоже, Бэйли, которого она так отчаянно пытается спасти, больше, чем простой мошенник. И отважная попытка выгородить его говорит не в пользу вашей племянницы.

Я устремила взор в темноту, где среди деревьев мелькало белое платье Гертруды. Да, бедная девочка действительно отчаянно пыталась выгородить Бэйли. Все ее поступки вызывали у меня только чувство острого сострадания к ней. Если бы она рассказала мне всю правду!

— Мисс Иннес, — говорил Джемисон, — в последние три дня видели ли вы каких-нибудь подозрительных людей на территории поместья? Какую-нибудь женщину?

— Нет, — ответила я. — У меня полный дом чрезвычайно бдительных горничных. Никакая подозрительная женщина на территории поместья не появлялась, иначе Лидди обязательно заметила бы ее. У Лидди не глаза, а телескопы.

Мистер Джемисон казался задумчивым.

— Конечно, может, это ничего не значит, — медленно проговорил он. — Здесь очень трудно составить правильное представление о вещах, поскольку каждый человек в деревне уверен, что собственными глазами видел убийцу — либо до убийства, либо после. А половина местных жителей указывает на одно-два обстоятельства как на решающие в деле. Но кучер наемного экипажа поведал историю, которая может оказаться важной.

— Пожалуй, я ее знаю. Это часом не та история, которую вчера принесла из деревни горничная — о привидении, размахивающем руками на крыше какого-то дома? Или, возможно, вот эта, которую я слышала от мальчишки-мальчишка — о бродяге, который стирал грязную, скорее всего испачканную в крови рубашку в ручье под мостом?

Я видела, как блеснули зубы мистера Джемисона, когда он улыбнулся.

— Ни первое, ни второе. Но Мэтью Гайст, как зовут извозчика, утверждает, что в субботу вечером, в половине десятого, некая леди с лицом, закрытым вуалью...

— Я так и знала, что без леди в вуали дело не обойдется...

— Так вот, некая леди с лицом, закрытым вуалью,— настаивал следователь,— села в его бричку и велела ехать в Саннисайд. Возле ворот она, однако, попросила остановиться, мотивировав просьбу желанием пройтись пешком, и извозчик высадил ее там. Скажите, мисс Иннес, не появлялась ли подобная гостья в Саннисайде?

— Не появлялась,— решительно ответила я.

— Сначала Гайст принял ее за одну из служанок: ведь в тот день к вам прибыло новое поступление прислуги. Но нежелание женщины подъехать к самому дому показалось извозчику странным. Во всяком случае теперь у нас имеются в наличии одна завуалированная леди и один таинственный посетитель, приходивший в Саннисайд в пятницу ночью. Итого есть два возможных действующих лица сей загадочной истории. Причем какова их роль во всем случившемся, ума не приложу.

— Да, все это непонятно,— согласилась я.— Хотя у меня есть одно возможное объяснение. Тропинка от клуба «Гринвуд» до деревни упирается в проселочную дорогу неподалеку от ворот в поместье, возле сторожки. Для женщины, желающей дойти до местного клуба незамеченной, это очень удобный путь. Клуб посещает много женщин.

Похоже, это предположение заставило следователя задуматься, ибо очень скоро он пожелал мне спокойной ночи и откланялся. Но меня саму предложенное объяснение далеко не удовлетворило. Однако для себя я твердо решила: если мои подозрения (а подозрения у меня имелись) справедливы, то я буду вести собственное расследование, о ходе которого мистер Джемисон узнает только то, что я сочту нужным ему сообщить.

Мы вернулись в особняк, и Гертруда, несколько пришедшая в себя после разговора с братом, уселась за письменный стол в гостиной писать письмо. Хэлси, окутанный клубами табачного дыма, бродил по восточному крылу — из рабочего кабинета в бильярдную, из бильярдной в гостиную и наоборот. Некоторое время спустя я присоединилась к нему в бильярдной и в очередной раз пересказала мальчику все подробности обнаружения тела.

В рабочем кабинете было темно. В бильярдной, где мы сидели, горело единственное бра — и разговор велся приглушенными голосами, как того требовали тема и час суток. Когда я рассказала о фигуре, которую мы с Лидди видели

в окне кабинета, Хэлси неторопливо прошел в упомянутое помещение. Я последовала за ним.

Французское окно выделялось серым прямоугольником посреди черной стены, как и в ту ночь. В нескольких футах от него, в холле был найден труп Арнольда Армстронга. Холодок пробежал у меня по спине, и я положила руку на рукав Хэлси. Внезапно на верхних ступеньках винтовой лестницы раздались осторожные шаги. Сначала я решила, что мне послышалось, но поведение Хэлси показывало, что он тоже услышал посторонние звуки и теперь напряженно прислушивался. Шаги — медленные, размеренные и чрезвычайно осторожные — все приближались. Хэлси попытался отцепить мои пальцы от своего рукава, но я просто окаменела от ужаса.

Резкий шорох прижалвшегося к изогнутым перилам тела свидетельствовал о том, что некто достиг основания лестницы и заметил два наших неподвижных силуэта в освещенном дверном проеме бильярдной комнаты. Тогда Хэлси наконец высвободился и шагнул вперед.

— Кто здесь? — требовательно спросил он и сделал несколько стремительных шагов по направлению к винтовой лестнице. Затем он приглушиенно чертыхнулся. Раздался шум падающего тела, оглушительно хлопнула входная дверь — и воцарилась тишина. Кажется, я завизжала. Потом я сообразила включить свет и обнаружила белого от ярости Хэлси на полу; он пытался высвободиться из чего-то мягкого и пушистого. Мальчик разбил лоб о нижнюю ступеньку и являл собой довольно жуткое зрелище. Наконец он швырнул в меня загадочный белый предмет и, рывком открыл входную дверь, бросился в темноту.

На шум прибежала Гертруда, и теперь мы стояли, уставившись друг на друга, а между нами на полу лежало — что бы вы думали? — белое шелковое пуховое одеяло, красивое необычайно! Тонко благоухающее, отделанное лиловой каймой, оноказалось вещью, не имеющей с призраками абсолютно ничего общего.

— Кто-то... куда-то нес его? — спросила Гертруда.

— Да. Хэлси попытался остановить человека, но упал. Гертруда, это не мое одеяло. Я никогда не видела его.

Гертруда подняла одеяло и принялась рассматривать его, потом распахнула дверь на террасу. Футах в ста от дома виднелись две фигуры, которые медленно приближались к нам. Когда они вошли в полосу света, я узнала Хэлси и миссис Уотсон, домоправительницу.

ОДНА ТАЙНА ВМЕСТО ДРУГОЙ

Самое заурядное, на первый взгляд, событие обретает новое значение, если ему сопутствуют необычные обстоятельства. Почему бы миссис Уотсон было не снести одеяло вниз по винтовой лестнице, если ей так этого хотелось? Но она понесла одеяло вниз в одиннадцать часов вечера, стараясь производить как можно меньше шума, и, будучи обнаженной, швырнула одеяло в Хэлси и попыталась смыться (выражение мальчика, на мой взгляд, верное). Все вышеперечисленное указывало на значимость события.

Двое медленно шли через лужайку и поднимались по ступеням террасы. Хэлси спокойно говорил что-то, а миссис Уотсон слушала, опустив глаза. Несколько я могла судить, эта женщина отличалась чрезвычайно развитым чувством собственного достоинства, хотя Лидди наверняка придерживалась другого мнения на этот счет. Но сейчас лицо ее хранило совершенно загадочное выражение: несмотря на видимое смижение, домоправительница имела вид упрямый и вызывающий, хоть и несколько потрясенный.

— Миссис Уотсон,— сухово сказала я,— не будете ли вы столь любезны, чтобы объяснить сие довольно необычное происшествие?

— Я не нахожу его необычным, миссис Иннес.— Голос у нее был низкий и очень чистый. Сейчас в нем слышалась легкая дрожь.— Я несла одеяло Томасу. Он... он не очень хорошо чувствовал себя вечером. Я спускалась по винтовой лестнице, поскольку тропинка к сторожке проходит поблизости от восточного крыла. Когда... мистер Иннес закричал, а потом бросился на меня, я... я испугалась и швырнула в него одеяло.

Хэлси рассматривал в маленьком настенном зеркале рану на лбу. Она была неглубокой, но обильно кровоточила, и вид у мальчика был довольно жуткий.

— Томас болен? — спросил он через плечо.— Странно, мне показалось, я видел Томаса на улице, когда рванул за вами с террасы.

Я заметила, что мальчик уже перестал рассматривать себя и незаметно следит в зеркало за лицом домоправительницы.

— Это одно из одеял для слуг, миссис Уотсон? — спросила я, расправляя на свету роскошные шелковые складки.

— Все остальные закрыты в кладовой,— ответила она.

Это походило на правду: я сняла дом без права пользования постельными принадлежностями хозяев.

— Если Томас болен,— сказал Хэлси,— его нужно навестить. Вам не стоит беспокоиться, миссис Уотсон. Я сам отнесу одеяло.

Домоправительница встрепенулась, словно собираясь запротестовать, но не нашла, что сказать. Она стояла со смертельно-бледным лицом, разглаживая складки на своем черном платье. Потом миссис Уотсон как будто что-то решила для себя.

— Прекрасно, мистер Иннес. Тогда идите. Я сделала все, что могла.

И домоправительница повернулась, поднялась по ступенькам лестницы, двигаясь медленно и с достоинством. Мы трое стояли в холле над лежащим на полу белым одеялом, растерянно переглядываясь.

— Ей-богу,— наконец нарушил молчание Хэлси.— Этот Саннисайд — сплошной кошмар. Складывается такое впечатление, словно мы заплатили деньги за удовольствие жить на этой фабрике по производству привидений и находимся в самой гуще событий, оставаясь здесь чужаками. Мы видим происходящее изнутри, но не являемся полноценными участниками событий.

— Ты полагаешь, она действительно несла это для Томаса? — с сомнением спросила Гертруда.

— Томас стоял на улице за магнолией, когда я гнался за миссис Уотсон,— ответил Хэлси.— Отсюда напрашивается единственный вывод, тетя Рэй. Корзинка Рози и одеяло миссис Уотсон свидетельствуют о том, что кто-то прячется или прятался в сторожке. Вполне вероятно, ключ к ситуации находится сейчас в наших руках. Во всяком случае я собираюсь идти в сторожку и все выяснить.

Гертруда выразила желание сопровождать брата, но девочка выглядела такой смятенной, что я категорически запретила ей выходить из дома. Я послала за Лидди, чтобы та отвела Гертруду в спальню, а сама вместе с Хэлси отправилась к сторожке. Трава была мокрой от росы, но Хэлси, как подобает мужчине, выбрал кратчайший путь и пошел через луг. Однако на полпути он остановился.

— Лучше вернуться на аллею,— сказал он.— Это не луг, это запущенное поле. Где здешний садовник?

— Здесь нет садовника,— кротко ответила я.— До сих пор мы были благодарны хотя бы за то, что нам готовят пищу и проветривают постели. Здешний садовник работает сейчас в клубе.

— Напомни мне завтра, чтобы я прислал человека из города. У меня есть на примете отличный садовник.

Этот незначительный разговор я вспомнила, поскольку стараюсь последовательно изложить все факты, относящиеся к делу, а садовник, которого Хэлси прислал в Саннисайд на следующий день, сыграл важную роль в событиях, имевших место в последующие несколько недель и потрясших всю округу. Однако в ту минуту я, занятая своими промокшими юбками, не обратила внимания на это в высшей степени обыденное замечание.

Выходя на аллею, я показала Хэлси место, где нашла корзинку, полную битого фарфора. Мальчик отнесся к моему рассказу скептически.

— Наверное, Уорнер,— предположил он, когда я закончила.— Сначала решил подшутить над Рози, а потом подобрал осколки с дороги, зная, какую опасность представляют они для шин автомобиля.— Это замечание показывает, насколько близко может человек подойти к правде и все-таки упустить ее.

В сторожке было тихо. В гостиной на первом этаже горел свет, и одно из окон наверху тоже слабо светилось, словно в комнате горел ночник. Хэлси остановился и прищурился глазами окинул дом.

— Не знаю, тетя Рэй,— с сомнением в голосе проговорил он,— едва ли это женское дело. Если станет жарко — чеши в лес,— таким образом мальчик на студенческом жаргоне выражал нежную заботу обо мне.

— Я останусь здесь.

Я пересекла маленькую террасу, теперь затененную и благоухающую жимолостью, и решительно постучала в дверь.

Дверь открыл сам Томас, полностью одетый и совершенно здоровый на вид. Одеяло было перекинуто через мою руку.

— Я принесла одеяло, Томас,— сказала я.— Жаль, что ты так серьезно заболел.

Старик переводил взгляд с моего лица на одеяло. При любых других обстоятельствах смущение его показалось бы комичным.

— Как?! Ты не болен? — воскликнул Хэлси за моей спиной.— Томас, да ты просто симулянт!

Дворецкий будто обдумывал что-то и пришел, наконец, к какому-то решению. Он вышел на террасу и тихо прикрыл дверь за собой.

— Думаю, вам лучше войти, мисс Иннес,— сказал старик, тщательно подбирая слова.— Так получается, я не знаю, что делать, но рано или поздно все откроется.

После этих слов он открыл дверь, и я вошла в дом. Хэлси последовал за мной. В гостиной старый негр со спокойным достоинством повернулся к Хэлси.

— Вам лучше посидеть здесь, сэр. Мужчинам там делать нечего.

События разворачивались совсем не так, как предполагал Хэлси. Он присел на край стола, не вынимая рук из карманов, и провожал взглядом меня и Томаса, пока мы поднимались по узкой лестнице. На верхней площадке стояла женщина, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся Рози. Она слегка отшатнулась в испуге, но я ничего не сказала. Томас указал мне на приоткрытую дверь, и я вошла в нее.

На втором этаже сторожки размещались три хорошо обставленные спальни. В этой — самой просторной — горел ночник, и при свете его я различила простую металлическую кровать. На ней спала или лежала в забытии девушка. Время от времени она что-то невнятно бормотала. Рози, наконец, взяла себя в руки, вошла и включила свет. Только тогда я узнала в горящей от жара больной девушке Луизу Армстронг.

Оцепенев от изумления, я уставилась на нее. Луиза, большая и одинокая, скрывается здесь, в сторожке! Рози подошла к кровати и поправила стеганое одеяло.

— Боясь, ей стало хуже сегодня,— осмелилась все же заметить она.

Я положила ладонь на лоб больной. Лоб горел. Я обернулась к двери, за которой томился Томас.

— Может, вы объясните мне, Томас Джонсон, из каких соображений вы не сообщили мне об этом раньше? — возмущенно поинтересовалась я.

Старик съежился.

— Мисс Луиза не позволила мне,— горячо сказал он.— Я хотел. Собирался вызвать доктора еще в ту ночь, когда она приехала. Но мисс Луиза и слышать об этом не хотела. Она... она очень плоха, мисс Иннес?

— Очень,— холодно ответила я.— Попросите мистера Иннеса подняться сюда.

Хэлси поднимался по ступенькам неторопливо и вошел в спальню с видом заинтересованным и слегка насмешливым. Он остановился, взглянул на Рози, на меня, потом

перевел глаза на головку с разметавшимися волосами на подушке. Думаю, мальчик сердцем почувствовал, кто это, прежде чем действительно разглядел девушку. В два стремительных шага он пересек спальню и склонился над постелью.

— Луиза! — нежно окликнул он больную.

Но она не ответила и явно не узнала его. Хэлси был еще очень молод и не знаком с серьезными болезнями. Он медленно выпрямился, не отрывая взгляда от Луизы, и вцепился мне в руку.

— Она умирает! — хрипло проговорил он.— Умирает! Она не узнает меня.

— Ерунда! — отрезала я, поскольку всегда в минуты душевной слабости склонна к раздражительности.— Она не делает ничего подобного, и прекрати щипать меня за руку. Если тебе не терпится сделать что-нибудь, то пойди и придуши Томаса.

Но в этот момент Луиза очнулась и зашлась страшным кашлем. После приступа она откинулась с помощью Рози на подушки и, наконец, узнала нас. Больше Хэлси ничего и не требовалось: для него возвращение сознания уже означало выздоровление. Он упал на колени рядом с кроватью и попытался сказать девушке, что с ней все в порядке, что скоро мы приведем ее в норму, что выглядит она прекрасно, но потом осекся на полуслове. Тут я пришла в себя и выставила мальчика из спальни.

— Сию же минуту! — приказала я, когда он заколебался.

Хэлси не стал уходить далеко. Вызвав по телефону доктора, он сидел на верхней ступеньке лестницы или путался под ногами со своими настойчивыми предложениями пойти куда-нибудь и что-нибудь принести.

В конце концов я избавилась от мальчика, послав его подготовить машину на случай, если доктор разрешит перевезти больную в особняк. Хэлси отправил в сторожку Гертруду, нагруженную огромным количеством самых невероятных вещей, в том числе ворохом турецких полотенец и коробкой горчичников. А поскольку девушки были знакомы, Луиза несколько воспрянула духом при виде Гертруды.

Пока доктор из Инглвуда ехал в Саннисайд, я заставила замолчать Томаса, который пытался объяснить мне что-то, непонятное ему самому, и после продолжительной беседы со стариком узнала следующее.

В субботу вечером около десяти часов он читал в гости-

ной, когда кто-то постучал в дверь. Старик находился в доме один (Уорнер еще не приехал) и сначала не хотел открывать. Но открыв все-таки, он с изумлением обнаружил перед собой Луизу Армстронг. Томас был старым слугой и знал нынешнюю мисс Армстронг еще ребенком, поэтому вид Луизы просто потряс его: девушка казалась возбужденной и усталой. Старик провел ее в гостиную и усадил в кресло. Спустя некоторое время он сходил в особняк за миссис Уотсон, и они допоздна разговаривали в сторожке. Томас сказал, что Луиза, кажется, попала в беду и очень испугана. Миссис Уотсон приготовила чай и отнесла его девушке. Луиза категорически запретила слугам говорить кому-либо о своем приезде. Она не знала, что Саннисайд сдан на лето, и это обстоятельство усложнило ситуацию. Девушка казалась растерянной и сбитой с толку. Ее отчим и мать остались в Калифорнии — больше она ничего не сказала. Почему она убежала, никто не представлял. Мистер Арнольд Армстронг жил в клубе «Гринвуд», и тогда Томас, не зная, что еще можно сделать, отправился туда по тропинке. Дело происходило незадолго до полуночи. На середине пути он встретился с самим Армстронгом и привел его в сторожку. Миссис Уотсон вернулась в особняк за постельным бельем, поскольку в таких обстоятельствах Луизе было лучше оставаться в сторожке до утра. Между Арнольдом Армстронгом и Луизой произошел долгий разговор; молодой человек вел его на повышенных тонах и под конец впал в страшную ярость. Он покинул сторожку после двух и направился к особняку — Томас не знал зачем; а в три часа он был застрелен у подножия винтовой лестницы.

На следующее утро Луиза заболела. Она спросила об Арнольде, и ей сказали, что он уехал. У Томаса не хватило смелости сообщить девушке о смерти брата. Вызывать врача она запретила и болезненно сжималась при одной мысли о том, что о ее присутствии станет известно. Миссис Уотсон и Томас, по горло занятые хозяйственными делами, привлекли для помощи Рози, которая носила в сторожку еду в небольшом количестве и помогала хранить тайну.

Томас честно признался, что хотел скрыть присутствие Луизы еще и по следующей причине: все они видели Арнольда Армстронга в роковую ночь, а сам старик, как известно, не питал к покойному никаких теплых чувств. О причинах же побега Луизы из Калифорнии; о том, почему она не остановилась у Фитцхугов или других знакомых в

городе, Томас знал не больше меня. Смерть отчима Луизы и перспектива скорого возвращения матери окончательно усложняли ситуацию. Мне показалось, старый дворецкий вздохнул с облегчением, когда присутствие молодой хозяйки обнаружилось. Нет, девушка пока не знала о смерти брата и отчима.

Но теперь одна тайна заменилась другой. Если я знала, куда ходила Рози с корзинкой посуды, то не знала, кто встретил ее на аллее. Если выяснилось, что в сторожке находилась Луиза, то причина ее побега оставалась неизвестной. И если я знала, что Арнольд Армстронг незадолго до смерти провел некоторое время в сторожке, то это обстоятельство никоим образом не приближало нас к раскрытию преступления. Кто упал в прачечную из бельевой камеры? Кем являлся возлюбленный Гертруды — преступником или жертвой? Ответы на эти вопросы могло дать только время.

ЛУИЗА

Доктор из Инглвуда приехал очень скоро, и я поднялась вместе с ним к девушке. Хэлси отправился проследить за подготовкой автомобиля к перевозке больной, а Гертруда проветривала и приводила в порядок комнаты Луизы в особняке. Ее гостиная, спальня и гардеробная, находящиеся в самом конце восточного крыла, за винтовой лестницей, оставались незанятыми, мы даже не открывали их.

Сама девушка чувствовала себя слишком плохо, чтобы замечать что-либо вокруг. Когда с помощью доктора, по-отечески заботливого человека, обремененного многочисленными дочерьми и женой, мы довезли ее до Саннисайд и довели до спальни, она моментально погрузилась в нездоровий тревожный сон, который продлился до утра. Доктор Стюарт (так звали инглвудского врача) оставался у постели больной всю ночь, давая ей лекарства и неотрывно наблюдал за ее состоянием. Позже он сказал мне, что девушка чудом избежала серьезного воспаления легких и церебральные симптомы были угрожающими.

Доктор покинул Саннисайд после завтрака, сказав на прощание, что, по его мнению, опасность уже миновала, но девушке необходим полный покой.

— Изолгаю, заболевание спровоцировано нервным потрясением, испытанным при известии о двух смертях в семье, — заметил он. — Все это весьма прискорбно.

— Она ничего не знает, доктор. И, пожалуйста, не говорите ей.

Доктор казался удивленным, насколько может казаться удивленным медик.

— Я не знаком с семейством Армстронгов, — сказал он, садясь в свою двуколку. — Их лечил молодой Уокер из Казановы. Насколько я понимаю, он собирается жениться на юной леди.

— Васdezинформировали, — холодно ответила я. — Мисс Армстронг собирается выйти замуж за моего племянника.

Доктор улыбнулся и взял вожжи.

— В наши дни юные леди крайне непостоянны, — сказал он. — Мы все считали, что свадьбы не миновать. Что ж, я загляну ближе к вечеру, посмотрю, как идут дела у больной.

Он поехал, а я стояла и смотрела ему вслед. Он был доктором старой школы, представителем постепенно вымирающего племени семейных врачей, которые одновременно являлись доверенными советчиками для своих пациентов. В пору моего детства мы вызывали такого доктора, когда дети болели корью и когда на Дальнем Западе умерла мамина сестра. С одинаково уверенным и спокойным видом он вырезал гlandы и принимал роды. В нынешнее время для каждой из этих операций требуется отдельный специалист. Когда грудные дети плакали, доктор Уэйнрайт давал им мятные леденцы и закапывал сладкое масло в ушки с твердой уверенностью в то, что если это не колики, то, значит, ушная боль. Когда в конце года пapa встречал его на дороге в высоком кабриолете, запряженном белой кобылой, и спрашивал о счете за оказанные услуги, доктор обычно ехал домой, приблизительно оценивал свою работу за год, делил полученный результат пополам — едва ли он вел учетные книги — и посыпал папе счет, написанный неразборчивым почерком на листе белой линованной бумаги. Доктор был почетным гостем на всех свадьбах, крестинах и похоронах, ибо все знали: он всегда делает все, что в его силах, но пути Господни неисповедимы.

Впрочем, доктора Уэйнрайта давно нет в живых, а я превратилась в пожилую женщину с нарастающей тенденцией жить в прошлом. Принципиальное различие между моим старым домашним доктором и доктором из Казановы Фрэнком Уокером всегда вызывает у меня приступы гнева и желание отклониться от темы повествования для лирического отступления.

Около полудня того дня, среды, мне позвонила миссис Огден Фитцхуг. Наше с ней знакомство носило весьма поверхностный характер: она как-то умудрилась пролезть в правление Дома престарелых леди и испортила старушкам пышеварение, посыпая им каждые выходные мороженое и пирожные. Кроме этого да еще ее репутации среди игроков в бридж (она считалась самым слабым игроком в клубе), я знала о ней мало. Однако именно она занималась организацией похорон Арнольда Армстронга, и я мгновенно подошла к телефону.

— Да,— сказала я.— Мисс Иннес слушает.

— Мисс Иннес,— зачалила она,— я только что получила в высшей степени странную телеграмму от моей кузины, миссис Армстронг. Ее муж умер вчера в Калифорнии и... подождите минуточку... сейчас я вам прочитаю.

Я сразу поняла, что за этим последует, и мгновенно приняла решение. Если у Луизы Армстронг были веские причины оставить семью и вернуться домой — причины тем более основательные, что она не появилась у миссис Фитцхуг, а предпочла скрываться в сторожке Саннисайд,— то предавать ее не входило в мои намерения. Луиза сама должна была выбирать себе доверенных. Сейчас я не оправдываю себя, но, помню, тогда относилась к семейству Армстронгов не слишком доброжелательно. Я оказалась самым неприятным образом замешанной в хладнокровное убийство, а мои племянники остались практически нищими по вине — прямой или косвенной — главы семейства.

Миссис Фитцхуг, наконец, разыскала телеграмму.

— «Вчера умер Пол,— прочитала она.— Телеграфируй срочно, у вас ли Луиза». Видите ли, мисс Иннес, должно быть, Луиза поехала на Восток, и Фанни беспокоится о ней.

— Да,— сказала я.

— У меня Луизы нет,— продолжала миссис Фитцхуг.— И никто из знакомых в городе ее тоже не видел. Вот почему я звоню вам: поскольку Луиза не знала, что Саннисайд сдан, она могла вернуться туда.

— Очень жаль, миссис Фитцхуг, но ничем не могу помочь вам,— сказала я и тут же почувствовала угрызения совести. А если Луизе станет хуже? Кто я такая, чтобы играть роль Провидения? Встревоженная мать, безусловно, имеет право знать, что ее дочь находится в хороших руках. Поэтому я оборвала многословные извинения миссис Фитцхуг за причиненное беспокойство.

— Миссис Фитцхуг,— сказала я,— я собираюсь притвориться, что ничего не знаю о Луизе Армстронг, но передумала. Луиза в Саннисайде.— На другом конце провода плеснули возбужденные восклицания.— Она больна и не в состоянии путешествовать сейчас. Более того, она не в состоянии никого принимать. Будьте любезны, телеграфируйте ее матери, что девушка в Саннисайде и за нее не следует волноваться. Нет, я не знаю, почему Луиза вернулась на Восток.

— Но дорогая моя мисс Иннес! — начала было миссис Фитцхуг.

Я безжалостно прервала ее.

— Я пошлю за вами, как только больная сможет принимать посетителей. Нет, опасность уже миновала, но врач прописал ей полный покой.

Повесив трубку, я села и задумалась. Итак, Луиза бежала от родителей и прибыла на Восток совершенно одна! Это уже было известно, но почему она так поступила? Мне пришло в голову, что виноват в этом может быть, например, доктор Уокер, докучавший девушке нежелательными знаками внимания. Но Луиза мало походила на девушку, которая при таких обстоятельствах ударила бы в бегство. Всегда веселая, с гордо посаженной головкой и летящей поступью — такая девушка, насколько я понимала, скорее отвергла бы все неприятные ей ухаживания столь решительно, что бежать сломя голову пришлось бы кавалеру, но никак не ей.

Через полчаса напряженных раздумий тайна не стала яснее. Я взяла утренние газеты, по-прежнему полные сообщений о крахе Торгового банка и смерти Пола Армстронга. Банковские ревизоры продолжали работать с конторскими книгами и ничего пока не сообщали прессе. Джон Бэйли был освобожден под залог. Тело Пола Армстронга должны были привезти из Калифорнии в воскресенье и похоронить в Казанове. Ходили слухи, что покойный оставил после себя относительно маленькое состояние. Последний абзац содержал важные сведения.

Уолтер Р. Броадхерст отдал две сотни Американских акций под заем в сто шестьдесят тысяч долларов в руки самого Пола Армстронга накануне отъезда последнего в Калифорнию. Эти ценные бумаги пропали из Торгового банка вместе с другими. И если это обстоятельство, безусловно, бросало тень подозрения на покойного президента банка, то, на мой взгляд, никак не обеляло его кассира.

Садовник, присланный Хэлси, прибыл около двух часов пополудни и пришел от станции пешком. Молодой человек произвел на меня приятное впечатление. У него были хорошие рекомендации — он работал у Брэйсов до отъезда последних в Европу, и вид компетентного и решительного человека. Он попросил дать ему одного помощника, и я осталась довольна, что так легко отдалась. Новый садовник был симпатичным, черноволосым и голубоглазым, звали его Александр Грэхем. Я так подробно распространяюсь об Алексе, поскольку он сыграл важную роль в последующих событиях.

Вечером того же дня, после первого разговора с Луизой, я получила новое представление о характере покойного банкира. Она послала за мной, и я пошла против своей воли. Будущий разговор страшил меня, ибо девушке в ее ослабленном состоянии о многом нельзя было рассказывать. Однако встреча наша прошла гораздо легче, нежели я предполагала, поскольку Луиза не задавала никаких вопросов.

Гертруда, которая провела всю ночь на ногах, отправилась спать, а Хэлси опять куда-то отлучился — таинственные отлучки его становились все более частыми и продолжались до десятого июня, в день, когда произошла развязка этой истории.

В спальне больной дежурила Лидди и за неимением других занятий проводила время в основном за разглаживанием складок на одеяле. Луиза лежала под девственно белым прямоугольником с геометрически правильным отворотом под подбородком, и в целях сохранения строгости композиции Лидди поправляла одеяло всякий раз, когда девушка поворачивалась.

Услышав мои шаги, Лидди вышла встретить меня. Она пребывала в состоянии хронического страха и приобрела привычку во время разговора пристально смотреть собеседнику через плечо. Это заставляло меня постоянно оглядываться назад, чтобы увидеть, на что она там пялится, и раздражало необычайно.

— Она не проснулась, — сообщила Лидди, тревожно всматриваясь в винтовую лестницу, находящуюся у меня за спиной. — Она говорила во сне что-то ужасное: о покойниках и гробах.

— Лидди, — суроно осведомилась я, — ты обмолвилась при девушке хоть словом о последних событиях?

Лидди перевела блуждающий взгляд на дверь бельевой камеры, теперь надежно запертой.

— Ни единым словом, — ответила она. — Я только задала ей один-два совершенно безобидных вопроса. Она сказала, что в Саннисайде никогда не водилось никаких привидений.

У меня хватило сил лишь испепелить ее взглядом, потом я, к великому разочарованию Лидди, плотно закрыла дверь в гардеробную и прошла в спальню больной.

Каким бы человеком ни был Пол Армстронг, но для падчерицы он денег явно не жалел. Комнаты Гертруды в нашем городском доме всегда очень нравились мне, но апартаменты в восточном крыле Саннисайда, отведенные для Луизы, далеко превосходили их в роскоши. От стен до ковров на полу, от мебели до оборудованной всеми удобствами ванной — все здесь сверкало великолепием. Луиза лежала с открытыми глазами в ожидании моего прихода. Девушка выглядела уже значительно лучше: лихорадочный румянец исчез с ее щек, и дыхание из частого и прерывистого стало ровным и спокойным.

Она протянула мне руку, и я взяла ее в свои.

— Что я могу сказать вам, мисс Иннес? — медленно проговорила Луиза. — Явиться таким образом...

Мне показалось, девушка собирается заплакать.

— Думайте только о том, чтобы скорей выздороветь, — я нежно похлопала ее по руке. — Когда вам станет лучше, я отругаю вас за то, что вы не пришли сюда сразу. Это ведь ваш дом, дорогая, и кого, как не вас, должна принять старая тетка Хэлси с распростертыми объятиями.

Девушка улыбнулась, мне показалось, немножко грустно.

— Мне не стоит видеться с Хэлси, — сказала она. — Мисс Иннес, боюсь, вы многое не можете понять. Я чувствую себя самозванкой, незаконно пользующейся вашим расположением. Вы приняли меня здесь и заботитесь обо мне, а ведь я все время знаю, что скоро вы будете презирать меня.

— Чепуха! — резко оборвала я девушку. — Что со мной сделает Хэлси, если я осмелюсь на такое! Мой племянник такой большой и сильный, что просто выбросит меня в окно, если в отношении вас я осмелюсь проявить какое-нибудь другое чувство, кроме глубокого восхищения. Уверена, он на это способен.

Девушка, казалось, не слышала моего игривого тона. Ее выразительные карие глаза (Иннесы светловолосы, и глаза у них серо-зеленые) были затуманены тревогой.

— Бедный Хэлси! — мягко произнесла Луиза.— Мисс Иннес, я не смогу выйти замуж за него и боюсь сказать ему об этом. Я трусиха... трусиха!

Я опустилась в кресло рядом с кроватью и молча уставилась на девушку. Она была еще слишком слаба, чтобы спорить с ней, и, кроме того, больным людям часто приходят в голову самые странные фантазии.

— Мы поговорим об этом позже, когда вам станет лучше,— ласково сказала я.

— Но я должна кое-что рассказать вам,— настаивала девушка.— Вам наверняка непонятно, каким образом я оказалась здесь и почему пряталась в сторожке. Милый старый Томас чуть не сошел с ума от тревоги. Я не знала, что Саннисайд сдан на лето. Конечно, мама собиралась сдать особняк без ведома... моего отчима, но, очевидно, ей сообщили о приезде в Саннисайд съемщиков уже после моего отъезда из Калифорнии. Я отправилась на Восток с единственным желанием — побывать некоторое время наедине со своими мыслями и спрятаться здесь ото всех. Потом я... Кажется, я простудилась в поезде.

— Вы приехали на Восток в одежде, пригодной лишь для Калифорнии,— сказала я.— И, как все современные молодые леди, вы наверняка не носите шерстяное белье.

Но Луиза не слушала меня.

— Мисс Иннес,— спросила она,— мой сводный брат Арнольд покинул нас?

— Что вы имеете в виду? — вздрогнула я. Но Луиза употребила выражение в буквальном смысле.

— Он не вернулся в ту ночь,— сказала она.— А мне так нужно было увидеть его.

— Да, кажется, он покинул нас,— неуверенно подтвердила я.— Не можем ли мы помочь вам вместо него?

Девушка отрицательно покачала головой и печально вздохнула.

— Я все должна сделать сама. Моя мама была вынуждена сдать Саннисайд без ведома отчима и... Мисс Иннес, представляете ли вы, как можно быть совершенно нищими среди такого великолепия? Приходилось ли вам отчаянно нуждаться в деньгах — в деньгах, которые можно тратить по своему усмотрению, никому не давая отчета в расходах. Долгие годы мы с мамой купаемся в роскоши, которой можно только позавидовать. Но у нас никогда не было денег, мисс Иннес. Вот почему мама решила сдать Саннисайд. Все наши счета оплачивал отчим. Подобное существование

безумно унизительно! Я предпочла бы честную бедность.

— Не расстраивайтесь,— улыбнулась я.— Замужем за Хэлси вы сможете жить так честно, как вам захочется. И вы, безусловно, будете бедны.

В этот момент к дверям спальни подошел Хэлси. Я услышала, как он упрашивает Лидди пропустить его к больной.

— Впустить его? — спросила я Луизу. При звуках его голоса девушка съежилась среди подушек. Ее поведение несколько раздражало меня: немного найдется мужчин, подобных Хэлси; прямодушных, честных и готовых пожертвовать всем ради единственной женщины. Более тридцати лет назад я знала одного такого человека. Он давно умер. И порой я вынимаю из шкатулки его портрет, где он изображен с тростью и в шелковой шляпе, и долго смотрю на него. Но с годами делать это становится все тяжелее: он остается юношой, а я превращаюсь в старую женщину. Я не хотела бы, чтобы он воскрес сейчас.

Возможно, именно воспоминание об этом человеке заставило меня громко позвать мальчика.

— Входи, Хэлси! — Затем я взяла свое вязание и отправилась в гардеробную, следуя правилам приличия. Я не пыталась подслушивать, но каждое произнесенное слово доносилось до меня сквозь приоткрытую дверь удивительно отчетливо. Хэлси прошел к постели и, очевидно, поцеловал девушку. Какое-то время в спальне царила полная тишина, как если бы слова значили в данной ситуации очень мало.

— Я чуть не сошел с ума, любимая,— раздался голос Хэлси.— Почему ты не доверились мне и не послала за мной сразу?

— Потому что я не могла доверять самой себе,— тихо ответила Луиза.— Я слишком слаба для пререканий сегодня. О Хэлси, как я хотела видеть тебя!

Некоторое время я опять ничего не слышала, потом заговорил Хэлси.

— Мы можем уехать. Это не касается никого на свете, кроме нас двоих! Мы всегда будем вместе — вот так, рука в руке. Не говори, что этого не будет. Я не поверю тебе.

— Ты ничего не знаешь, ничего не знаешь,— тоскливо произнесла девушка.— Хэлси, я хорошо отношусь к тебе... ты знаешь... но не настолько, чтобы выйти за тебя замуж.

— Это неправда, Луиза,— резко сказал Хэлси.— Как ты можешь смотреть на меня честными глазами и говорить такие вещи?

— Я не могу выйти за тебя замуж,— несчастным голо-

сом повторила девушка.— Это ужасно, правда? Но не мучь меня еще больше. Когда-нибудь ты будешь радоваться тому, что я отказалась от тебя.

— Просто ты никогда не любила меня,— нотки уязвленной гордости звучали в голосе мальчика.— Ты видела, как сильно я люблю тебя, и притворялась, что отвечаешь мне взаимностью... некоторое время. Но нет! Это не похоже на тебя, Луиза. Ты что-то скрываешь от меня. Может... у тебя есть кто-то другой?

— Да,— еле слышно.

— Луиза! О, я не верю в это!

— Это правда,— печально сказала девушка,— Хэлси. Не пытайся больше увидеться со мной. Я покину Саннисайд, как только смогу... Вы так хорошо отнеслись ко мне здесь, незаслуженно хорошо. И что бы ты ни узнал обо мне впоследствии, постарайся не думать обо мне плохо. Я собираюсь выйти замуж... за другого человека. Как ты должен ненавидеть меня... Ненавидеть!

Я услышала, как Хэлси прошел к окну, а спустя некоторое время вернулся к постели больной. Я едва могла усидеть на месте. Мне хотелось войти в спальню и задать девчонке хорошую взбучку.

— Значит, все кончено,— с глубоким вздохом сказал Хэлси.— Все наши мечты, надежды... Все кончено! Хорошо, я не ребенок и откажусь от тебя в тот миг, когда скажешь: «Я не люблю тебя и люблю другого человека».

— Я не могу сказать этого,— выдохнула Луиза.— Но очень скоро я выйду замуж за другого человека.

До меня донесся торжествующий смех Хэлси.

— Плевать я на него хотел. Пока ты любишь меня, я никого не боюсь.

В этот момент дверь между двумя комнатами захлопнуло сквозняком, и я больше ничего не смогла услышать, несмотря на то что придвинула кресло к самой двери. Благородно выждав некоторое время, я заглянула в спальню. Луиза находилась там одна — она грустно смотрела на ангелочка, нарисованного на потолке над кроватью, и казалась такой усталой, что я решила не беспокоить ее.

ГОГОЛЬ-МОГОЛЬ И ТЕЛЕГРАММА

Мы нашли Луизу в сторожке во вторник вечером. Наша с ней беседа происходила в среду. Четверг и пятница не

принесли ничего нового — разве что наша больная пошла на поправку. Гертруда проводила почти все дни у ее постели, и девушки очень подружились за это время. Но некоторые обстоятельства не покидали меня постоянно: коронерское дознание в связи с убийством и скорый приезд миссис Армстронг и молодого доктора Уокера с телом покойного президента Торгового банка. О смерти брата и отчима Луиза по-прежнему не знала.

Кроме того, я очень переживала за детей. С потерей материнского наследства и катастрофическим состоянием их романов дела едва ли могли обстоять хуже. Вдобавок ко всему повариха и Лидди повздорили по поводу правильного способа приготовления бульона для Луизы и, конечно, повариха покинула Саннисайд.

Миссис Уотсон, кажется, с удовольствием передала Луизу наше попечение. А Томас утром и вечером поднимался к молодой хозяйке, чтобы поприветствовать ее от дверей спальни. Он обладал даром — до сих пор присущим некоторым старым неграм, верным традициям рабовладельческого прошлого,— делать интересы хозяев своими собственными. Томас всегда говорил «мы». Я страшно скучаю по нему — курящему, преданному, лукавому добруму старику!

В четверг мистер Хартон, адвокат Армстронгов, позвонил из города. Его уведомили, сообщил он, что миссис Армстронг с телом мужа прибудет в понедельник. С некоторой неуверенностью в голосе адвокат перешел к вопросу о моем отъезде из Саннисайда, ибо миссис Армстронг выражала желание вернуться в особняк.

Я страшно удивилась.

— Позвольте, наверное, вы что-то неверно поняли, мистер Хартон. Полагаю, после... всего того, что произошло здесь всего несколько дней назад, миссис Армстронг вообще никогда не захочет вернуться в особняк!

— И тем не менее,— ответил адвокат,— она выразила настойчивое желание вернуться в Саннисайд. Дословно миссис Армстронг сказала следующее: «Используйте все возможные средства для того, чтобы освободить Саннисайд. По прибытии я должна отправиться сразу туда».

— Мистер Хартон,— раздраженно ответила я,— я не собираюсь делать ничего подобного. Я и мои домашние достаточно пострадали от рук этой семьи. Я сняла Саннисайд за непомерно большие деньги и выехала сюда на все лето. В моем городском доме полным ходом идет ремонт. Я прожила в Саннисайде одну неделю, в течение которой не

спала спокойно ни одной ночи, и намерена оставаться здесь до тех пор, пока не восстановлю свое пошатнувшееся здоровье. Кроме того, если мистер Армстронг не оставил после себя наследства, его вдове выгодно хотя бы на время избавиться от собственности, требующей значительных денежных вложений.

Адвокат откашлялся.

— Очень жаль. Мисс Иннес, миссис Фитчуг сказала, что Луиза Армстронг находится у вас.

— Да, это так.

— Ей уже сообщили об этой... двойной утрате?

— Еще нет,— ответила я.— Она была очень тяжело больна. Возможно, сегодня вечером ей уже можно будет сказать.

— Все это очень печально. Очень печально,— вздохнул мистер Хартон.— У меня есть телеграмма для нее, мисс Иннес. Послать ее в Саннисайд?

— Лучше вскройте и прочтайте мне,— предложила я.— Если телеграмма важная, это сэкономит время.

На другом конце провода наступила пауза, пока мистер Хартон вскрывал телеграмму. Потом он прочитал медленно и отчетливо:

— «Ожидай Нину Каррингтон. Будем в понедельник. Ф. Л. У.».

— Хм,— сказала я.— «Ожидай Нину Каррингтон. Будем в понедельник». Я передам это девочке, но пока она не в состоянии принимать посетителей.

— Хорошо, мисс Иннес. Если вы все-таки решите... э-э... отказаться от аренды, дайте мне знать.

— Я не собираюсь отказываться от аренды,— отрезала я и легко представила его раздражение по тому, как он бросил трубку на рычаг.

Я слово в слово записала текст телеграммы, не доверяя памяти, и решила спросить у доктора Стюарта, когда же Луизе можно будет открыть правду. Я рассудила, что о крахе Торгового банка ей знать совершенно необязательно, но о смерти отчима и сводного брата девушке надо сообщить как можно скорее, пока она не услышала страшную новость случайно от какого-нибудь постороннего человека.

Доктор Стюарт прибыл около четырех часов дня, пронес свою кожаную сумку в дом с величайшей осторожностью и у подножия лестницы открыл ее, дабы показать мне долги на желтых яиц, аккуратно уложенных среди бутылок.

— Настоящие яйца,— гордо сообщил он мне.— Не ваши

анемичные магазинные, настоящие. Некоторые из них еще теплые. Потрогайте! Гоголь-моголь для мисс Луизы.

Он сиял от удовольствия и перед уходом настоял на том, чтобы пройти в буфетную и приготовить гоголь-моголь собственноручно. Пока он занимался этим, я попыталась представить доктора Уиллоубая, моего городского невропатолога, за приготовлением гоголя-моголя и задала себе вопрос: приходилось ли ему когда-нибудь прописывать своим пациентам снадобье столь плебейское и столь вкусное?

Пока доктор Стюарт с раскрасневшимся от усилий лицом взбивал яйца, он разговаривал со мной.

— Вернувшись домой после своего прошлого визита в Саннисайд,— доверительно сообщил он,— я сказал миссис Стюарт, что вы, видимо, сочли меня старым сплетником, поскольку я сболтнул лишнее об Уокере и мисс Луизе.

— Ничего подобного,— запротестовала я.

— Дело в том,— продолжал доктор, определенно оправдываясь,— что эти сведения поступили к нам точно так же, как поступало множество других: то есть через кухню. Молодой шофер Уокера (Уокер современней меня и разъезжает по округе в автомобиле «Стэнхоп») — так вот, его шофер захаживает к одной из наших служанок. Он-то и сообщил ей об этом. Слухи показались мне вероятными, поскольку Уокер проводил в Саннисайде у Армстронгов много времени прошлым летом. А Риггз — так зовут шофера — очень кстати упомянул о том, что доктор собирается строить на территории поместья себе дом, прямо у подножия холма. Подайте, пожалуйста, сахар.

Последний удар сбивалкой, и гоголь-моголь готов — симфония, исполненная в золотых и белых красках. Доктор понюхал снадобье.

— Настоящие яйца, настоящее молоко и капелька настоящего кентуккийского виски!

Он настоял на том, чтобы самолично отнести лекарство больной, но у подножия лестницы остановился.

— Риггз говорил, что проект дома уже готов,— сказал доктор, возвращаясь к последней теме разговора.— Им занимался городской архитектор Хустон. Поэтому, конечно же, я поверил шоферу.

Когда доктор спустился, я уже поджидала его с вопросом.

— Доктор,— спросила я,— вы знаете кого-нибудь в округе по имени Каррингтон? Нина Каррингтон?

— Каррингтон? — доктор наморщил лоб.— Каррингтон. Нет, не помню таких. Внизу у ручья жили некие Конвингтоны...

— Нет, я имела виду именно Каррингтон,— сказала я, и на этом разговор закончился.

Во второй половине дня Хэлси отправился на долгую прогулку, а Луиза спала. Время текло медленно, и по появившейся недавно привычке я уселилась в кресло и принялась обдумывать имеющиеся в моем распоряжении факты. Единственным результатом моих раздумий явилось то, что я внезапно вскочила с места и подошла к телефону. Я испытывала острую неприязнь к этому доктору Уокеру, которого никогда не видела и который считался в округе женихом Луизы Армстронг.

Я хорошо знала Сэма Хустона. А когда-то, когда Сэм был значительно моложе и еще не женат на Эми Эндикотт, я знала его еще лучше. Так что теперь я позвонила ему без всяких колебаний. Но когда его рассыльный соединил меня сначала с его личным секретарем, а последний соизволил соединить меня с хозяином, я несколько растерялась и не знала, с чего начать.

— О, как поживаешь, Рэчел? — раздался в трубке звучный голос Сэма.— Собираешься построить домик в Рок Вью? — Этой его шутке было уже двадцать лет.

— Соберусь как-нибудь,— ответила я.— Сейчас хочу задать тебе один вопрос... правда, это не моего ума дело...

— Вижу, за четверть века ты ничуть не изменилась, Рэчел.— Похоже, последнее высказывание собиралось стать следующей традиционной шуткой.— Спрашивай. В твоем распоряжении вся информация, кроме той, которая касается моей семейной жизни.

— Постарайся быть серьезным,— сказала я.— И ответь: проектировала ли твоя фирма недавно дом для доктора Уокера из Казановы?

— Да, было дело.

— А где собирается доктор строить его? У меня есть основания задавать этот вопрос.

— По-моему, на территории поместья Армстронгов. Мистер Армстронг самолично консультировался со мной по поводу строительства и упомянул — да, я абсолютно уверен в этом — упомянул, что в доме будет жить его дочь, мисс Армстронг, невеста и будущая жена доктора Уокера.

Когда архитектор, подобно расспросив меня обо всех членах моей семьи, повесил трубку, я осталась уверенной

в следующем: Луиза Армстронг любила Хэлси, но собиралась выйти замуж за доктора Уокера. Более того, это решение было давним: речь о женитьбе уже шла. Безусловно, всему этому существовало какое-то объяснение, но какое?

В тот день я пересказала Луизе текст телеграммы, вскрытой мистером Хартоном. Девушка, казалось, поняла смысл послания, однако мне никогда не доводилось видеть лица, столь несчастного. Она походила на преступника, которому сообщили об истечении отсрочки казни и о точном дне приведения в исполнение смертного приговора.

ЛИДДИ ПОДНИМАЕТ ТРЕВОГУ

На следующий день, в пятницу, Гертруда сообщила Луизе о смерти брата и отчима. Она сделала это со всей возможной деликатностью: сначала рассказала о тяжелой болезни мистера Армстронга и под конец — о его смерти. Луиза восприняла новость самым неожиданным образом. И когда Гертруда пришла доложить мне о реакции Луизы, она показалась потрясенной.

— Она просто смотрела на меня, тетя Рэй,— сказала девочка.— И знаешь, она не смогла скрыть радости. Луиза слишком честная девушка, чтобы притворяться. Что же за человек был этот Пол Армстронг?

— Столько же бандит, сколько негодяй, Гертруда,— ответила я.— Но я уверена в единственном: сегодня Луиза пошлет за Хэлси — и у них все уладится.

Ибо Луиза весь день упрямо отказывалась принимать Хэлси, и мальчик не находил себе места от ярости.

В тот вечер мы с Хэлси спокойно посидели вместе час-другой, и я рассказала ему о некоторых вещах: о просьбе покинуть Саннисайд, о телеграмме на имя Луизы, о слухах, касающихся доктора Уокера и девушки, и наконец о собственном разговоре с ней.

Хэлси сидел в тени, откинувшись на спинку кресла, и сердце мое разрывалось от жалости к нему. Он был такой большой и такой еще маленький! Когда я замолчала, мальчик глубоко вздохнул.

— Как бы Луиза ни поступала, я никогда не поверю, что она разлюбила меня. И два месяца назад, когда они с матерью уезжали на Запад, я чувствовал себя счастливейшим человеком. Потом что-то произошло. Она написала мне, что ее родители возражают против нашей женитьбы,

но отношение ее ко мне осталось прежним. Потом произошли какие-то события, заставившее ее изменить планы на будущее. Луиза запретила писать ей, пока она сама не напишет мне, и просила в письме не думать о ней плохо, что бы ни случилось впоследствии. Все это звучало крайне загадочно. После нашего вчеращеного разговора ситуация не прояснилась, скорее осложнилась еще больше.

— Хэлси, а ты имеешь представление, о чем говорили Луиза с Арнольдом в ночь, когда последнего убили?

— Нет. Знаю только, что разговор велся в повышенных тонах. И Томас несколько раз порывался вбежать в комнату, опасаясь за Луизу.

— И еще одно, Хэлси. Луиза никогда при тебе не упоминала имя Каррингтон? Нина Каррингтон.

— Никогда,— уверенно сказал он.

О чем бы мы ни говорили, мысли наши возвращались к той роковой воскресной ночи и убийству Армстронга. К ней вели нити всех разговоров, и мы чувствовали, что Джемисон все теснее плетет паутину улик вокруг Джона Бэйли. Отсутствие следователя не вселяло надежд на благоприятный исход дела: очевидно, он занимался какой-то важной работой в городе — иначе уже давно вернулся бы.

Газеты сообщали, что кассир Торгового банка лежит больной в своей квартире в апартаментах Никербокера (ничего удивительного, если учесть все обстоятельства дела). Вина покойного президента больше не вызывала сомнений. Розыск пропавших бумаг велся — и небезуспешно. Уже найденные акции были использованы в виде заклада в обеспечение огромной ссуды — общей суммой не менее чем в полтора миллиона долларов. Все служащие Торгового банка были арестованы и отпущены только под большие залоги.

Совершил ли президент банка хищение один или в сообщничестве с кассиром? Куда делись деньги? После смерти Армстронг оставил сравнительно маленькое наследство: городской дом в престижном районе города, огромное поместье, заложенное-перезаложенное, страховку на пятьдесят тысяч долларов и некоторые личные вещи — вот и все. Остальное состояние, по предположениям газет, он потерял на торговых сделках. Один факт говорил не в пользу Джона Бэйли. Они вместе с Полом Армстронгом учредили железнодорожную компанию в Нью-Мехико и, по слухам, вложили в нее огромные суммы денег. Существование делово-

го сотрудничества между этими людьми и необъяснимое отсутствие молодого человека на рабочем месте в понедельник тоже бросало на него тень подозрения. Многие находили странным то обстоятельство, что кассир не пытался бежать. Однако я видела в этом тонкий расчет умного мошенника. Я не питала острой неприязни к возлюбленному Гертруды, однако мне требовалось доказательства — одни или другие. Я ничего не принимала на веру.

В ту ночь саннисайдское привидение снова дало о себе знать. Лидди спала в гардеробной Луизы на кушетке, и наступление сумерек служило для нее сигналом к возведению баррикад у дверей всех трех комнат. Покои Луизы располагались за винтовой лестницей, в конце восточного крыла — и лишь в крайней степени возбуждения Лидди осмелилась бы выйти в коридор после наступления темноты. Должна признаться, и меня та часть дома приводила в легкий трепет, но мы постоянно держали восточное крыло ярко освещенным, и постороннему человеку оно показалось бы даже веселым, во всяком случае до полуночи, когда в Саннисайде отключали электричество.

Итак, в пятницу ночью я улеглась в постель с твердым намерением сразу заснуть. Мысли, настойчиво лезущие в голову, я решительно отогнала в сторону и последовательно расслабила все мускулы по очереди. Я скоро заснула, и мне приснилось, что доктор Уокер строит новый дом прямо напротив моих окон. Я слышала стук молотка, а проснувшись, поняла, что кто-то стучит в дверь моей спальни.

Я вскочила с кровати. При звуке моих шагов тихий стук в дверь прекратился, и непосредственно вслед за этим из замочной скважины раздался свистящий шепот:

— Мисс Рэчел! Мисс Рэчел! — снова и снова повторял кто-то.

— Это ты, Лидди? — спросила я, держась за дверную ручку.

— Ради всего святого, впустите меня, — произнес тихий голос.

Лидди тяжело опиралась на дверь, ибо чуть не упала на меня, когда я распахнула ее. Она куталась в наброшенную на плечи красно-черную фланелевую юбку, лицо ее заливалась зеленоватая бледность.

— Слышите? — она судорожно вцепилась мне в руку. — О, мисс Рэчел! Это призрак убитого стучится в дом.

Действительно, где-то поблизости слышался размеренный тихий стук. Он был скорее ощущим физически, нежели

собственно слышен, и определить точный источник шума не представлялось возможным. То несколько ударов раздавались будто из-под пола, то стук доносился явно из-за стены.

— Это не привидение,— решительно заявила я.— Привидение не стало бы стучать, а проникло бы в дом через замочную скважину.

Лидди сильно дрожала. Я велела ей принести мне комнатные тапочки, и она принесла мне пару кожаных перчаток. Посему я разыскала свои вещи сама и собралась идти за Хэлси. Как и прежде, ночная тревога началась уже после того, как отключили электричество. В полуутемном коридоре горел лишь один ночник. Я прошла к спальне Хэлси и к облегчению своему обнаружила мальчика на месте, спящего здоровым сном за незапертой дверью.

— Проснись, Хэлси! — я затрясла его за плечо.

Он зашевелился. Лидди топталаась в дверях, не в силах оставаться в темном коридоре, но и не решаясь войти. Внезапно все ее сомнения как рукой сняло: с приглушенным воплем она влетела в комнату и судорожно вцепилась в спинку кровати. Хэлси медленно просыпался.

— Я видела его! — простонала Лидди.— Женщина в белом прошла в конце коридора.

Я не обратила на нее внимания.

— Хэлси! — настойчиво повторяла я.— Кто-то ломится в наш дом. Вставай сейчас же!

— Это не наш дом,— сонно пробормотал мальчик, а потом проснулся, оценив все-таки серьезность ситуации.— Ладно, тетя Рэй,— сказал он, зевая,— если вы дадите мне одеться...

Я сделала все от меня зависящее, чтобы выставить Лидди из спальни Хэлси. Обращения к здравому смыслу не произвели на Лидди никакого впечатления: она видела привидение и не собиралась выходить в коридор. Мне все же удалось отвести ее в свою спальню и уложить там в постель.

Стуки, прекратившиеся на некоторое время, возобновились, но стали как будто тише. Спустя несколько минут Хэлси появился в моей комнате и прислушался, пытаясь определить источник шума.

— Дай-ка мне мой револьвер, тетя Рэй,— сказал он. И я отдала ему револьвер, который нашла на цветочной клумбе. Хэлси увидел Лидди в моей постели и сразу догадался, что Луиза осталась в спальне одна.

— Я займусь этим, тетя Рэй, а ты иди к Луизе, хорошо? Вдруг она проснулась и испугалась.

Несмотря на бурные протесты Лидди, я оставила ее одну и направилась в восточное крыло. Возможно, проходя мимо зияющего провала винтовой лестницы, я несколько ускорила шаги. И я слышала, как Хэлси осторожно спускается по центральной лестнице. Стук прекратился, и наступила тишина, которая казалась почти физически ощущимой. А потом вдруг прямо из-под моих ног раздался женский визг — вопль ужаса, который оборвался так же внезапно, как начался. Я замерла на месте, скованная ужасом. Кровь застыла в моих жилах, и в наступившей за криком гробовой тишине сердце мое заколотилось так, словно собирались разорваться. Скорей мертвяя, нежели живая, я проковыляла на неверных ногах в спальню Луизы. Девушки там не было!

РАННИМ УТРОМ

Я стояла и смотрела на пустую постель. Одеяло было откинуто в сторону, и розовый халатик Луизы, висевший на спинке кровати, исчез. Тусклый ночник освещал пустую комнату. Я взяла лампу; но рука моя так тряслась, что я поставила ночник на место и кое-как добралась до двери.

В коридоре слышались возбужденные голоса. Навстречу мне бежала Гертруда.

— В чем дело? — воскликнула она.— Что за крик? И где Луиза?

— Ее нет в спальне,— тупо сообщила я.— Думаю... это она кричала.

Теперь к нам присоединилась Лидди со светильником в руке. Мы стояли, сбившись в кучу на верхней площадке винтовой лестницы, боязливо глядя в темноту. Мы ничего не видели, и внизу царила мертвяя тишина. Потом мы услышали шаги Хэлси, бежавшего вверх по главной лестнице. Он быстро приблизился к нам по коридору.

— За дверью дома никого нет. Но я слышал чей-то крик. Кто кричал?

По нашим потрясенным лицам он догадался о правде.

— Кто-то кричал там... внизу,— пролепетала я.— И... и... Луизы нет в спальне.

Хэлси вырвал лампу из руки Лидди и бросился вниз по ступенькам. Я последовала за ним не столь резко. Нервы мои находились в состоянии полного паралича, я едва передвигала ноги. Оказавшись внизу, Хэлси испустил неразборчивое восклицание и поставил лампу на пол.

— Тетя Рэй! — громко позвал он.

У подножия лестницы, безжизненно раскинув руки, лежала без чувств смертельно бледная Луиза Армстронг. Незастегнутый халатик сполз с ее плеча, и тяжелая темная коса стелилась за девушкой по нескольким нижним ступенькам.

Она не была мертва. Хэлси принялся растирать ее бледные холодные ладони, а Гертруда и Лидди побежали за нашатырем. Что же до меня, то я опустилась на нижнюю ступеньку этой проклятой лестницы (ибо ноги уже не держали) и спросила себя: когда же все это кончится? Луиза еще не пришла в сознание, но дыхание ее стало глубже, и я предложила отнести девушку в постель, пока она не очнулась. Что-то невыносимо жуткое виделось мне в том, что девушка лежала на том же месте, где совсем недавно лежал ее убитый брат, и почти в той же позе. Странное сходство ситуаций усилилось, когда напольные часы в главном вестибюле пробили три часа ночи.

Только через час Луиза обрела способность разговаривать. Первые лучи рассвета уже лились в окна ее спальни, выходящие на восток, когда она смогла связно рассказать нам о ночном происшествии. Я в точности передаю ее рассказ.

Девушка лежала в постели, обложенная со всех сторон подушками, и Хэлси сидел рядом, держа ее руку в своей.

— Мне не спалось,— начала Луиза.— Отчасти, наверное, из-за того, что долго спала днем. В десять часов Лидди принесла мне горячего молока, после чего я проспала до двенадцати. Проснувшись я начала думать о разных... не приятных вещах и разволновалась. Короче, заснуть я не могла.

Я все думала, почему Арнольд не дает о себе знать с тех пор, как мы с ним виделись в сторожке. Мне пришло в голову, что он болен — ведь он должен был сделать для меня одну вещь. Должно быть, уже было три часа ночи, когда вдруг до меня донесся какой-то стук. Я села и прислушалась. Стук продолжался, тихий и осторожный. Я уже собиралась позвать Лидди, когда вдруг поняла, кто это. Возвращаясь домой поздно вечером, Арнольд всегда пользовался входной дверью у винтовой лестницы. А иногда, когда брат забывал ключ от нее, он тихонько стучал, и я впускала его в дом. Я решила, что Арнольд пришел повидаться со мной — выбранный им для визита час не удивил меня, поскольку брат всегда путал день и ночь. Но я боялась, что в таком

ослабленном состоянии не смогу спуститься с лестницы. Стук продолжался, и только я хотела окликнуть Лидди, как она пробежала через спальню и выскочила в коридор. Чувствуя страшную слабость и головокружение, я накинула халат. Если стучался Арнольд, то мне обязательно нужно было увидеть его.

В коридоре царила кромешная тьма, но я, конечно, знала дорогу. Держась за перила, я торопливо спустилась по лестнице. Стук прекратился, и я испугалась, что опоздала. Я прошла через холл к двери. До тех пор мне и в голову не приходило, что стучать мог кто-то, кроме Арнольда. Дверь была незаперта и приоткрыта на дюйм. Меня окружала кромешная тьма. Кружилась голова, дрожали плечи. Я решила, что Арнольд воспользовался все-таки своим ключом — иногда он вел себя странно,— и пошла назад. Когда я достигла лестницы, мне послышались чьи-то приближающиеся шаги. Нервы были напряжены до предела, ноги подкашивались. Я поднялась на третью или на четвертую ступеньку и вдруг почувствовала, что кто-то спускается навстречу мне. В следующий момент чья-то рука дотронулась до моей руки, лежащей на перилах, и кто-то бесшумно проскочил мимо меня, я закричала. Потом, должно быть, я потеряла сознание.

Правдивость Луизы не вызывала у меня сомнений, и невыразимо ужасным показалось мне то обстоятельство, что бедная девочка пошла открывать дверь брату, которому уже никогда не понадобятся ее добрые услуги. Значит, уже дважды кто-то проникал в Саннисайд через восточную дверь, беспрепятственно бродил по дому и скрывался тем же путем, каким появлялся. Был ли неизвестный гость здесь и в третий раз — в ночь убийства Арнольда Армстронга? Или в четвертый — когда мистер Джемисон запер кого-то в бельевой камере?

Думать о сне не мог, полагаю, никто из нас. Мы расползлись по своим комнатам: умываться и одеваться. После пережитого потрясения состояние Луизы несколько ухудшилось, но я твердо решила в течение следующего дня поставить девушку в известность об истинном положении дел. Кроме того, я приняла еще одно решение, к выполнению которого приступила сразу после завтрака. В восточном крыле дома в тупике маленького коридорчика находилась одна из незанятых спален, там стал ночевать Алекс, садовник. Один мужчина в этом огромном, полном привидений доме ничего не мог поделать без помощника. И, должна

признаться, Алекс казался мне надежным и заслуживающим доверия человеком.

Помимо всего прочего на следующее утро мы с Хэлси тщательнейшим образом обследовали винтовую лестницу, маленькую входную дверь у ее основания и рабочий кабинет. Ничего необычного мы не обнаружили, и если бы не слышали своими ушами загадочный стук ночью, списали бы ночное происшествие на воспаленное воображение больной девушки. Входная дверь была заперта, а винтовая лестница плавно уходила наверх, как любая другая винтовая лестница на свете.

Хэлси, который никогда не воспринимал серьезно наш с Лидди рассказ о событиях одной из первых ночей, теперь стал задумчив. Он обследовал обширные панели стены над и под лестницей — очевидно, в поисках потайной двери. И внезапно я вспомнила о клочке бумаги, который мистер Джемисон обнаружил среди вещей Арнольда Армстронга. По возможности точно я пересказала Хэлси содержание записки, а он записал эти обрывочные слова в блокнот.

— Тебе надо было раньше сказать мне об этом, — заметил мальчик, аккуратно убирая блокнот.

Тщательный осмотр дома ничего не дал, я и не рассчитывала найти что-нибудь интересное на прилегающей к дому территории. Однако, когда мы открыли наружную дверь, какой-то длинный предмет со стуком упал нам под ноги. Это был кий из бильярдной!

Хэлси поднял его с удивленным восклицанием.

— Какая беспечность! — сказал он. — Кто-то из слуг развлекается.

Однако мне это предположение показалось маловероятным. Никто из слуг не пойдет ночью в восточное крыло без острой на то необходимости. И бильярдный кий! В качестве оружия для защиты он явно не годился; оставалось согласиться с гипотезой Лидди о привидении, да и то, по справедливому замечанию Хэлси, призрак, играющий в бильярд, представляет собой слишком уж сильно эволюционировавший тип представителя сего древнего института.

Во второй половине дня мы с Гертрудой и Хэлси должны были присутствовать на коронерском дознании в городе. Доктора Стюарта тоже пригласили на дознание, ибо, как оказалось, в то воскресное утро, когда мы с Гертрудой разошлись по своим спальням, он приезжал осматривать тело. Мы четвертом отправились в город на машине, предпочитая трястись по отвратительным дорогам, чем сидеть

в утреннем поезде под любопытными взглядами местных жителей. По дороге мы решили ничего не говорить коронеру о разговоре Луизы с братом в ночь убийства последнего. У девочки и так хватало неприятностей.

НАМЕК НА СКАНДАЛ

О ходе дознания я расскажу здесь, дабы напомнить читателю о событиях, имевших место в ночь убийства Арнольда Армстронга. О многих вещах на дознании не упоминалось, а о многом я узнала впервые.

В целом процедура эта оставила мрачное впечатление, и шесть человек в углу, представлявшие жюри присяжных, совершенно очевидно являлись лишь жалкими марионетками в руках всесильного коронера.

Мы с Гертрудой сидели в задних рядах с закрытыми вуалями лицами. В зале присутствовало несколько знакомых мне человек, Барbara Фитцхуг в экстравагантном траурном платье (она при любом удобном случае наряжалась в черное, поскольку цвет этотшел ей) и мистер Джарвис, который в ночь убийства приходил в Саннисайд из клуба «Гринвуд». Я заметила среди собравшихся и мистера Хартона — несколько взволнованного, но очень внимательного к показаниям свидетелей. Из угла за присутствующими следил мистер Джемисон.

Первым вызвали доктора Стюарта. Его краткие показания сводились к следующему. Утром прошлого воскресенья, без четверти пять, его позвали к телефону. Звонил мистер Джарвис, который попросил доктора срочно приехать в Саннисайд в связи с убийством мистера Арнольда Армстронга. Доктор быстро оделся, собрал инструменты и отправился в Саннисайд.

У дверей его встретил мистер Джарвис и сразу провел в восточное крыло. Там на полу лежало тело Арнольда Армстронга. Инструменты доктору не понадобились: человек был мертв. В ответ на вопрос коронера, трогали ли тело, последовал ответ: только перевернули лицом вверх. Оно лежало у подножия винтовой лестницы. Да, похоже, смерть наступила мгновенно. Тело было чуть теплое, и *rigor mortis* еще не наступил. Нет, вероятность самоубийства следует исключить: подобную рану нанести самому себе сложно, да и оружия поблизости от трупа не нашли.

Допрос доктора на этом закончился, но он, поколебавшись, откашлялся:

— Мистер коронер, рискуя злоупотребить вашим драгоценным временем, я все же хотел бы рассказать об одном случае, который может оказаться важным для следствия.

Все присутствующие мгновенно насторожились.

— Прошу вас, доктор,— сказал коронер.

— Я живу в Инглвуде, в двух милях от Казановы,— начал доктор Стюарт.— В отсутствие доктора Уокера некоторые жители Казановы обращались ко мне за помощью. Месяц назад — точнее, пять недель назад — ко мне на прием пришла женщина, которую я никогда не видел прежде. Она была в глубоком трауре и вуали не поднимала. Посетительница привела на осмотр шестилетнего мальчика. Ребенок был болен, похоже, брюшным тифом, и мать просто обезумела от страха. Она попросила у меня направление в городской Детский госпиталь, членом правления которого я являюсь, и я выполнил ее просьбу. Этот случай, возможно, не запомнился бы мне, когда бы не одно странное обстоятельство. За два дня до убийства мистера Арнольда меня вызвали в местный клуб, где какого-то человека сильно ушиб взбесившийся мяч для игры в гольф. Освободившись после вызова довольно поздно, я пошел пешком домой и приблизительно в миле от клуба, на Клэйсберской дороге, встретил двух людей. Они о чем-то бурно спорили, и я без труда узнал в одном из них мистера Армстронга, а в другом — женщину, которая приходила ко мне с больным ребенком.

В воздухе явственно запахло скандалом. Миссис Огден Фитцхуг встрепенулась и выпрямилась на стуле. Лицо Джемисона хранило слегка скептическое выражение, а коронер что-то пометил в своих бумагах.

— Вы сказали, Детский госпиталь, доктор?

— Да. Но ребенка, поступившего туда под именем Люсиена Уоллеса, мать забрала две недели назад. Я пытался найти их, но безуспешно.

Внезапно я вспомнила телеграмму, посланную Луизе неким человеком с инициалами Ф. Л. У., возможно, доктором Уокером. Могла ли женщина под вуалью быть той самой Ниной Каррингтон? Но что толку от праздных размышлений: ответить на этот вопрос не представлялось возможным. А дознание продолжалось.

Следующим прозвучал отчет медицинского эксперта. Посмертная экспертиза показала, что пуля вошла в грудь Армстронга между третьим и четвертым ребром слева и, двигаясь по наклонной вниз, пробила сердце и легкие.

Левое легкое находилось в состоянии коллапса, выходное отверстие пули находилось в спинной мышце слева от позвоночного столба. Нанести подобную рану самому себе покойный не мог, а траектория движения пули определенно указывала на то, что стреляли сверху. Другими словами, поскольку убитый был найден у подножия винтовой лестницы, логично предположить, что убийца стоял на несколько ступенек выше. Следов пороха на теле не обнаружено. Пулю тридцать восьмого калибра, найденную в одежде жертвы, предъявили жюри присяжных.

Потом вызвали мистера Джарвиса, но его показания ничего не прибавили к уже услышанному. Его вызвали в Саннисайд телефонным звонком, он немедленно явился туда в сопровождении управляющего и мистера Уинтропа, ныне находящихся в отъезде. Домоправительница впустила их и провела к телу, лежащему у подножия лестницы. Мистер Джарвис поиском оружие, но не нашел. Входная дверь в восточном крыле здания была незаперта и приоткрыта на дюйм.

Я нервничала все больше и больше. Когда коронер вызвал мистера Джона Бэйли, в зале почувствовалось с трудом сдерживаемое возбуждение. Мистер Джемисон выступил вперед и тихо сказал несколько слов коронеру. Тот кивнул, а затем громко произнес имя Хэлси.

— Мистер Иннес,— начал коронер,— расскажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах видели вы мистера Арнольда Армстронга днем накануне его убийства.

— Я видел его сначала в местном клубе,— спокойно ответил Хэлси. Он казался бледным, но держал себя в руках прекрасно.— Я остановился там, чтобы заправить машину. Мистер Армстронг играл в карты. Я увидел его, когда он выходил из игорного зала, разговаривая с мистером Джоном Бэйли.

— То была дружеская беседа?

Хэлси поколебался.

— Они спорили. Я предложил мистеру Бэйли покинуть клуб и провести воскресенье в Саннисайде.

— Мистер Иннес, вы увезли мистера Бэйли из клуба во избежание возможных неприятностей, не так ли?

— Ситуация была довольно острой,— уклончиво ответил Хэлси.

— В то время вы подозревали о крахе Торгового банка?

— Нет.

— Что случилось дальше?

— Мы с Бэйли разговаривали в бильярдной до половины третьего.

— И мистер Арнольд Армстронг приходил туда во время вашего разговора.

— Да, он зашел около половины третьего. Постучал в восточную дверь, и я впустил его.

В зале воцарилось напряженное молчание. Мистер Джемисон не отрывал взгляда от лица Хэлси.

— Расскажите нам о причинах его визита.

— Он принес телеграмму, пришедшую в клуб на имя мистера Бэйли.

— Он был трезв?

— К тому времени да. Но не раньше.

— Его явное дружелюбие отличалось от прежнего отношения к вам обоим?

— Безусловно. Я не понял причин такой резкой перемены.

— Как долго оставался мистер Армстронг в бильярдной?

— Около пяти минут. Затем он вышел через восточную дверь.

— Что произошло потом?

— Еще несколько минут мы обсуждали план действий, предложенный мистером Бэйли. Потом я пошел к конюшне, где стояла моя машина, и вывел ее на дорогу.

— Вы оставили мистера Бэйли в бильярдной?

Хэлси заколебался.

— С ним была моя сестра.

У миссис Огден Фитцхуг хватило наглости обернуться и посмотреть на Гертруду в лорнет.

— А потом?

— Я выехал по нижней дороге, чтобы не будить домашних. Мистер Бэйли пересек луг, вышел на дорогу и сел в машину.

— Значит, вам ничего не было известно о передвижениях мистера Армстронга после того, как он покинул дом?

— Ничего. О его смерти я узнал лишь в понедельник вечером.

— Мистер Бэйли не встретил мистера Арнольда на пути через луг?

— Думаю, нет. Иначе он упомянул бы об этом.

— Спасибо. Это все. Мисс Гертруда Иннес.

Ответы Гертруды полностью совпадали с показаниями Хэлси. Миссис Фитцхуг подвергла девочку внимательней-

шему осмотру — начиная от ее шляпки и кончая туфлями. Лышу себе надеждой, что она не нашла изъянов как в туалете Гертруды, так и в ее манерах. Но показания бедной девочки были далеки от безупречных. Ее позвал вниз брат, уже после ухода мистера Армстронга. Она ждала в бильярдной вместе с мистером Бэйли, пока Хэлси выведет автомобиль из конюшни. Потом она закрыла входную дверь в восточном крыле, взяла лампу, проводила мистера Бэйли к парадным дверям и некоторое время смотрела, как он идет через луг. Вместо того чтобы сразу вернуться в спальню, она пошла в бильярдную за какой-то забытой там вещью. В кабинете и бильярдной было совершенно темно. Гертруда на ощупь нашла вещь, за которой пришла, и уже собиралась отправиться наверх, как вдруг услышала, как кто-то возится с замком входной двери в восточном крыле. Она решила, что это брат, и уже двинулась к двери, когда услышала, как та открылась. Почти в тот же миг раздался выстрел, и она, охваченная паникой, бросилась назад через гостиную и подняла на ноги весь дом.

— Никаких других звуков вы не слыхали? — спросил коронер. — Может, с мистером Армстронгом в дом вошел еще кто-то?

— Было совершенно темно, и никаких голосов я не слышала. Просто открылась дверь, потом раздался выстрел, а потом кто-то упал на пол.

— Значит, когда вы побежали через гостиную наверх, чтобы разбудить домашних, преступник мог скрыться через восточную дверь?

— Да.

— Спасибо. Достаточно.

Лышу себе надеждой, что из меня коронер мало что удалось вытащить. Я видела, как мистер Джемисон улыбается сам себе, и очень скоро коронер оставил меня в покое. Я признала, что действительно нашла тело, но не знала, кто убитый, до тех пор, пока мистер Джарвис не сообщил мне об этом. И под конец, устремив взгляд на Барбару Фитцхуг, я заявила, что, снимая дом на лето, никак не рассчитывала оказаться замешанной в семейном скандале. Та густо покраснела.

Решение присяжных гласило: Арнольд Армстронг принял смерть от рук неизвестной личности (или неизвестных личностей). Все собрались расходиться. Барbara Фитцхуг вылетела из зала, не задержавшись для беседы со мной, но мистер Хартон подошел, как я и ожидала.

— Надеюсь, вы решили освободить дом, мисс Иннес,— сказал он.— Миссис Армстронг снова телеграфировала мне.

— Я не собираюсь покидать Саннисайд,— упрямо сказала я,— до тех пор, пока не получу ответа на некоторые интересующие меня вопросы. Я уеду в тот день, когда найдут убийцу.

— Следовательно, судя по тому, что я слышал здесь, вы вернетесь в город очень скоро,— заметил адвокат, и я поняла, что он подозревает скомпрометированного кассира Торгового банка.

Уже возле самых дверей ко мне приблизился мистер Джемисон.

— Как ваша пациентка? — поинтересовался он со своей странной улыбкой.

— У меня нет никакой пациентки,— ошеломленно ответила я.

— Тогда я спрошу по-другому. Как дела у мисс Армстронг?

— Э-э... она... очень хорошо,— пробормотала я.

— Великолепно,— весело кивнул молодой человек.— А наше привидение? Угомонилось?

— Мистер Джемисон,— вдруг сказала я,— хочу попросить вас об одной вещи. Приезжайте, пожалуйста, в Саннисайд и поживите там несколько дней. Привидение не угомонилось. Я хочу, чтобы вы хотя бы одну ночь последили за винтовой лестницей. Смерть Арнольда Армстронга знаменовала только начало загадочных событий, но не конец.

Следователь посерезнел.

— Возможно, я приеду,— сказал он.— Я сейчас занят другими делами... Но... Хорошо, я появлюсь в Саннисайде сегодня вечером.

На обратном пути в Саннисайд мы все молчали. Я посмотрела на Гертруду. В ее показаниях я заметила вопиющее несоответствие, которое, конечно, бросилось в глаза всем присутствующим. У Арнольда Армстронга не было с собой ключа, однако Гертруда, сказала, что заперла восточную дверь. Значит, его впустил кто-то из домашних — снова и снова повторяла я про себя.

Вечером того же дня я со всей возможной деликатностью сообщила Луизе о смерти ее сводного брата. Девушка сидела в кресле, обложенная подушками, и слушала меня молча. Было совершенно ясно, что потрясена она сверх всякой

меры. Если я рассчитывала догадаться о чем-то по выражению ее лица, то я просчиталась.

Относительно причин убийства брата Луиза находилась в таком же неведении, как и мы.

ДЫРКА В СТЕНЕ

Мое приглашение следователя в Саннисайд вызвало неожиданную бурю протестов со стороны Гертруды и Хэлси. К подобной вспышке негодования я была совершенно не готова и не знала, как на нее реагировать. На мой взгляд, мистер Джемисон представлял гораздо меньшее опасности, постоянно находясь у меня перед глазами, нежели сидя в городе и подтасовывая улики и мотивы удобным для себя образом, а также получая интересующую его информацию о происходящих в Саннисайде событиях неким оккультным методом. Я была рада его присутствию в доме именно теперь, когда обстановка начала быстро накаляться.

Дела в Саннисайде грозили принять новый оборот. В понедельник или, самое позднее, во вторник доктор Уокер собирался вернуться в свой бело-зеленый домик в деревне, и от отношения к нему Луизы зависело счастье или несчастье Хэлси. Кроме того, скорое возвращение миссис Армстронг, безусловно, означало наше скорое расставание с девушкой, а я успела сильно к ней привязаться за это время.

С того дня, как мистер Джемисон поселился в Саннисайде, в отношении Гертруды ко мне произошла легкая перемена — неуловимая, не поддающаяся анализу, но все же ощущимая. Девушка больше не была вполне откровенна со мной, хотя, надеюсь, ее нежная привязанность ко мне никогда не ослабевала. Тогда я приписала легкое охлаждение Гертруды ко мне тому обстоятельству, что я запретила ей поддерживать любую связь с Джоном Бэйли и отказалась признавать помолвку молодых людей. Большую часть времени Гертруда проводила, гуляя по поместью и по округе. Хэлси целыми днями играл в гольф в местном клубе, а, когда на следующей неделе Луиза покинула Саннисайд, мы с мистером Джемисоном проводили много времени вместе. Он неплохо играл в крибидж, но мошенничал, раскладывая пасьянс.

По прибытии следователя в Саннисайд вечером в субботу я имела с ним серьезный разговор, в ходе которого сообщила о случае с Луизой Армстронг, имевшем место

предыдущей ночью на винтовой лестнице, а также о неизвестном человеке, испугавшем Рози на аллее. Мистер Джемисон выслушал меня с интересом и отклонил предложение врезать в восточную дверь дополнительный замок, сославшись на следующий сильный довод:

— Вполне вероятно, — сказал он, — что наш таинственный незнакомец снова вернется в Саннисайд. И нам не следует ничего трогать здесь, дабы не возбудить у преступника никаких подозрений. Я смогу вести наблюдение за дверью по крайней мере половину каждой ночи, и, возможно, мистер Иннес поможет мне. И я бы не стал посвящать в наши дела Томаса. Старик явно знает гораздо больше, чем притворяется.

Я предположила, что, может быть, Алекс, садовник, хочет помочь нам, и мистер Джемисон согласовал все организационные вопросы с молодым человеком. Однако первую ночь мистер Джемисон предпочел дежурить один. Очевидно, ничего не произошло. Следователь сидел во тьме на нижней ступеньке лестницы, время от времени, как он признался впоследствии, начиная дремать. Никто не мог пройти мимо него незамеченным ни вверх, ни вниз, и дверь утром оставалась надежно запертой, какой была с вечера. И все же одно из самых необъяснимых во всей этой истории происшествий случилось именно в эту ночь.

В воскресенье Лидди появилась у меня в спальне с сильно вытянутой физиономией. Она, как всегда, принесла всю мою одежду, но я не заметила ее обычной словоохотливости. Она не развлекла меня сообщением о расточительности новой поварихи и даже воздержалась от упоминания «этого Джемисона», на чье присутствие в Саннисайде смотрела с молчаливым неодобрением.

— В чем дело, Лидди? — поинтересовалась я наконец. — Ты что, не спала сегодня ночью?

— Да, мэм, — сухо ответила она.

— Ты выпила две чашки кофе вечером?

— Нет, мэм, — оскорбленно.

Я резко села в постели, едва не расплескав горячую воду из чашки (я всегда выпиваю с утра чашку чуть подсоленной горячей воды — это очень полезно для пищеварения).

— Лидди Аллен, — сурово произнесла я, — прекрати расчесывать мой шиньон и расскажи, что с тобой творится.

Лидди испустила тяжелый вздох.

— Сначала девушкой, потом зрелой женщиной я проработала у вас двадцать пять лет, мисс Рэчел, — заговорила

она загробным голосом. — Я делила с вами ваши радости и покорно сносила все ваши капризы...

Подумать только! А чего я натерпелась за это время от Лидди с ее ~~варливым~~ характером!

— ...но больше нет моих сил. Мой чемодан упакован.

— И кто же упаковал его? — осведомилась я, предложив по ее замогильному тону, что по пробуждении утром она обнаружила рядом со своей постелью чемодан, упакованный некоей призрачной рукой.

— Я, Мисс Рэчел, вы не хотите верить, что этот дом населен привидениями. Кто свалился в прачечную по бельевому проводу? Кто испугал мисс Луизу до полусмерти?

— Именно это я пытаюсь выяснить по мере своих сил, — ответила я. — Но к чему ты клонишь?

Лидди набрала в грудь побольше воздуха.

— В стене кладовой, где стоят дорожные сундуки, за последнюю ночь появилась дыра. Большая дыра — голова поместится. И весь пол усыпан штукатуркой.

— Чепуха, — сказала я. — Штукатурка часто отваливается от стен.

Но Лидди не сдавалась.

— Вы спросите Алекса. Когда он относил в кладовую сундук новой поварихи вчера вечером, стена была совершенно гладкой. А сегодня в ней появилась огромная дыра, и весь сундук поварихи засыпан штукатуркой. Есть в природе существа, на которые нельзя надеть наручники.

Лидди говорила правду. При первой же возможности я поспешила в кладовую комнату, которая находилась прямо над моей спальней. План третьего этажа здания в целом повторял план второго. Однако конец восточного крыла там оставался недоделанным — в будущем там предполагалось оборудовать танцевальный зал. Комнаты служебник, кладовая для хранения дорожных сундуков и различные чуланы, включая просторное помещение для сушки белья, выходили дверями в длинный коридор, как и все комнаты на втором этаже. И вот в стене кладовой, по словам Лидди, появился свежий пролом.

И не только в штукатурке, но и в деревянной обшивке под ней. Я по плечу просунула руку в отверстие и с трудом дотянулась до кирпичной перегородки. По какой-то причине архитектор, проектировавший дом, оставил между обшивкой и стеной зазор чуть не в три фута, представлявший, кроме всего прочего, великолепный путь распространения огня в случае пожара.

— Ты уверена, что вчера этой дыры здесь не было? — спросила я у Лидди, лицо которой хранило смешанное выражение удовлетворения и тревоги. Вместо ответа она указала на сундук новой поварихи. Крышка его была засыпана белой пылью, как и пол вокруг. Но крупных кусков извести я нигде не увидела, как не увидела и кусков деревянной решетки. Когда я указала на это обстоятельство Лидди, та только подняла брови. Будучи твердо уверенной в нечестивом происхождении дыры, она не могла занимать свои мысли такими мелочами, как кусок извести или деревянной решетки. Несомненно, они аккуратно сложены на какой-нибудь могильной плите на кладбище Казановы!

Сразу после обеда я повела мистера Джемисона в кладовую. Когда следователь увидел дыру, лицо его приобрело очень странное выражение, и перво-наперво он начал прикидывать, какой предмет мог находиться (если находился) в таком углублении. Молодой человек зажег свечу и, расширив отверстие, получил возможно посмотреть, не спрятано ли что между двумя стенами. Результат исследования равнялся нулю. Кладовая, которая, как и все помещения Саннисайда, обогревалась системой парового отопления, могла еще похвастать шикарным камином. Отверстие было проделано между дымоходом и внешней стеной дома, и при внимательном осмотре мистер Джемисон обнаружил лишь кирпичную кладку с одной стороны и кладку внешней стены — с другой. Внизу полость кончалась на уровне перекрытия. Пролом зиял на высоте четырех футов от пола, и внизу между стенами валялись все недостающие куски штукатурки. Это было чрезвычайно методичное привидение.

Я пережила страшное разочарование, поскольку ожидала обнаружить за этой стеной по меньшей мере потайную комнату. Да и мистер Джемисон, думаю, вообразил, что нашел, наконец, ключ к разгадке тайны. Дальнейшие поиски никаких открытий не сулили. Лидди доложила, что среди слуг никакого волнения не наблюдается и никакого шума никто из них ночью не слышал. Одно обстоятельство, однако, страшно обеспокоило нас: ночной посетитель явно владел более чем одним способом проникновения в дом, и мы с удвоенным усердием заперли на ночь все окна и двери.

Хэлси отнесся к происшествию довольно пренебрежительно. Он сказал, что пролом в штукатурке мог появиться несколько месяцев назад и остаться незамеченным, а пыль, вероятно, поднялась с пола накануне, когда садовник втас-

кивал сундук в кладовую. В конце концов нам пришлось согласиться с такой версией, но мы провели тревожное воскресенье.

Гертруда ушла в церковь, а Хэлси отправился утром на долгую прогулку. Луиза уже могла сидеть, и ближе к вечеру она позволила Хэлси и Лидди отвести ее вниз. На тенистой увитой плющом восточной террасе стояли разноцветные шезлонги. В один из них мы усадили девушку, и она сидела там с довольно безучастным видом, сложив руки на коленях.

Все молчали. Хэлси с трубкой сидел на перилах и не отрывал взгляда от девушки, которая печально созерцала холмы по ту сторону долины. Во взгляде ее таилось что-то непостижимое — и постепенно Хэлси перестал сиять от радости, что вновь видит любимую; черты его мальчишеского лица затвердели и посуворели. Он стал очень похож на своего покойного отца.

Мы сидели на террасе допоздна, и Хэлси мрачнел все больше. Незадолго до шести часов он поднялся с места и скрылся в доме, а через несколько минут вышел и позвал меня к телефону. Звонила Анна Уиткомб из города, которая двадцать минут рассказывала мне о гландах своих внуков и о том, как мадам Суини испортила ее новый пеньюар.

Когда я повесила трубку, Лидди стояла за моей спиной, скжав губы в ниточку.

— Хоть бы ты постаралась выглядеть повеселей, Лидди, — простонала я. — От твоего кислого вида молоко сворачивается.

Но Лидди редко реагирует на мои колкости. Она сжала губы еще крепче.

— Он ей позвонил, — тоном оракула возвестила она. — Позвонил и попросил подержать вас у телефона подольше, чтобы он мог поговорить тем временем с мисс Луизой. Неблагодарное дитя язвит больней змеи!

— Чепуха! — отрезала я. — Мне следовало бы самой догадаться и оставить их наедине. Прошло слишком много времени с тех пор, как мы с тобой были влюблены, Лидди, — и мы все забыли.

Лидди фыркнула.

— Ни одному мужчине никогда не удавалось сделать из меня дуру.

— Но кому-то все-таки удалось, — отпарировала я.

О ТОМАСЕ

— Мистер Джемисон,— сказала я, когда мы со следователем остались одни после обеда в тот вечер.— Вчерашнее дознание произвело на меня впечатление простого перечисления уже известных фактов. В ходе его не выяснилось ничего нового, за исключением истории доктора Стюарта — и ту он рассказал по собственной инициативе.

— Дознание — это всего лишь необходимая формальность, мисс Иннес,— ответил мистер Джемисон.— Если преступление не раскрыто, дознание занимается лишь сбором свидетельских показаний, не вникая глубоко в суть событий. Полиция берется за дело позже. И вы, и я прекрасно понимаем, как много важных деталей не получают объяснения. Например, убитого при осмотре тела ключа не обнаружили. И все же мисс Гертруда уверждает, что слышала звук поворачиваемого в замке ключа, а затем скрип открываемой двери. К упомянутой же вами истории доктора Стюарта следует относиться с осторожностью. К доктору приходит пациентка, вся в черном и с лицом, закрытым вуалью. Но позвольте! Это же типичная таинственная незнакомка! Потом наш добрый доктор натыкается на труп мистера Армстронга, слывшего отменным негодяем,— и что делает? — сразу же вспоминает, как покойный незадолго до смертиссорился с дамой в черном. «Внимание! — говорит себе доктор.— Это была одна и та же женщина!»

— Почему мистер Бэйли не присутствовал на дознании?
На лице следователя появилось странное выражение.

— Потому что его врач утверждает, что молодой человек болен и не в состоянии вставать с постели.

— Болеи! — воскликнула я.— Странно, ни Хэлси, ни Гертруда не говорили мне об этом.

— Существуют обстоятельства еще более странные, мисс Иннес. Бэйли представляет дело таким образом, будто он узнал о крахе банка только из вечерних газет, после чего незамедлительно вернулся в город и отдал себя в руки правосудия. Я не верю этому. Джонас, сторож Торгового банка, рассказывает другую историю. Он утверждает, что поздно вечером предыдущего четверга Бэйли вернулся в банк. Джонас впустил его. По словам сторожа, кассир был в полуобморочном состоянии. Бэйли работал в банке до полуночи, потом закрыл хранилище и ушел. Случай этот настолько выходил за рамки общепринятого, что сторож размышлял над ним до самого утра. И что же делал Бэйли, вернувшись

в ту ночь в свою квартиру в апартаментах Никербокера? Упаковал чемодан для срочного отъезда. Но он мешкал, очевидно, ожидая чего-то. По моему личному мнению, мистер Бэйли хотел увидеться с мисс Гертрудой перед побегом из страны. Позже, когда он застрелил Арнольда Армстронга, ему пришлось выбирать из двух зол меньшее. Он совершил поступок, который мгновенно настроил общественное мнение в его пользу: сдался властям как невинный человек. Самой сильной уликой против него является подготовка к побегу и решение возвратиться в город после убийства Арнольда Армстронга. Молодой человек оказался достаточно умен, чтобы отвести от себя подозрения.

Вечер тянулся медленно. Я уже собиралась ложиться, когда в спальню заглянула миссис Уотсон и спросила, нет ли у меня арники. Домоправительница показала мне страшно распухшую руку с багровыми полосами от кисти до локтя и сказала, что поранилась недавно назад, в ночь убийства, и с тех пор ни разу не спала спокойно. Рана показалась мне серьезной, и я велела миссис Уотсон обязательно обратиться к доктору Стюарту.

На следующее утро миссис Уотсон отправилась в город одиннадцатичасовым поездом, и ее положили в госпиталь для неимущих, обнаружив заражение крови. Я хотела непременно навестить больную, но потом другие заботы совершенно вытеснили мысль о ней. Однако в тот день я позвонила в госпиталь и попросила отвести миссис Уотсон отдельную палату и обеспечить ей самый лучший уход.

Миссис Армстронг с телом мужа прибыла с Запада в понедельник вечером. Отпевание было назначено на следующий день. Городской дом Армстронгов на Каштановой улице снова открыл свои двери, и во вторник утром Луиза покинула Саннисайд. Перед отъездом девушка послала за мной, и по ее лицу я догадалась, что она плакала.

— Как мне благодарить вас, мисс Иннес? — сказала Луиза.— Вы приняли все мои слова на веру и не задавали мне никаких вопросов. Когда-нибудь, наверное, я все смогу рассказать вам — и тогда все вы будете презирать меня... И Хэлси тоже.

Я попыталась сказать Луизе, как рада была я принять ее здесь, но девушка слушала невнимательно, явно встревоженная какой-то мыслью. После натянутого прощания с Хэлси, когда машина уже ждала у дверей, она заговорила наконец.

— Мисс Иннес, — тихо произнесла Луиза.— Если они...

если вас попросят освободить Саннисайд... пожалуйста, сделайте это, если можете... Мне страшно за вас... не оставайтесь здесь.

Вот и все. Гертруда поехала с Луизой в город и проводила ее до самого дома. По возвращении она рассказала, что встреча дочери с матерью прошла довольно прохладно и что в доме находится доктор Уокер, занимающийся, очевидно, организацией похорон. Хэлси исчез из дома вскоре после отъезда Луизы и вернулся только около девяти часов вечера, грязный и усталый. Что же до Томаса, то он бродил по дому подавленный и печальный, и я заметила, что следователь пристально наблюдал за стариком во время обеда. До сих пор я продолжаю задавать себе вопрос: что же знал Томас? О чём подозревал?

В десять часов вечера все домашние разошлись по спальням. Лидди, заступившая теперь на место миссис Уотсон, кончила пересчитывать полотенца и чайные ложки и отправилась на боковую.

Алекс, садовник, тяжело ступая, поднялся по винтовой лестнице, а мистер Джемисон проверял запоры на оконных рамах. Хэлси упал в кресло в гостиной и уныло уставился перед собой невидящим взглядом. Один раз он встрепенулся.

— Каков на вид этот Уокер, Гертруда? — спросил он.

— Довольно высокий, черноволосый, гладко выбритый. Отнюдь не безобразный, — ответила Гертруда, опуская книгу, которую тщетно пыталась читать. Хэлси яростно пнул табурет.

— Веселенькое местечко эта деревня зимой, — ни к селу ни к городу сказал он. — Девушка будет здесь похоронена заживо.

Именно в этот момент кто-то постучал в тяжелую паренную дверь. Хэлси лениво поднялся и впустил Уорнера. Паренек сильно запыхался и казался сконфуженным.

— Извините за беспокойство, — сказал он. — Но я просто не знаю, что делать. Это насчет Томаса.

— А что с Томасом? — спросила я. В вестибюль вышел мистер Джемисон, и мы все уставились на Уорнера.

— Он ведет себя как-то странно, — объяснил паренек. — Сидит на ступеньке террасы и твердит, что видел привидение. Старик очень плох: он едва ворочает языком.

— Он набит суевериями по самую макушку, — сказала я. — Хэлси, принеси бутылку виски, и мы все сходим к сторожке.

Никто не пошевелился, чтобы пойти за виски, из чего я заключила, что три карманные фляги уже приготовлены на случай крайней необходимости. Гертруда набросила мне на плечи шаль, и мы вчетвером начали спускаться с холма. Я уже проделала столько ночных экскурсий по поместью, что теперь нашла бы дорогу с закрытыми глазами. Но Томаса на террасе мы не нашли, как не нашли его и в доме. Мужчины многозначительно переглянулись, и Уорнер вынес фонарь.

— Он не мог уйти далеко, — сказал шофер. — Старик так трясясь, что едва держался на ногах, когда я уходил.

Джемисон и Хэлси вместе обошли сторожку, окликая старика по имени, но ответа не получили, и Томас не вышел из темноты, кланяясь и блестя обнаженными в улыбке зубами. Я начала ощущать смутную тревогу. Гертруда, которая никогда не боялась темноты, прошла по аллее к воротам и стояла там, глядя на желтоватую дорогу, пока я ждала на крохотной террасе.

Уорнер был совершенно озадачен. Он подошел к ступеньке, на которой сидел старик, и уставиля на нее, словно спрашивая ответа.

— Должно быть, Томас кое-как вполз в дом, но не смог подняться по лестнице. Во всяком случае ни на улице, ни в доме его нет.

Остальные тоже вернулись к сторожке, не обнаружив никаких следов пропавшего старика. Его трубка, до сих пор теплая, лежала на перилах, а оставленная в гостиной на столе старая серая шляпа говорила о том, что владелец ее никуда не собирался уходить.

Значит, он находился где-то поблизости. От стола взгляд мой скользнул по стенам комнаты и остановился на двери стенного шкафа. Подаввшись внезапному порыву, почти безотчетно я подошла к нему и повернула дверную ручку. Дверь распахнулась под напором тяжелого тела за ней, и из шкафа на пол выпал Томас — Томас без следов каких-либо телесных повреждений и мертвый.

ДОКТОР УОКЕР ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

В тот же миг Уорнер упал на колени возле тела и трясящимися руками принял расстегивать воротник старика, но Хэлси остановил его.

— Не надо, — сказал он. — Ты ничем не поможешь ему. Он мертв.

Мы стояли над Томасом, избегая смотреть друг другу в глаза. В присутствии смерти мы переговаривались тихими осторожными голосами и ни словом не обмолвились о подозрении, которое было на уме у каждого. Закончив беглый осмотр тела, мистер Джемисон встал с коленей и отряхнул брюки.

— Никаких следов насилия,— сообщил он, и все, как один, испустили длинный вздох облегчения.— Судя по рассказу Уорнера и тому, что старик прятался в стенному шкафу, он был напуган до смерти. Сильный испуг плюс слабое сердце.

— Но что могло так напугать его? — спросила Гертруда.— Он выглядел вполне нормально во время обеда. Уорнер, что Томас сказал, когда вы нашли его на террасе?

Уорнер казался совершенно потрясенным. Его честное мальчишеское лицо приобрело землистый оттенок.

— Я вам уже говорил, мисс Иннес. Он сидел и читал в гостиной газету. Я поставил машину в гараж и пошел спать. Когда я поднимался по лестнице, Томас отложил газету, взял трубку и вышел на террасу. Потом я услышал восклицание.

— А какие слова он произнес?

— Я не рассыпал, но голос был какой-то странный, будто испуганный. Я подождал, не крикнет ли старик еще чего-нибудь, но он молчал. Тогда я спустился вниз. Томас сидел на ступеньке террасы и глядел прямо перед собой немигающим взглядом, словно видел что-то среди деревьев через дорогу. И при этом бормотал о явившемся ему привидении. Я попытался отвести старика домой, но он не двигался с места. Тогда я решил лучше сбегать за вами.

— Томас говорил еще что-нибудь внятное?

— Что-то о могилах, извергающих своих мертвцевов.

Мистер Джемисон обыскивал карманы покойного, а Гертруда сложила руки старика на белой манишке — всегда такой безупречно чистой!

Мистер Джемисон взглянул на меня.

— Как вы там говорили, мисс Иннес? Смерть Арнольда Армстронга знаменует только начало загадочных событий, но никак не конец. Разрази меня гром! Вы были абсолютно правы.

По ходу обыска следователь обшарил внутренний карман черной куртки дворецкого и обнаружил там несколько заинтересовавших его вещей, как то: маленький плоский ключ на красном шнурке и клочок бумаги, на котором было

что-то написано корявым почерком Томаса. Мистер Джемисон внимательно взглянул на бумажку и потом протянул ее мне. На ней свежими чернилами был написан адрес: Люсьен Уоллес, 14, улица Вязов, Ричфилд.

Пока клочок бумаги передавался из рук в руки, мы с мистером Джемисоном пристально следили за лицами присутствующих, но ничего, кроме недоумения, на них не выражалось.

— Ричфилд! — воскликнул Хэлси.— Но улица Вязов — это главная улица Ричфилда. Ты помнишь, Гертруда?

— Люсьен Уоллес! — сказала Гертруда.— Так звали ребенка, о котором рассказывал на дознании доктор Стюарт.

Уорнер как механик инстинктивно потянулся за ключом. Его заключение не удивило меня.

— Автоматический американский замок,— сообщил он.— Вероятно, клю! от восточной двери.

Собственно, почему бы Томасу, старому и преданному слуге, не иметь при себе ключ от восточной двери, хотя вход для слуг находился в западном крыле здания! Но я об этом ключе ничего не знала, и с его обнаружением появилось новое поле для всевозможных догадок. Однако сейчас нужно было о многом позаботиться, и, оставив Уорнера возле тела, мы все вернулись домой. Мистер Джемисон шагал рядом со мной, а Гертруда и Хэлси держались позади.

— Полагаю, нам следует известить Армстронгов,— сказала я.— Они могут знать, есть ли у Томаса родственники и как их найти. Конечно, все расходы по похоронам я возьму на себя, но родственников надо известить обязательно. Как вы полагаете, что так испугало его, мистер Джемисон?

— Трудно сказать,— медленно ответил следователь.— Но мы можем с уверенностью утверждать единственное: старик действительно испугался чего-то и поэтому спрятался в шкафу. Мне всегда казалось, что Томас знает или подозревает что-то, о чем никому не рассказывает. Знаете, сколько денег нашел я в потертом кошельке старика? Около сотни долларов. Зарплата почти за два месяца — а ведь у негров редко когда бывает лишний пенни. Впрочем... Все, что Томас знал, он унесет с собой в могилу.

Хэлси предложил обыскать территорию поместья, но мистер Джемисон отклонил предложение.

— Вы ничего не найдете,— сказал он.— Человека, сумевшего пробраться в Саннисайд ночью и пробить дыру в стене, пока я дежурил на первом этаже, не найдешь, бродя среди кустов с фонарем.

Со смертью Томаса в Саннисайде как будто наступило затишье. Следующая ночь прошла спокойно. Хэлси дежурил у подножия лестницы, а сложная система запоров на остальных дверях казалась вполне надежной.

Один раз среди ночи я проснулась, и мне снова послышался стук. Но все было тихо, а я достигла того состояния, когда менее серьезные происшествия уже не могли потревожить меня.

Армстронгов известили о смерти Томаса, и в результате этого я удостоилась первого интервью с доктором Уокером. Он подъехал к дому в черном строгом автомобиле рано утром, едва мы успели позавтракать. Я нашла его расхаживающим взад-вперед по гостиной и, несмотря на предвзятую неприязнь, вынуждена была признать, что мужчина он действительно видный: широкоплечий, высокий, темноволосый, с великолепной осанкой, правильными чертами лица, тяжелой челюстью и, как заметила Гертруда, гладко выбритый. Он был элегантен и подчеркнуто вежлив.

— Приношу тысячу извинений за столь ранний визит, мисс Иннес, — сказал доктор Уокер, садясь. Кресло оказалось ниже, чем он ожидал, и молодому человеку понадобилось некоторое время для того, чтобы восстановить чувство собственного достоинства в полном объеме.

Потом он продолжил:

— Мои профессиональные обязанности, надолго оставленные... — И уже обыденным тоном: — Ведь надо что-то делать с этим телом.

— Да, — сказала я, сидя на краешке кресла. — Я просто хотела узнать адрес родственников Томаса. Вы могли позвонить, если вы так заняты.

Он улыбнулся.

— Я хотел увидеться с вами еще по одной причине. Что же касается Томаса, то миссис Армстронг выразила желание взять на себя все расходы по погребению. Брата покойного я уже известил. Полагаю, смерть наступила в результате сердечного приступа: у старика было слабое сердце.

— Сердечный приступ и сильный испуг, — сказала я, по-прежнему сидя на самом краешке кресла.

Но доктор явно не собирался уходить.

— Насколько я понял, у вас здесь завелось привидение и вы развели в доме полицейских с целью изгнать нечистую силу.

По непонятной причине я вдруг «разбухла», как выразился бы Хэлси.

— Вас дезинформировали, — сухо ответила я.

— Как! Ни привидения, ни полицейских? — улыбнулся молодой человек. — Какое разочарование для местных жителей!

Я пресекла его попытку взять игривый тон. Шутить на эту тему я не собиралась.

— Доктор Уокер, — резко сказала я, — к сожалению, я не вижу в данной ситуации ничего смешного. С тех пор как я переехала в Саннисайд, один человек был застрелен и один умер от страха. В дом проникали неизвестные личности, по ночам слышались странные звуки. Если все это смешно, значит, у меня просто не в порядке чувство юмора.

— Вы меня неправильно поняли, — по-прежнему благодушно сказал доктор Уокер. — Мне кажется забавным, что в этих обстоятельствах вы решительно отказываетесь покидать Саннисайд. По идеи вы должны были бы бежать отсюда сломя голову.

— Ошибаетесь. Все случившееся только утвердило меня в намерении остаться здесь до полного раскрытия тайны.

— Мне велено кое-что передать вам. — Доктор, наконец, поднялся на ноги. — Миссис Армстронг просила меня поблагодарить вас за заботу о Луизе, чья несвоевременная прихоть причинила всем много неудобств. И кроме того — это вопрос деликатный, — она просила меня возвратить к вашему чувству естественного сострадания к несчастной вдове и обратиться к вам с просьбой изменить свое решение насчет дальнейшего пребывания в Саннисайде. Саннисайд — ее родной дом, она нежно привязана к нему и сейчас хочет уединиться здесь в тишине и покое.

— Должно быть, миссис Армстронг изменила свое мнение об этом особняке, — сказала я довольно невежливо. — Луиза говорила, что мать ненавидит его. Кроме того, в настоящее время здесь и не пахнет тишиной и покаем. В любом случае, доктор, я никуда не собираюсь уезжать, по крайней мере в ближайшее время.

— И сколько еще продлится ваше пребывание в Саннисайде? — спросил доктор.

— Я сняла дом на шесть месяцев. Я останусь здесь до тех пор, пока не найдется объяснение некоторым вещам. Моя семья оказалась втянутой в малоприятную историю, и я сделаю все, чтобы раскрыть тайну убийства Арнольда Армстронга.

Доктор стоял и смотрел на меня сверху вниз, задумчиво похлопывая перчатками по ладони ухоженной руки.

— Вы говорили, что в дом проникали неизвестные личности? — спросил он.— Вы уверены в этом, мисс Иннес?

— Абсолютно.

— И в какую именно часть дома?

— В восточное крыло.

— А вы не можете сказать, когда именно забирались в дом неизвестные и с какой целью? С целью ограбления?

— Нет,— решительно ответила я.— Что же того, к о гда а они забирались, то первый раз неделю назад, в пятницу ночью; затем следующей ночью, когда был убит Арнольд Армстронг, и в третий раз в последнюю пятницу.

Доктор посеребрел. Он как будто обдумывал какой-то вопрос и пришел к решению.

— Мисс Иннес,— сказал он.— Я нахожусь в щекотливой ситуации. Конечно, я понимаю вашу точку зрения, но... Неужели вы находите свое поведение благоразумным? С тех пор как вы поселились в Саннисайде, против вас и вашей семьи постоянно предпринимаются враждебные действия. Не хочу каркать, но... хочу предупредить вас. Уезжайте отсюда, пока с вами не произошло что-нибудь, о чем вам придется сожалеть потом всю жизнь.

— Я беру на себя всю ответственность,— холодно сказала я.

Думаю, тогда доктор Уокер отступил от меня, поняв безнадежность всяких попыток договориться со мной. Он попросил показать ему место, где было обнаружено тело Арнольда Армстронга, и я отвела его к рабочему кабинету. Он тщательно осмотрел лестницу и дверной замок. Потом молодой человек сухо откланялся, и я осталась уверенной в одном: доктор Уокер сделает все возможное, чтобы выжить меня из Саннисайда.

УЛИЦА ВЯЗОВ, 14

Тело старого Томаса мы обнаружили в понедельник вечером. Следующая ночь прошла без происшествий. В доме царило спокойствие, и странные обстоятельства смерти старика тщательно скрывались от слуг. В отсутствие дворецкого в столовой и буфетной хозяйничала Рози, и, несмотря на предупреждение доктора Уокера, все в Саннисайде дышало покоем и безмятежностью.

Ситуация с Торговым банком медленно прояснялась. Крах его сильно ударил по мелким вкладчикам, среди кото-

рых числился и священник маленькой методистской церкви в Казанове. Он получил в наследство от дяди несколько акций Торгового банка, и теперь радость его обернулась печалью: он потерял все, что имел, и потому питал крайнюю неприязнь к покойному банкиру. Священника попросили присутствовать при погребении последнего на кладбище Казановы, но он самым счастливым образом простудился, и родственникам покойного пришлось искать замену.

Через несколько дней после погребения он заглянул ко мне в Саннисайд — маленький добродушный человечек в скверном сюртуке и застиранном галстуке. Кажется, он неясно представлял себе характер моих отношений с семейством Армстронгов и не знал, нахожу ли я смерть мистера Армстронга поводом для выражения соболезнований с его стороны. Ему не пришлось долго сомневаться на этот счет.

Мне понравился маленький священник. Он хорошо знал Томаса и обещал отпеть покойного в старой негритянской церкви. Он рассказал мне о себе больше, чем знал сам, и на прощание я страшно удивила его (да и саму себя тоже), пообещав новый ковер для негритянской церкви. Маленький священник был растроган до слез, и я поняла, что он переживает за свою захудалую церквушку, как мать за полуодетое дитя.

— Вы помещаете сокровище в храм, мисс Иннес,— сказал он прерывающимся от сдерживаемых эмоций голосом,— где ему не страшны будут ни моль, ни ржа, ни дерзкие воры.

— Конечно, в храме ему гораздо безопасней, чем в Саннисайде,— согласилась я, и мысль о ковре заставила улыбнуться его. Маленький священник стоял в дверях и смотрел из роскошного особняка на расстилающийся внизу прекрасный сельский пейзаж.

— Богатые люди должны быть добрыми,— мечтательно проговорил он.— Они в состоянии окружить себя прекрасными изящными вещами, а прекрасное возвышает душу. Все же — хотя о мертвых принято говорить только хорошее — мистер Армстронг не понимал красоты этого пейзажа. В этих деревьях и лугах он не видел творения Господа. Для него они являлись просто собственностью, которую можно измерить акрами. Покойный любил деньги, мисс Иннес, и все приносил в жертву золотому тельцу.— Потом священник оставил свой проповеднический тон и обернулся ко мне со своей обаятельной улыбкой: — Мест-

ные жители поговаривали, что, несмотря на всю эту роскошь, мистер Пол Армстронг мог трястись над каждым долларом. Он никогда не жертвовал ни беднякам, ни церкви. Он любил деньги ради денег.

— А фасон савана не предусматривает карманов,— цинично заметила я.

Я отправила его домой на машине, вручив на прощание букет оранжевых роз для его жены, и скромный священник просто потерял дар речи от потрясения. Что же до меня, то пережитое мной удовольствие от сознания собственной щедрости стоило десятка таких ковров. Я получила гораздо меньше удовлетворения — и гораздо меньше благодарности,— когда подарила новый серебряный сервис общине Сент-Барнаби.

В те дни мне было над чем поразмыслить. Я составила список вопросов и возможных ответов, но все равно словно ходила по замкнутому кругу и всегда кончала тем, с чего начинала. Список выглядел примерно так.

— Кто проникал в дом ночью накануне убийства?

По предположению Томаса, мистер Бэйли, которого он видел на тропинке и которому принадлежит запонка.

— Почему в ночь убийства Арнольд Армстронг вернулся в дом после того, как покинул его?

Ответа нет. Может, в связи с делом, о котором упоминала Луиза.

— Кто впустил его?

Гертруда утверждает, что заперла восточную дверь. В карманах убитого на полу рядом с ним ключа не обнаружено. Следовательно, ему открыл кто-то из домашних.

— Кто прятался в прачечной?

Очевидно, человек, не знакомый с домом. Только два человека отсутствовали в доме в тот момент: Рози и Гертруда. Рози была в сторожке. Следовательно... Но обязательно ли Гертруда? Разве в прачечной не мог прятаться тот же таинственный ночной гость?

— Кто напугал Рози на аллее?

Опять-таки, возможно, ночной гость. Похоже, человек этот догадывался о том, что в сторожке пряталась Луиза. Следил ли он за ней?

— Кто прошел мимо Луизы по винтовой лестнице? Могли это быть Томас?

Найденный у него ключ от восточной двери указывает на такую возможность. Но что старик делал в доме ночью, если это действительно был он?

— Кто проделал дыру в стене кладовой?

На акт вандализма непохоже. Работа велась в тишине и с некоей определенной целью. Если бы только я могла догадаться о назначении зияющего провала в стене, я бы сэкономила множество нервных клеток и спасла бы мозг от переутомления!

— Почему Луиза убежала от родителей и вернулась в Саннисайд, чтобы прятаться в сторожке?

Ответа не было ни на этот, ни на все последующие вопросы.

— Почему и она, и доктор Уокер предупредили нас держаться подальше от дома?

— Кто такой Люсиен Уоллес?

— Что увидел Томас в сумерках среди деревьев перед смертью?

— Был ли Джон Бэйли сообщником покойного банкира или невинной жертвой?

— Какие серьезные причины побудили Луизу решиться выйти замуж за доктора Уокера?

Ревизоры продолжали работать с документами Торгового банка и, похоже, собирались закончить проверку не раньше чем через несколько недель. Фирма высококвалифицированных бухгалтеров, которая занималась проверкой банковских книг двумя месяцами раньше, с полной определенностью утверждала, что все до единой акции и ценные бумаги тогда были на месте. Именно после этой ревизии президент банка, который неважко себя чувствовал, отправился отдыхать в Калифорнию. Мистер Бэйли по-прежнему лежал больной в апартаментах Никербокера, и поведение Гертруды в этом отношении, как и во многих других, озадачивало меня. Девушка оставалась совершенно безразличной, категорически отказываясь обсуждать дела, связанные с Торговым банком, и, насколько мне известно, ни разу не написала возлюбленному, не съездила проведать его. Постепенно я пришла к выводу, что Гертруда вслед за всеми поверила в виновность мистера Бэйли. Хотя я сама не сомневалась в причастности последнего к ограблению банка, равнодушие Гертруды возмутило меня. Во времена моей молодости девушки не соглашались так легко с общественным мнением, обвиняющим их возлюбленных.

Но вскоре произошло событие, которое заставило меня заподозрить, что под маской апатичности Гертруда скрывает бурные переживания.

Во вторник утром следователь тщательно обыскал тер-

риторию поместья, но безрезультатно. Во второй половине дня он исчез и вернулся в Саннисайд только поздно вечером. Мистер Джемисон сказал, что завтра он уедет в город, и договорился с Хэлси и Алексом оочных дежурствах.

В среду утром Лидди явилась ко мне с глазами, расширенными от благородного негодования. Она держала перед собой сложенный мешком черныйшелковый фартук. В этот день в деревне должны были состояться похороны Томаса, и мы с Алексом срезали в оранжереи цветы на гроб старика. Для Лидди нет большего удовольствия, чем чувствовать себя несчастной и оскорблённой, и теперь глаза ее торжественно сияли, в то время как рот жалобно кривился.

— Я всегда говорила, что в этом доме прямо под нашим носом творятся разные дела, которых мы не видим.

— Я не вижу носом,— заметила я.— Что у тебя там?

Лидди решительно отодвинула в сторону полдюжины горшков с геранью и на расчищенное место высыпала содержимое фартука — пригоршню бумажных обрывков.

Алекс отступил назад, но посмотрел на Лидди с любопытством.

— Подожди минуту, Лидди,— сказала я.— Ты опятьрылась в мусорной корзине в библиотеке?

Лидди уже составляла клочки бумаги в единое целое с ловкостью, приобретенной за долгие годы практики, и не обратила на мои слова никакого внимания.

— Тебе когда-нибудь приходило в голову,— продолжала я, прикрывая ладонью клочки бумаги,— что люди рвут письма исключительно с целью сохранить их содержание втайне?

— Если бы им нечего было стыдиться, они не обременяли бы себя лишними хлопотами,— пророчески возвестила Лидди.— Более того, в доме, где каждый день происходят странные события, я считаю себя просто обязанной проматывать корреспонденцию. Если вы не хотите читать записку, я отдаю ее этому Джемисону, и, смею предположить, он не поедет в город сегодня.

Это положило конец моим колебаниям. Перед запиской, имеющей отношение к тайне, соображения морали мало значили. Лидди складывала клочки, как дети складывают цветные картинки из кубиков, и делала это с таким же азартом. Закончив, она отступила в сторону.

— «Среда, девять часов вечера. Мост»,— вслух прочитала я. Затем, чувствуя на себе заинтересованный взгляд Алекса, обернулась к Лидди.

— Кто-то собирается играть в бридж* сегодня в девять часов вечера. Разве это касается тебя или меня?

Лидди казалась оскорблённой. Она уже открыла рот, чтобы достойно ответить мне, но я решительно сгребла обрывки бумаги и вышла из оранжереи.

— Послушай,— сказала я Лидди на улице,— с какой стати ты решила посвятить в это дело Алекса? Он не дурак. Думаешь, он поверил, что кто-то в этом доме собирается играть в бридж в девять часов вечера, о чём уведомляет партнера запиской? Полагаю, ты уже продемонстрировала находку на кухне, и теперь я лишена возможности незаметно подкрасться к мосту и посмотреть, кто там встречается, ибо к девяти часам вечера туда отправятся все слуги рядами и колоннами.

— О записке никто не знает,— застенчиво ответила Лидди.— Я нашла ее в корзине в гардеробной мисс Гертруды. Посмотрите на оборотную сторону листа.

Я перевернула несколько клочков и увидела, что это обрывки банковского депозитного бланка. Итак, этим вечером у моста Гертруда собиралась встретиться с Джоном Бэйли! А я-то думала, он болен! Подобное поведение не походило на поведение честного человека: пробираться в Саннисайд под покровом ночной тьмы, втайне от родственников невесты! Однако я решила проверить свои подозрения, отправившись вечером к мосту.

После завтрака мистер Джемисон предложил мне съездить вместе с ним в Ричфилд, и я согласилась.

— Я стал склонен больше верить истории доктора Стюарта,— сказал он.— Найденная в кармане Томаса записка с адресом подтверждает заявление доктора о том, что женщина с ребенком и женщина, ссорившаяся с Арнольдом Армстронгом,— одно и то же лицо. Похоже, Томас случайно узнал о какой-то истории, более или менее постыдной для покойного, и, верный интересам семьи, хранил ее втайне. Тогда начинает обретать смысл ваш рассказ о женщине за окном кабинета. Сейчас мы находимся ближе, чем когда-либо, хотя бы к частичному объяснению саннисайдского дела.

Уорнер отвез нас в Ричфилд на машине. По железной дороге до городка было двадцать пять миль, но мы рванули напрямик и доехали очень быстро. Прелестный крохотный городок стоял на берегу реки, и на холме в отдалении я уви-

* Bridge — мост.

дела дом Мортонов, где Хэлси и Гертруда гостили до приезда в Саннисайд.

Улица Вязов была практически единственной улицей в Ричфилде, и дом номер четырнадцать мы нашли очень легко. Это был маленький белый домишко, ветхий, без намека на живописность, с низкими окнами и террасой, возвышающейся всего на фут над крохотной лужайкой. На дорожке стояла детская коляска, а у качелей на лужайке громко спорили три голосистых малыша. Их пыталась утихомирить молодая женщина с преждевременно поблесшившим добрым лицом. Завидев нас, она сняла полосатый фартук и подошла.

— Добрый день,— сказала я, а Джемисон молча приподнял шляпу.— Я приехала спросить у вас насчет ребенка по имени Люсьен Уоллес.

— Очень хорошо, что вы приехали,— сказала женщина.— Мальчик, похоже, скучает. Мы надеялись, что сегодня приедет его мать.

Мистер Джемисон выступил вперед.

— Вы миссис Тэйт?

Я удивилась осведомленности следователя.

— Да, сэр.

— Миссис Тэйт, мы хотим задать вам несколько вопросов. Вероятно, в доме...

— Входите, входите,— гостеприимно сказала женщина. И скоро мы сидели в маленькой бедной гостиной, в точностях похожей на тысячи других. Миссис Тэйт сидела в напряженном ожидании, сложив руки на коленях.

— Как долго находится здесь Люсьен? — спросил мистер Джемисон.

— С пятницы прошлой недели. Его мать заплатила вперед за одну неделю и больше не платила.

— Мальчик был болен, когда поступил к вам?

— Нет, сэр, не то чтобы болен. Мать сказала, что он недавно перенес тиф и теперь быстро идет на поправку.

— Вы можете сообщить мне адрес и имя его матери?

— Это сложно,— миссис Тэйт сдвинула брови.— Она называлась миссис Уоллес и сказала, что адреса у нее нет. Она искала какой-нибудь пансион в городе. Сказала, что работает в универмаге и не может обеспечить ребенку должный уход, а ему нужен свежий воздух и свежее молоко. У меня три собственных ребенка, и с появлением еще одного забот сильно не прибавилось, но... хорошо бы миссис Уоллес заплатила и за эту неделю.

— Она сказала, в каком именно универмаге работает?

— Нет, сэр. Но вся одежда у мальчика от Кинга. Для деревни он одет слишком хорошо.

Из прихожей донеслись смех, визг и затем громкий топот детских ног и крики «тпру! тпру!». В комнату влетели два толстощеких малыша — девочка и мальчик, взнужденные бельевой веревкой. Лошадками правил смеющийся мальчуган лет семи в желто-коричневом комбинезоне с медными пуговками. Маленький кучер сразу привлек мое внимание — это был прелестный живой ребенок с прозрачным лицом, носившим следы недавно перенесенной болезни.

— Тпру, Флиндерс! — закричал он.— Твоя тележка разобьется!

Задабривая ребенка, мистер Джемисон протянул ему полосатый желто-синий карандаш.

— Держу пари,— сказал он, когда мальчик взял карандаш и начался проверять его пригодность на манжете следователя.— Держу пари, ты не знаешь, как тебя зовут.

— А вот и знаю,— сказал мальчик.— Люсьен Уоллес.

— Здорово! А как зовут твою маму?

— Мама, конечно! А как зовут вашу маму? — и он показал на меня! В жизни больше не надену ничего черного! Черный цвет удваивает возраст женщины.

— А где ты жил, перед тем, как приехал сюда? — следователь оказался достаточно вежливым, чтобы не улыбнуться.

— Grossmutter,— сказал Люсьен, и у мистера Джемисона брови поползли вверх.

— Немецкий,— прокомментировал он.— Что ж, молодой человек, похоже, вы не очень много можете рассказать о себе.

— Я пытала его целую неделю,— вмешалась миссис Тэйт.— Мальчик знает пару слов на немецком, но не знает, где жил раньше, и ничего не может рассказать о себе.

Мистер Джемисон написал что-то на карточке и протянул ее женщине.

— Миссис Тэйт,— сказал он,— у меня к вам есть просьба. Вот деньги на телефонный звонок. Как только мать мальчика появится здесь, позвоните по этому номеру и позвоните к телефону человека, чье имя здесь написано. Вы можете выбежать в аптеку напротив, по возможности незаметно. Скажите просто: «Леди приехала».

— Леди приехала,— повторила миссис Тэйт.— Хорошо, сэр. И, надеюсь, это произойдет скоро. Один счет за

молоко уже в два раза превышает выплаченную мне сумму.

— Сколько стоит пансион для ребенка? — спросила я.

— Три доллара в неделю, включая стирку.

— Прекрасно, — сказала я. — Я заплачу за последнюю неделю и за неделю вперед. Если мать ребенка появится, не говорите ей о нашем визите. А за ваше молчание вы можете оставить эти деньги себе и истратить их на собственных детей.

Усталое, поблекшее лицо женщины просветлело, и она бросила взгляд на ножки маленьких Тэйтсов.

«Ботинки, — догадалась я. — Ноги детей в благородных бедных семьях обходятся почти так же дорого, как их желудки».

На обратном пути мистер Джемисон заговорил лишь один раз. Полагаю, он остро переживал разочарование.

— А что, универмаг Кинг — это специальный детский магазин? — спросил следователь.

— Да нет. Просто крупный универмаг.

После этого мистер Джемисон молчал всю дорогу, но по приезде в Саннисайд сразу прошел к телефону и позвонил в город, в «Кинг энд компани».

Спустя некоторое время его связали с главным администратором, и после непродолжительного разговора мистер Джемисон повесил трубку и повернулся ко мне.

— Фабула усложняется, — сообщил он со своей обычной улыбкой. — В универмаге работают четыре женщины по фамилии Уоллес, все незамужние и все не старше двадцати лет. Думаю, мне надо ехать в город вечером. Хочу взглянуть в Детский госпиталь. Но сначала, мисс Иннес, я хочу, чтобы вы были со мной более откровенны, чем прежде, и показали мне револьвер, который подобрали на клумбе с тюльпанами.

Значит, он знал это все время!

— Это действительно был револьвер, — призналась я, загнанная в угол. — Но я не могу показать его вам. В настоящий момент он находится не у меня.

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ С САДОВОЙ ЛЕСТНИЦЕЙ

Во время обеда мистер Джемисон предложил прислать на свое место человека на пару дней, но Хэлси выразил уверенность, что ничего больше не произойдет и что они

с Алексом прекрасно сумеют контролировать ситуацию. Следователь уехал в город ранним вечером, и в девять часов Хэлси, который весь день играл в гольф (все мужчины занимаются чем-нибудь подобным, когда хотят отвлечься от неприятных мыслей), уже спал здоровым сном на кожаном диване в гостиной.

Я сидела за вязанием и не подняла глаз, когда Гертруда встала с кресла и неторопливо вышла на улицу. Выждав некоторое время, я осторожно последовала за ней. Я не собиралась ничего подслушивать, но хотела убедиться, что девочка встречается именно с Джоном Бэйли. Гертруда имела отношение — или так казалось по крайней мере — ко многим загадочным происшествиям, и мне не хотелось оставлять какие-то обстоятельства невыясненными.

Я медленно пересекла луг, обогнула живую изгородь и недалеко от сторожки вышла на проселочную дорогу. Футах в ста слева начиналась тропинка, ведущая через долину к местному клубу, а недалеко от дороги, по ходу тропинки, находился пешеходный мостик через ручей Казановы. Но только я собиралась свернуть с дороги на тропинку, как услышала впереди приближающиеся шаги, и едва успела спрятаться в кустах. Мимо меня быстро прошла Гертруда по направлению к дому.

Страшно удивленная, я дала Гертруде время дойти почти до самого дома и лишь потом выступила из кустов, тут же снова отскочив обратно в тень. Причина, по которой сорвалось свидание Гертруды с ее кавалером, была налицо: облокотившись на перила мостика, в лунном свете стоял Алекс, садовник, с трубкой в зубах. Я почувствовала желание придушить Лидди, которая столь беспечно прочитала порванную записку при садовнике. И с удовольствием придушила бы впридачу и самого садовника за его наглость.

Но ничего не поделаешь. Я повернулась и пошла за Гертрудой к дому.

Частые посещения Саннисайда неизвестными лицами успешно исключили для всех домашних всякую возможность спокойно расслабиться с наступлением сумерек. На ночь мы с удвоенным старанием запирали все окна и двери на замки и запоры, но по совету мистера Джемисона оставляли дверь в восточном крыле запертой на один американский замок. Рассчитывать на поимку преступника можно было, лишь установив постоянное наблюдение за единственным доступным входом в дом.

В отсутствие следователя Алекс и Хэлси договорились

сменять друг друга на посту: Хэлси намеревался дежурить у винтовой лестницы с десяти вечера до двух часов ночи, а Алекс — с двух до шести утра. Оба молодых человека были вооружены, и на всякий случай один из них в свободное от дежурства время спал в комнате, расположенной у верхней площадки винтовой лестницы, держа дверь спальни постоянно открытой, дабы иметь возможность в случае необходимости незамедлительно поспешить на помощь напарнику.

Все эти приготовления хранились в строжайшей тайне от слуг, которые только-только начали спать по ночам — все, как один, с надежно запертными дверями и горящими в полную силу до самого утра лампами.

В среду ночью опять обошлось без происшествий. Прошла почти неделя со встречи Луизы с единственным посетителем на винтовой лестнице и четыре дня — со времени обнаружения дыры в стене кладовой. Арнольд Армстронг и его отец поколились бок о бок на кладбище Казановы, а рядом с негритянской церковью появился новый могильный холм, отмечавший последнее прибежище бедного Томаса.

Луиза жила с матерью в городе, и, кроме вежливой записки со словами благодарности, мы не получили от нее никаких известий. Доктор Уокер возобновил свою практику, и время от времени мы видели его машину, пролетающую по проселочной дороге, всегда на предельной скорости. Убийство по-прежнему оставалось неотмщенным, и я упорствовала в своем намерении оставаться в Саннисайде до тех пор, пока тайна не разъяснится хотя бы отчасти.

И все же, несмотря на внешнее спокойствие, именно в среду ночью была предпринята, вероятно, самая дерзкая попытка проникнуть в дом. В четверг во второй половине дня прачка попросила позволения увидеться со мной, и я приняла ее в маленькой личной гостиной, смежной с гардеробной.

Мэри Энн казалась смущенной и все время теребила белый фартук красными, блестящими руками.

— Итак, Мэри, — подбадривающе начала я. — В чем дело? И не вздумай сказать мне, что мыло кончилось.

— Нет, нет, мисс Иннес. — У прачки была странная привычка — во время разговора смотреть сначала в один, потом в другой глаз собеседнику; поэтому собственные ее глаза постоянно бегали вправо-влево, и, наконец, я обнаружила, что бессознательно делаю то же самое. — Нет, мэм.

Я хотела только спросить, можно ли убрать стремянку из бельепровода.

— Что-о?! — рявкнула я и тут же пожалела о своей несдержанности. Видя, что ее подозрения подтвердились, Мэри Энн побелела, и глаза ее забегали быстрее обычного.

— В бельепроводе стоит лестница, высокая. Мне ее оттуда не вытащить, и я не хотела ни к кому обращаться за помощью, пока не переговорю с вами.

Притворяться было бесполезно. Мэри Энн, как и я, прекрасно понимала, что лестница не место в бельепроводе. Однако я сделала лучшее, что можно было сделать в подобной ситуации: то есть перешла в наступление.

— Так, значит, ты не заперла прачечную вчера вечером!

— Я заперла ее и повесила ключ на гвоздь в кухне.

— Прекрасно, значит ты забыла про окно.

Мэри Энн поколебалась.

— Да, мэм, — наконец сказала она. — Мне казалось, я все закрыла вчера, но сегодня одно из окон оказалось открытым.

Я вышла из комнаты и в сопровождении Мэри Энн направилась по коридору в восточное крыло. Дверь в бельевую камеру была надежно заперта. Открыв ее, я убедилась в правдивости слов прачки. В шахте для спуска белья стояла садовая лестница, верхний конец ее находился между первым и вторым этажами.

Я повернулась к Мэри Энн.

— Вот результат твоей беспечности, — сурово сказала я. — Если бы всех нас зарезали в постелях сегодня ночью, это лежало бы целиком на твоей совести. — Прачка задрожала. — Так. Теперь никому ни слова об этом и пошли ко мне Алекса.

При виде лестницы в бельепроводе Алекс впал в ярость, грозящую вылиться в апоплексический удар, но при этом вид молодого человека мне показался смутно удовлетворенным. Сейчас, оглядываясь назад, я удивляюсь тому, что столько совершенно очевидных вещей ускользнуло от моего понимания. Впрочем, вся эта история настолько невероятна, что, возможно, тупость моя отчасти извинительна.

Алекс заглянул в шахту и внимательно осмотрел лестницу.

— Застряла, — мрачно усмехнулся он. — Вот дураки, надо же оставить такую улику! Одно плохо, мисс Иннес, теперь они не скоро вернутся.

— Это обстоятельство я не считаю большим несчастьем, — ответила я.

До позднего вечера Хэлси и Алекс возились в прачечной. Наконец они вытащили лестницу из шахты и поставили на дверь прачечной новый замок. Что же до меня, то я сидела и соображала, есть ли у меня какой-нибудь смертельный враг, страстно желающий моей гибели.

Я нервничала все больше и больше. Лидди окончательно перестала симулировать смелость и ночевала в моей гардеробной с молитвенником и кухонным ножом под подушкой, готовая к встрече с силами и потусторонними, и посюсторонними.

Таким образом обстояли дела в четверг вечером, когда я вступила в борьбу с неизвестным самолично.

ПОКА ГОРЕЛА КОНЮШНЯ

Около девяти часов того вечера в гостиную вошла Лидди и доложила, что одна из служанок видела, как двое каких-то мужчин прокрались вдоль конюшни и завернули за угол последней. Гертруда, которая весь вечер сидела, глядя в пустоту невидящим взглядом и подпрыгивая при каждом звуке, раздраженно повернулась к Лидди.

— Ты просто комок нервов, Лидди,— сказала она.— Ну и что, если Элиза видела двух мужчин у конюшни? Это могли быть Уорнер и Алекс.

— Уорнер на кухне, мисс,— с достоинством ответила Лидди.— И доведись вам пережить то, что выпало на мою долю, вы бы тоже превратились в комок нервов. Мисс Рэчел, буду вам признательна, если вы завтра заплатите мне за полмесяца. Я уезжаю к сестре.

— Отлично,— сказала я к ее великому удивлению.— Я выпишу чек. Уорнер отвезет тебя на станцию к двенадцатичасовому поезду.

На лице Лидди появилось страшно забавное выражение!

— Ты прекрасно проведешь время у сестры,— продолжала я.— У нее ведь, кажется, пятеро детей, не так ли?

— Вот-вот! — Лидди внезапно залилась слезами.— Отсыпалть меня прочь после стольких лет безупречной службы, когда ваша новая шаль еще не закончена и никто не знает, какую воду следует набирать вам в ванну?!

— Я уже в состоянии сама себе готовить ванну.

Я продолжала невозмутимо вязать. Но Гертруда встала и обняла Лидди за вздрагивающие от рыдания плечи.

— Вы просто два больших ребенка,— успокаивающе

сказала она.— Ни одна из вас не сможет прожить и часа без другой. Так что прекратите ссориться и будьте умницами. Лидди, ступай наверх и приготовь тете постель. Она сегодня ляжет пораньше.

Когда Лидди удалилась, я принялась думать о мужчинах, замеченных возле конюшни, и наконец разволновалась не на шутку. Хэлси бесцельно гонял бильярдные шары по столу в соседней комнате, и я окликнула его.

— Хэлси,— обратилась я к мальчику, когда он неторопливо вошел в гостиную,— есть ли в Казанове какой-нибудь полицейский?

— Констебль,— лаконично ответил Хэлси.— Ветеран войны, одна рука. А что?

— Да как-то мне тревожно.— Я передала ему рассказ Лидди.— Может, поставить кого-нибудь следить за домом с улицы сегодня ночью?

— Можно вызвать Сэма Боханнона из клуба,— задумчиво проговорил Хэлси.— Это неплохая мысль. Сэм — сообразительный парень, а если он закроет рот и прикроет чем-нибудь манишку, то его не увидишь в темноте и в двух шагах от себя.

Хэлси посоветовался с Алексом, и в результате через час в Саннисайд прибыл Сэм. Ему объяснили ситуацию следующим образом: в последнее время неизвестными лицами предпринимались неоднократные попытки проникнуть в дом. Мы хотели бы не отпугнуть злоумышленников от Саннисайда, но поймать их. Посему, завидев каких-нибудь подозрительных людей на территории поместья, Сэм должен был тихонько постучать в восточную дверь, за которой в течение ночи поочередно дежурили Алекс и Хэлси.

В тот вечер я улеглась в постель с приятным ощущением безопасности. Дверь между комнатами Гертруды и моими оставалась открытой, а двери в коридор мы заперли, после чего несколько успокоились, хотя Лидди упорно придерживалась того мнения, что двери не являются препятствием для нарушителей спокойствия в Саннисайде.

Как и прежде, Хэлси наблюдал за восточным входом в дом с десяти до двух часов ночи. Он любил комфорт и нес дежурство в тяжелом дубовом кресле, очень большом и глубоком. Мы с Гертрудой поднялись наверх рано и, готовясь ко сну, переговаривались через открытую дверь. Лидди расчесывала мои волосы, а Гертруда — свои длинные свободными движениями сильных рук.

— Ты знаешь, что миссис Армстронг и Луиза живут сейчас в деревне? — спросила девочка.

— Нет, — удивленно ответила я. — Кто тебе сказал это?

— Я повстречала сегодня старшую дочку доктора Стюарта, и она рассказала, что после похорон они не стали возвращаться в город, а отправились сразу к желтому коттеджу, который находится рядом с домом доктора Уокера, и поселились там. Сняли дом с обстановкой на все лето.

— Вот так новости! — воскликнула я. — Не могу представить себе Фанни Армстронг в таком месте.

— И тем не менее это правда. Элла Стюарт говорит, что миссис Армстронг страшно постарела и еле ходит.

Я лежала и раздумывала над последними новостями до полуночи. Потом погасло электричество — лампочки медленно тускнели, пока не превратились в сияющие алые точки, которые, впрочем, тоже скоро исчезли. Особняк погрузился в темноту очередной ночи.

Очевидно, прошло несколько минут, пока глаза мои привыкали к темноте. Потом я заметила на потолке слабый розовый отблеск. Лидди заметила его одновременно со мной, и я услышала, как она соскаивает с кушетки. В тот же миг откуда-то снизу раздались громкие крики Сэма Баханнона:

— Пожар! Конюшня горит!

Из окна я видела, как в отблесках пожара Сэм мечется по дороге. В следующий момент к нему присоединился Хэлси. Алекс проснулся и сбежал по лестнице вниз, а через пять минут после обнаружения пожара три служанки уже сидели на сундуках посреди лужайки на безопасном расстоянии от дома, хотя огонь полыхал в доброй сотне ярдов от него.

Гертруда, редко терявшая присутствие духа, побежала к телефону, но к тому времени, когда машина с добровольной пожарной командой Казановы вползла на холм, конюшня превратилась в пылающую печь, а автомобиль Хэлси, невредимый, но слегка опаленный, стоял посреди дороги. Несколько канистр бензина взорвались, едва пожарники успели приступить к работе, каковое обстоятельство потрясло их не меньше, чем сам факт пожара. Конюшня, полыхавшая на вершине холма, словно факел, была прекрасно видна со всех сторон. По деревне мгновенно пролетел слух, что горит Саннисайд, и множество наспех одетых людей стекались к особняку. Насколько я поняла, пожары в Казанове случались крайне редко, и происшествие

в Саннисайде так или иначе являлось поводом для сильнейшего возбуждения на много лет вперед.

Конюшня находилась с правой стороны здания, в отделении от восточного крыла. Не знаю как, я вспомнила о винтовой лестнице и оставшейся без охраны двери у ее основания. Лидди увязывала мои вещи в простыни, явно готовясь выбрасывать тюки в окно, когда я нашла ее и с трудом уговорила остановиться.

— Я хочу, чтобы ты пошла со мной, — сказала я. — Возьми свечу и пару одеял.

Лидди плелась на значительном расстоянии позади меня и, поняв, куда я направляюсь, резко затормозила на площадке винтовой лестницы.

— Я туда не пойду, — твердо заявила она.

— Но восточная дверь осталась без присмотра, — объяснила я. — Кто знает, может, конюшню подожгли специально, чтобы выманить всех из левого крыла и впустить тем временем в дом злоумышленников?

Едва я успела произнести эти слова, как тут же почувствовала твердую уверенность в том, что так оно и есть и что, возможно, мы уже опоздали. Я напряженно прислушалась, и мне послышались осторожные шаги на восточной террасе. Впрочем, я могла и ошибаться, поскольку на улице было слишком шумно. Лидди приготовилась к отступлению.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда я спущусь одна. А ты сбегай в комнату мистера Хэлси и возьми револьвер. Но не открывай пальбу, если услышишь шум на лестнице. Помни... здесь буду я. И поторопись.

Я поставила свечу на пол, сняла комнатные тапочки и крадучись начала спускаться по лестнице, напряженно вглядываясь и вслушиваясь в темноту. Я была настолько возбуждена, что совершенно не боялась. Подобно приговоренному, который в состоянии есть, пить и спать накануне казни, я потеряла способность испытывать страх. Эту студию я уже миновала. Прямо у подножия лестницы я ударилась ногой об огромное кресло Хэлси и, с трудом сдержав крик, некоторое время стояла на одной ноге, пока острая боль не притупилась немного. Потом я поняла, что подозрения мои оправдались. Кто-то вставил ключ в замок наружной двери и попытался повернуть его. По какой-то причине ключ заклинило в скважине, и стоящему за дверью человеку пришлось вынуть его из замка. До меня донеслись приглушенные голоса. В моем распоряжении оставались считанные секунды. Со следующей попытки дверь откроет-

ся. От оставленной на верхней площадке свечи в черный колодец винтовой лестницы падал слабый желтоватый отблеск. План действий пришел мне в голову в тот же миг, и ни секундой позже.

Тяжелое дубовое кресло занимало почти все пространство между баласиной перил и дверью. Я с грохотом опрокинула его на пол, развернув ножками к лестнице, и втиснула между дверью и нижней ступенькой. При грохоте падения кресла из темноты послышался слабый вскрик, и Лидди сбежала по лестнице, держа револьвер перед собой в вытянутой руке.

— Слава богу,— сказала она дрожащим голосом.— Я думала, это вы упали.

Я указала на дверь, и Лидди все поняла.

— Позови Хэлси и Алекса из окна в противоположном конце дома,— прошептала я.— Бегом. И пусть поторопятся.

Лидди понеслась по лестнице, прыгая через две ступеньки. Очевидно, она пришла в столкновение со свечой, ибо свет внезапно погас и я осталась в полной темноте.

Я была действительно на удивление спокойна. Помню, я перешагнула через кресло и прижалась ухом к двери. Никогда не забуду ощущения, которое я испытала, когда она подалась на дюйм-другой под сильным натиском неизвестных. Но кресло выдержало, хотя одна из ножек его зловеще затрещала. Затем совершенно внезапно окно в рабочем кабинете со звоном разлетелось вдребезги. Палец мой лежал на спусковом крючке револьвера, и когда я вздрогнула, револьвер выстрелил прямо в дверь. С улицы до меня донеслось грязное ругательство, и впервые я смогла отчетливо разобрать несколько слов:

— Только царапина... Мужчины у другого конца дома... Сейчас вся крысиная стая принесется сюда...— И еще множество богомерзких слов и выражений, которые я не хочу приводить здесь. Теперь голоса доносились от разбитого окна, и хотя меня сильно трясло, я решила сдерживать натиск врага до прибытия подкрепления. Я поднялась на несколько ступенек винтовой лестницы, чтобы видеть окно рабочего кабинета, и увидела, как невысокий человек перекинул ногу через подоконник и ступил в комнату. На несколько секунд он замешкался, запутавшись в занавеске, а потом повернулся, но не в мою сторону, а в сторону бильярдной. Я снова выстрелила. Послышался звон разбитого стекла или фарфора. Потом я бросилась наверх по

ступенькам и понеслась по коридору к главной лестнице. Там стояла Гертруда, пытаясь определить, откуда доносятся выстрелы. Должно быть, я — в бигудях, босиком, с развевающимися полами халата и зажатым в руке револьвером — являла собой странное зрелище. Времени на объяснения у меня не было. Внизу послышались шаги, и кто-то запрыгал вверх по ступенькам.

Думаю, в тот момент я превратилась в берсеркера. Я перегнулась через перила и снова выстрелила.

Из темноты раздался вопль Хэлси.

— Эй! Что вы делаете там, наверху? Вы промахнулись на какой-нибудь дюйм!

Тогда я почувствовала внезапную слабость и потеряла сознание. Когда я очнулась, Лидди растирала мне виски одеколоном, а поиски неизвестных велись полным ходом.

Но они уже скрылись. Конюшня сгорела дотла под оживленный гул толпы, который усиливался, когда падала очередная балка и пожарники из добровольной команды обильно поливали ее из пожарного шланга. Алекс и Хэлси тщательно обыскивали весь первый этаж, но никого не нашли.

Разбитое окно и перевернутое кресло подтверждали правдивость моей истории. Наверху неизвестный едва ли мог скрываться. По главной лестнице он не поднимался, из восточного крыла попасть на верхний этаж не представлялось возможным, а в западном крыле, прямо у служебной лестницы у окна стояла Лидди. Но мы не легли спать. Сэм Боханон и Уорнер помогали обыскивать дом и обшарили все до последнего чулана. Они осмотрели даже подвалы. Безрезультатно. В восточной двери осталось отверстие от пущенной мной пули. Пуля вошла в пол террасы, красноватые пятна на котором указывали на эффективность произведенного мною выстрела.

— Кто-то будет хромать,— заметил Хэлси, прикинув траекторию движения пули.— Пуля шла низко и могла попасть лишь в ногу или в ступню.

С того времени я начала пристально следить за всеми встречными на предмет хромоты, и по сей день человек, припадающий на одну ногу, не кажется мне вполне заслуживающим доверия. Однако в Казанове хромых не было, а наиболее подходящим объектом для подозрений являлся старик, который присматривал за железнодорожным шлагбаумом, но из расспросов я выяснила, что у него искусственные ноги. Наш гость бесследно исчез, а дорогостоящая конюшня Саннисайда превратилась в кучу дымящихся бре-

вен и обугленных досок. Уорнер клялся, что конюшню подожгли злоумышленники, и в связи с попыткой проникновения в дом сомневаться в этом не приходилось.

ФЛИНДЕРС

Если бы Хэлси полностью доверился мне с самого начала, все загадки разрешились бы значительно раньше. Если бы он все рассказал мне о Джоне Бэйли и на следующий день после пожара поделился бы со мной своими подозрениями, то для всех нас не было бы мучительного периода тревоги за находящегося в опасности мальчика. Но молодые люди пренебрегают опытом старших, и именно старшим приходится страдать из-за этого.

Утром я проснулась совершенно разбитой, и Гертруда настояла на основательной прогулке. Наша машина временно выбыла из строя, а саннисайдских лошадей хозяева на лето отправили на ферму. Однако Гертруде удалось раздобыть рессорную двухколку на платной конюшне Казановы, и мы выехали. Сворачивая на проселочную дорогу, мы увидели на обочине женщину. Она поставила на землю маленький чемоданчик и теперь внимательно разглядывала дом на холме. Едва ли я обратила бы внимание на прохожую, если бы не ее обезображенное оспой лицо.

— Уф! — сказала Гертруда, когда мы проехали мимо. — Ну и лицо! Оно будет мне сниться сегодня ночью. Живей, Флиндерс!

— Флиндерс? — переспросила я. — Это кличка лошади?

— Да, — Гертруда легко щелкнула кнутом по стрижено-ной гриве. — Она не похожа на лошадь из платной конюшни. Хозяин говорил, что приобрел ее у Армстронгов, когда те купили пару машин и сократили расходы на содержание своей конюшни. Умница Флиндерс, хорошая лошадка!

Имя Флиндерс, конечно, нечасто встречается среди коней. Но мальчуган в Ричфилде назвал свою гарцувшую кудрявую лошадку именно Флиндерсом! Это обстоятельство заставило меня задуматься.

По моей просьбе Хэлси уже известил о пожаре страхового агента. Кроме того, он позвонил мистеру Джемисону и осторожно сообщил ему о событиях предыдущей ночи. Следователь пообещал приехать в Саннисайд вечером и привезти с собой еще одного человека. Я не сочла нужным уведомлять о случившемся миссис Армстронг. Она, безус-

ловно, уже знала о пожаре, а из-за моего отказа покинуть Саннисайд разговор с ней не обещал быть приятным. Но когда мы проезжали мимо бело-зеленого домика доктора Уокера, мне в голову пришла одна мысль.

— Останови-ка, — сказала я. — Я хочу здесь выйти.

— Хочешь повидаться с Луизой?

— Нет. Хочу задать один вопрос Уокеру.

Гертруда явно удивилась, но не стала ничего спрашивать. Я прошла по дорожке к дому и вошла в дверь с медной табличкой, оповещающей о роде занятых хозяина. Приемная была пуста, но из кабинета доносились два голоса, отнюдь не дружелюбных.

— Это же безумная сумма! — возмущенно вскричал кто-то. Затем послышался спокойный голос доктора, который не спорил, но просто утверждал что-то. Но у меня не было времени слушать, как какой-то пациент выражает свое недовольство предъявленным ему счетом, поэтому я кашлянула. Голоса тут же стихли, и где-то хлопнула дверь. Потом в приемную вышел доктор и заметно удивился, увидев меня.

— Добрый день, доктор, — официально сказала я. — Я не отвлеку вас надолго от вашего пациента. Я просто хочу задать вам один вопрос.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

— Это не обязательно. Доктор, сегодня утром или днем к вам никто не обращался с пулеменным ранением ноги?

— Ничего столь выдающегося сегодня не случалось, — ответил он. — Пулемое ранение! Похоже, жизнь в Саннисайде бурлит!

— Я не сказала, что это произошло в Саннисайде. Но раз уж так — то да, именно там. Если к вам обратится кто-нибудь с огнестрельным ранением, не будете ли вы любезны уведомить меня об этом?

— Буду безмерно счастлив ус служить вам, — поклонился доктор. — Насколько я понял, у вас там был и пожар тоже. Пожар и стрельба в течение одной ночи — это несколько пересчур для такого тихого и спокойного места, как Саннисайд.

— Тихого, как магазин по торговле паровыми котлами, — сказала я и повернулась, чтобы уйти.

— И вы по-прежнему намерены оставаться там?

— До тех пор, пока меня не сожгут.

И, уже спустившись на несколько ступеней, я внезапно обернулась.

— Доктор,— рискула я,— вы когда-нибудь слышали о ребенке по имени Люсьен Уоллес?

Лицо доктора слегка изменилось и напряглось, но он мгновенно взял себя в руки.

— Люсьен Уоллес? — переспросил он.— Нет, вряд ли. В округе живет много Уоллесов, но я не помню никакого Люсьена.

Я была уверена в противном. Люди нечасто лгут мне, а этот человек солгал без всяких сомнений. Но сейчас от Уокера ничего больше нельзя было добиться: он занял оборонительную позицию, и я покинула его дом несколько раздраженная и порядком сбитая с толку.

У доктора Стюарта нас встретили совсем иначе: сразу приняли в лоно семьи. Флиндерс стоял на привязи и щипал траву у обочины дороги. А мы с Гертрудой выпили немногого бамбукового вина и коротко рассказали о пожаре. О более серьезных событиях прошлой ночи мы не упомянули. Но когда уже собирались уезжать и все семейство вышло провожать нас на террасу, а добрый доктор отвязывал нашего скакуна от забора, я задала ему тот же вопрос, что и доктору Уокеру.

— Огнестрельное ранение? — удивился он.— Боже, чем вы там занимались в Саннисайде сегодня ночью, мисс Иннес?

— Во время пожара кто-то пытался забраться в дом, в него выстрелили и легко ранили,— пояснила я.— Пожалуйста, не говорите никому об этом. Мы хотим, чтобы об этом знало как можно меньше людей.

У нас осталась еще одна возможность выяснить хоть что-нибудь, и мы использовали ее тоже. У казановской железнодорожной станции я увидела начальника станции и спросила его, отправлялись ли поезда от Казановы между часом ночи и рассветом. Он ответил, что первый поезд отходит отсюда в шесть часов утра. Следующий вопрос требовал большей дипломатичности.

— А вы случайно не заметили среди пассажиров, сидящихся на шестичасовой поезд, какого-нибудь... слегка прихрамывающего? — спросила я.— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить. Мы пытаемся найти неизвестного, который ошивался возле Саннисайда ночью накануне пожара.

Начальник станции встрепенулся.

— Я и сам был на пожаре,— с готовностью заговорил он.— Я член добровольной пожарной команды. Это первый

крупный пожар в Казанове с той поры, как сгорел летний домик у поля для игры в гольф. Моя жена говорит мне всякий раз: «Дэйв, и зачем ты только тратишь деньги на этот шлем и обмундирование?» А прошлой ночью как поднялась тревога, как забили в колокол — я едва успел надеть пожарную форму...

— А... хромого человека не видели? — вставила Гертруда, когда начальник станции замолчал на секунду, чтобы перевести дыхание.

— Только не на станции, мэм,— сказал он.— Такой человек сегодня здесь не появлялся. Но я скажу вам, где видел хромого. Я не стал дожидаться конца пожара: у меня скорый грузовой проходит в четыре сорок пять, и мне нужно присутствовать на станции. Впрочем, на пожаре уже делать было нечего: огонь мы держали под контролем.— Гертруда взглянула на меня с улыбкой.— Поэтому я побежал вниз по склону. По дороге я обогнал людей, которые возвращались домой, а на тропинке, ведущей к местному клубу, я увидел двух мужчин. Один из них, невысокого роста, сидел на большом валуне спиной ко мне и как будто перевязывал ногу чем-то белым. Отойдя на некоторое расстояние, я обернулся. Коротышка ковылял по тропинке и — простите меня, мисс,— ругался последними словами.

— Они шли в сторону клуба? — внезапно спросила Гертруда, подаввшись вперед.

— Нет, мисс. Думаю, они шли в деревню. Я не рассматривал их особо внимательно, но я знаю в лицо каждого цыпленка и ребенка в деревне, и все знают меня. И когда эти ребята не окликнули меня — в этой форме, понимаете? — я понял, что они нездешние.

Итак, в результате целого дня расследования мы узнали следующее: кто-то был ранен в ногу пулей, выпущенной сквозь дверь. Человек этот не покидал деревню и не обращался к врачу. Кроме того, доктор Уокер знал, что такой Люсьен Уоллес, и само отрицание им этого факта указывало на то, что по крайней мере в одном направлении следствие движется по верному пути.

Самой утешительной в этой ситуации была мысль о том, что вечером в Саннисайд прибудет следователь, и, думаю, даже Гертруда была рада этому обстоятельству. По дороге домой в тот вечер я впервые за несколько дней увидала девочку в ярком солнечном свете, и меня поразил ее больной и усталый вид. Она похудела, побледнела, вся ее веселая живость исчезла без следа.

— Гертруда,— сказала я.— Я вела себя, как страшно эгоистичная старая женщина. Ты сегодня же покинешь этот ужасный дом. Энни Мортон отправляется в Шотландию на следующей неделе, и ты поедешь с ней.

К моему удивлению, девушка болезненно покраснела.

— Я не хочу в Шотландию, тетя Рэй,— сказала она.— И не хочу уезжать из Саннисайда сейчас.

— Ты теряешь здоровье и выглядишь ужасно,— решительно заявила я.— Тебе нужно переменить обстановку.

— Я не ступлю отсюда ни шагу,— ответила девочка столь же решительно. И потом добавила более веселым тоном: — Тетя Рэй! Вам с Лидди ежедневно требуется третий судья для разрешения ваших разногласий.

Возможно, я просто стала очень подозрительной, но веселость Гертруды показалась мне искусственной. Я пристально наблюдала за девочкой до самого дома, и мне крайне не понравились два алых пятна, пропустивших на ее бледных щеках. Но больше я не заводила разговора об отдыхе в Шотландии: я знала, что она никуда не поедет.

ВИЗИТ ЛУИЗЫ

Тот день нам не суждено было провести спокойно. Поднявшись наверх, я обнаружила в холле на втором этаже распластертую в кресле Элизу. Мэри Энн пыталась удушить повариху нашатырным спиртом домашнего приготовления, а Лидди растирала ей кисти. При виде этого я поняла, что привидение опять разгуливает по дому, на сей раз днем.

Обезумевшая от ужаса Элиза вцепилась в меня, как клещ, и не хотела отпускать, пока я не выслушала ее. Пожар настолько перепугал всех домашних, что я не удивилась, увидев, как Алекс и помощник садовника тащат вниз по лестнице тяжелый дорожный сундук.

— Я не хотел делать этого, мисс Иннес,— сказал Алекс.— Но испугался, что в приступе безумия она потащит его вниз сама и исцарапает все ступеньки.

Я пыталась снять шляпку и одновременно успокоить служанок:

— Так, Элиза, когда ты умоешь лицо и прекратишь голосить, зайдешь ко мне в гостиную и расскажешь, что случилось.

Лидди молча приняла вещи из моих рук. Даже спина ее выражала неодобрение.

— Что ж,— сказала я, когда молчание стало тягостным,— похоже, ситуация накаляется.

Тяжелое молчание и глубокий вздох в ответ.

— Если Элиза уедет, не знаю, где искать другую повариху.— Снова молчание.

— Вероятно, Рози неплохо готовит.— Презрительное фыркание.

— Лидди,— наконец сказала я,— только не смей отрицать, что ты переживаешь сейчас лучшие дни своей жизни. Ты же вся сияешь от восторга. Ты никогда еще не выглядела лучше. По-моему, вся эта беготня и суэта самым благотворным образом сказались на деятельности твоей вялой печени.

— Я не о себе беспокоюсь,— наконец разверзла уста Лидди.— Может, у меня и вялая печень, но я знаю одно: что-то умерло во мне, когда я увидела, как вы стоите там, у подножия лестницы, и стреляете в дверь... Я... Я больше никогда уже не буду тем человеком, каким была прежде.

— Что ж, рада это слышать. Хоть что-то к лучшему,— сказала я.

И тут вошла Элиза в сопровождении Рози и Мэри Энн. Рассказ поварихи, прерываемый рыданиями и поправками сопровождавших ее лиц, вкратце сводился к следующему: в два часа (два пятнадцать, уточнила Рози) она поднялась в свою комнату за картинкой, которую хотела показать Мэри Энн (картинкой с леди, вставила Мэри Энн). Она поднялась по служебной лестнице и прошла по коридору в свою комнату, расположенную между кладовой для хранения сундуков и недостроенным танцевальным залом. По пути ей послышался какой-то шум, словно кто-то двигал мебель, но она не испугалась, решив, что мужчины продолжают осматривать дом в поисках неизвестного. Элиза заглянула в кладовую, но никого там не увидела.

Она тихо прошла в свою комнату. Шум прекратился. Элиза опустилась на кровать, почувствовав внезапный приступ слабости — с ней часто случались обмороки (я же предупреждала вас, когда приехала, правда, Рози? — Да, мэм, она предупреждала). Повариха положила голову на подушку и...

— И вздрогнула. Отлично,— сказала я.— Продолжай.

— Когда я очнулась, мисс Иннес, я чуть не умерла от страха. Что-то вдруг ударило меня по лицу. Я вскочила и увидела маленькую дырочку в стене, из которой сыпалась штукатурка. А потом я увидела железный прут (длиной

целых два ярда, по ее оценке), который выскочил из дыры и с силой ударил по подушке. И если бы я еще спала (лежала без сознания, поправила Рози), то меня ударило бы ломом по голове и убило.

— Если бы вы слышали ее крик,— вставила Мэри Энн,— и видели ее лицо... Оно было белее наволочки, когда бедняжка, еле живая от ужаса, спустилась по лестнице.

— Несомненно, вся эта история имеет какое-то естественное объяснение,— сказала я.— Вам могло все это привидеться во время вашего «обморока». Но если рассказ ваш правдив, то отверстие в стене и железный прут подтверждают это.

На лице Элизы появилось глуповатое выражение.

— Дырка на месте, все в порядке, мисс Иннес. Но прут уже исчез, когда Мэри Энн и Рози поднялись за моим сундуком.

— Но это не все! — раздался из угла загробный голос Лидди.— Элиза сказала, что из дырки в стене на нее смотрел горящий глаз!

— Эта стена толщиной по меньшей мере в шесть дюймов,— резко заметила я.— И Элиза могла увидеть чей-то глаз только в том случае, если человек, находящийся по ту сторону стены, просунул его в дырку на палочке...

Но факт оставался фактом, и посещение комнаты Элизы подтвердило ее рассказ. Я могла насмехаться над испугом служанок, но кто-то действительно просверлил дыру между кирпичами в недоделанной стене танцзала и под конец ударил ломом с такой силой, что пробил тонкий слой штукатурки со стороны соседней комнаты и направил железный прут на кровать поварихи. Я поднялась наверх одна, и, признаюсь, результаты осмотра сильно озадачили меня. В двух или трех местах на стене виднелись неглубокие отверстия. Не менее таинственным показалось мне бесследное исчезновение инструмента, которым орудовал неизвестный.

Мне вспомнилась какая-то давно прочитанная история об озорном гноме, жившем в пространстве между двойными стенами древнего замка. И я невольно задала себе вопрос: не может ли оказаться верной моя первоначальная версия о потайном входе в некую потайную комнату; и не прячется ли в доме странный гость, который бесчинствует под покровом ночной тьмы, проковыривая дырки в стенах с целью незримо для нас следить за ходом нашего расследования?

Мэри Энн и Элиза в тот же день покинули Саннисайд, но Рози решила остаться. В пять часов вечера от станции за служанками приехала бричка, и, к моему удивлению в ней находился пассажир. Извозчик Мэтью Гайст позвал меня и гордо объяснил:

— Я привез вам повариху, мисс Иннес. Когда меня попросили приехать сюда за двумя девушками с багажом, я предположил, что у вас опять случились какие-то неприятности. А эта женщина как раз искала работу в деревне, вот я и решил доставить ее в Саннисайд.

Я уже свыкалась с истинно деревенским обычаем принимать на работу слуг без каких-либо рекомендаций и больше не требовала ни у кого письменных и абсолютно безупречных характеристик. Я, Рэчел Иннес, научилась относиться спокойно к тому, что повариха выслушивает мои распоряжения насчет меню, удобно развалившись в кресле напротив меня, и радоваться тому, что мое столовое серебро не чистят крупным песком. Поэтому в тот день я просто вела Лидди пригласить новую работницу в дом. Однако, когда она вошла в гостиную, мне стоило больших трудов не разинуть рот от изумления. Это была женщина с рябым лицом!

Она стояла несколько неловко у самой двери. Ее уверенный вид обнадеживал. Да, она умеет готовить, не особо затейливые блюда, но хорошие супы и приличный десерт. В конце концов я взяла ее на работу. Как выразился Хэлси, неважно, какое у поварихи лицо, лишь бы не грязное.

Я уже упоминала о неугомонности Хэлси. В тот день какая-то непреодолимая сила погнала его из дома с самого утра, и он появился только после завтрака. Думаю, мальчик все время надеялся встретить среди холмов гуляющую Луизу и, вероятно, даже встречал ее время от времени. Но, судя по его глубокой мрачности, их отношения с девушкой не изменились к лучшему.

Во второй половине дня Хэлси, кажется, читал. Мы с Гертрудой, как я уже говорила, уезжали, а за обедом нам бросилось в глаза смятенное состояние мальчика. Он раздражался на каждое слово, что совсем на него не похоже, нервничал, поглядывал на часы через каждые пять минут и почти ничего не ел. За столом он дважды спросил, каким поездом приезжают мистер Джемисон и другой полицейский, и его периодически посещали приступы задумчивости, в продолжение которых он ковырял вилкой мою камчатную скатерть и не слышал, когда к нему обращались.

От десерта мальчик отказался и встал из-за стола рано, сославшись на необходимость срочно повидать Алекса.

Однако Алекса Хэлси не нашел, в девятом часу выведя на дорогу машину, понесясь вниз по склону холма на скорости, слишком высокой даже для него. Вскоре после этого появился Алекс и доложил о своей готовности обойти дом и запереть на ночь все окна и двери. Без четверти девять в Саннисайде появился Сэм Боханон и заступил на ночной дежурство; а ввиду скорого прибытия двух полицейских я чувствовала себя относительно спокойно.

В половине десятого я услышала бешеный топот копыт на аллее. У парадной двери он стих, и сразу вслед за этим с террасы донеслись чьи-то торопливые шаги. Состояние наших нервов оставляло желать лучшего, и Гертруда, постоянно встревоженная в последнее время, в тот же миг оказалась у входной двери. Через секунду в гостиную влетела Луиза, запыхавшаяся и с непокрытой головой.

— Где Хэлси? — спросила она. Глаза ее из-за простого черного платья казались огромными и мрачными, и от быстрой езды бледные щеки девушки даже не порозовели.

— Он еще не вернулся, — спокойно ответила я. — П्रисядьте, дитя мое. Вы недостаточно окрепли для подобных выездов.

Думаю, она меня даже не услышала.

— Не вернулся? — переспросила Луиза, переводя взгляд на Гертруду. — А куда он поехал? Где можно найти его?

— Ради всего святого, Луиза! — взорвалась Гертруда. — Скажи нам, в чем дело. Хэлси здесь нет. Он поехал на станцию встречать мистера Джемисона. Что случилось?

— На станцию? Ты уверена?

— Да, — сказала я. — Прислушайся. Слышишь гудок паровоза?

Наш обыденный тон помог девушке немного расслабиться, и она упала в кресло.

— Возможно, я ошиблась, — с трудом проговорила Луиза. — Он... будет здесь через несколько минут... если все в порядке.

Так мы сидели, все трое, не предпринимая никаких попыток начать разговор. Мы с Гертрудой сразу поняли, что задавать Луизе какие-либо вопросы бесполезно. Молчание девушки являлось обязательной частью ее трагического образа. Мы напряженно ожидали, не послышится ли вдалеке шум мотора, когда машина свернет на саннисайдскую

дорогу и начнет подниматься по склону холма. Прошло десять минут, пятнадцать, двадцать... Я увидела, как постепенно напрягаются пальцы Луизы, сжимающие ручки кресла. Я видела, как краска медленно покидает лицо Гертруды, и почувствовала, как какая-то гигантская холодная рука сжимает мое сердце.

Прошло двадцать пять минут, и издалека донеслись знакомые звуки. Но то был не шум мотора, а легко узнаваемый грохот казановской брички. Гертруда отодвинула занавеску и взгляделась в темноту.

— Это, конечно, бричка, — с явным облегчением сказала она. — У Хэлси сломалась машина, что неудивительно, если вспомнить, на какой скорости он спускался с холма.

Казалось, прошло очень много времени, прежде чем дребезжащий экипаж остановился у дома. Луиза поднялась на ноги и уставилась на дверь, схватившись рукой за горло. Гертруда впустила в дом мистера Джемисона и какого-то коренастого человека средних лет. Мальчика с ними не было.

Когда дверь закрылась и Луиза осознала, что Хэлси не приехал, выражение лица ее изменилось: на смену напряженному ожиданию пришло сначала облегчение, сменившееся потом глубоким отчаянием. По ее лицу можно было читать, как по книге.

— А Хэлси? — бесцеремонно спросила я, игнорируя присутствие незнакомца. — Разве он не встречал вас?

— Нет, — мистер Джемисон казался удивленным. — Честно говоря, я ожидал машину, но мы добрались нормально.

— Вы вообще не видели его? — прерывающимся голосом спросила Луиза.

Мистер Джемисон сразу узнал девушку, хотя не видел ее прежде. Она не выходила из своих комнат вплоть до самого отъезда из Саннисайда.

— Нет, мисс Армстронг, — ответил он. — Я не видел его. А что случилось?

— Тогда мы должны найти его! — воскликнула Луиза. — Дорога каждая минута. Мистер Джемисон, у меня есть основания думать, что ему грозит опасность, но я не знаю, какая именно. Только... Хэлси нужно найти.

Коренастый человек до сих пор не произнес ни слова. Теперь, однако, он быстро направился к выходу.

— Я догоню извозчика и задержу его, — сказал он. — Что, джентльмен находится внизу, в деревне?

— Мистер Джемисон! — Луиза порывисто обернулась к следователю.— Я могу поехать на извозчике. Возьмите мою двуколку и летите сломя голову. Постарайтесь найти автомобиль Хэлси — его, должно быть, нетрудно отыскать. Только не теряйте ни минуты!

Новый полицейский уже вышел, и мгновение спустя Джемисон погнал лошадей вниз по склону — искры так и летели из-под копыт. Луиза стояла в дверях, глядя вслед двуколке. Обернувшись, она оказалась лицом к лицу с Гертрудой, которая с оскорблением, почти трагическим видом стояла в вестибюле.

— Ты прекрасно знаешь, что за опасность угрожает Хэлси,— обличительным тоном сказала она.— Я уверена, тебе известно все об этом ужасном деле, об этой тайне, над разгадкой которой мы отчаянно бьемся. Если с Хэлси что-нибудь случится, я никогда не прощу тебе этого.

Луиза только подняла в отчаянии руки и снова бессильно уронила их вдоль тела.

— Он дорог мне так же, как и тебе,— произнесла она убитым голосом.— Я пыталась предупредить его.

— Чепуха! — сказала я как можно более резко.— Мы наверняка поднимаем много шума из ничего. Вероятно, Хэлси просто запаздывает — он ведь всегда запаздывает, и каждую минуту мы можем услышать шум его машины на дороге.

Но мальчик так и не появился. После полутора часов тревожного ожидания Луиза тихо вышла из дома и больше не вернулась. Я поняла, что она уехала в деревню, только услышав грохот тронувшейся с места брички. В одиннадцать часов зазвонил телефон. Это был мистер Джемисон.

— Я нашел машину вашего племянника, мисс Иннес,— сообщил следователь.— Она врезалась в товарный вагон на запасной ветке за железнодорожной станцией. Нет, мистера Иннеса там не было, но, вероятно, мы скоро найдем его. Пошлите Уорнера за автомобилем.

Но они не нашли мальчика. В четыре часа следующего утра мы продолжали ждать известий от полицейских, пока Алекс дежурил у винтовой лестницы, а Сэм следил за домом с улицы.

На рассвете я, совершенно измученная, забылась тяжелым сном. Хэлси в Саннисайд не вернулся, и следователи больше не давали о себе знать.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ХЭЛСИ

Из всех печальных событий, имевших место в Саннисайде, последнее потрясло нас больше всего. К убийству и внезапной смерти Томаса мы могли относиться несколько отвлеченным образом. Но с исчезновением Хэлси все переменилось. Наш маленький семейный круг, целый и невредимый до сих пор, внезапно распался. Мы перестали быть посторонними зрителями, наблюдающими за бушующими вокруг страстиами, и оказались в самой гуще событий. Конечно, тогда мне не пришло в голову высказывать вслух подобные соображения. Кажется, сознание мое было в состоянии удерживать одну-единственную мысль: с Хэлси поступили вероломно, и каждая минута промедления может оказаться роковой.

Мистер Джемисон вернулся в Саннисайд около восьми часов следующего утра, весь покрытый пылью и без шляпы. Собравшись втроем в столовой за завтраком, который никто не проглотил, мы представляли собой печальное зрелище.

За чашкой черного кофе следователь рассказал нам все, что ему удалось узнать о перемещениях Хэлси накануне вечером. До определенного момента следить за автомобилем Хэлси было довольно просто. И, как я поняла, мистер Бернс, второй полицейский, на рассвете гнался за машиной такой марки многие мили, пока не выяснил, что это туристский автомобиль, совершающий длительный пробег.

— Мистер Иннес покинул Саннисайд приблизительно в десять минут девятого,— сказал мистер Джемисон.— Он уехал один и в восемь двадцать остановился возле дома доктора Уокера. Я заходил туда около полуночи, но доктор уехал по вызову и к четырем часам утра еще не вернулся. От доктора, похоже, мистер Иннес направился пешком через луг к коттеджу, который снимают миссис Армстронг с дочерью. Миссис Армстронг уже легла спать, и молодой человек коротко переговорил с мисс Луизой. Девушка отказалась передавать содержание их разговора, но она явно догадывается, что случилось с мистером Иннесом. Затем, очевидно, ваш племянник поехал прямиком к станции. Он шел на большой скорости — машину видел полицейский на перекрестке Кэрол-стрит. Где-то на неосвещенном участке дороги между Кэрол-стрит и депо мистер Иннес резко свернул в сторону, вероятно, увидев перед машиной человека на проезжей части, и на полной скорости врезался в грузовой вагон.

— Должно быть, при столкновении его выбросило под поезд,— дрожащим голосом предположила я.

Гертруда содрогнулась.

— Мы осмотрели каждый дюйм колеи и не обнаружили ни следа.

— Но ведь он не мог исчезнуть! — вскричала я.— Разве там не остались какие-нибудь следы на грязи... Чего-нибудь?

— Там нет грязи — только пыль. Дождя давно не было. А дорожка там посыпана гравием. Мисс Иннес, в свете всего происшедшего я склонен предполагать, что ваш племянник подвергся нападению. Но вряд ли он убит.— Услышав это слово, я невольно съежилась.— Бернс вернулся в деревню и работает по показаниям, полученным от ночного дежурного в аптеке. К полудню сюда прибудут еще два человека, и городское управление полиции тоже включилось в розыск.

— А ручей? — спросила Гертруда.

— Ручей сейчас мелкий. Будь он вздутым от дождей — тогда другое дело. А теперь, мисс Иннес,— продолжал следователь, оборачиваясь ко мне,— я хочу задать вам несколько вопросов. Были ли у мистера Хэлси какие-нибудь причины покинуть Саннисайд вот так, без всякого предупреждения?

— Абсолютно никаких.

— Но он уже уезжал однажды таким образом,— настаивал следователь.

— Тогда он не оставлял свой автомобиль разбитым возле товарного состава.

— Да, но он оставил его в ремонтной мастерской довольно далеко отсюда. Вы не знаете, есть ли у мистера Иннеса враги? Кто-нибудь, кто хочет убрать его с пути?

— Насколько мне известно, нет. Разве что... Нет, никого не могу припомнить.

— Была ли у мистера Хэлси привычка носить с собой деньги?

— Нет, у него никогда не было при себе больше, чем требуется на текущие расходы.

Мистер Джемисон встал и принял расхаживать взад-вперед по столовой.

— Тогда, полагаю, мы найдем верный ответ методом исключения. На побег это не похоже. Если он был ранен, то почему мы не нашли никаких следов крови? Это выглядит почти как похищение. Этот молодой доктор Уокер... Вы

можете предположить, зачем мистеру Иннесу понадобилось заходить к нему поздно вечером?

— Совершенно непонятно,— задумчиво проговорила Гертруда.— Едва ли брат знаком с доктором Уокером, и... при существующем положении дел отношения их не могут быть теплыми.

Мистер Джемисон навострил уши и слово за слово вытянул из нас историю любви Хэлси вместе с новостью о скором замужестве Луизы.

Следователь слушал внимательно.

— В этом деле появился ряд интересных обстоятельств.— задумчиво проговорил он.— Женщина, объявившая себя матерью Люсиена, так и не вернулась за мальчиком. Ваш племянник, похоже, похищен. Была предпринята организованная попытка проникнуть в дом. Собственно, попытка увенчалась успехом, о чем свидетельствует вчерашнее происшествие с поварихой. И я узнал еще кое-что,— говоря, молодой человек старался не смотреть на Гертруду.— Мистера Бэйли нет в его квартире в апартаментах Никербокера. Какая-то китайская головоломка. Отдельные части не складываются воедино, если только... если только мистер Бэйли и ваш племянник не...

И снова Гертруда удивила меня.

— Они не вместе,— горячо сказала она.— Я... знаю, где находится мистер Бэйли. Моего брата с ним нет.

Детектив повернулся и пристально взглянул на нее.

— Мисс Гертруда,— сказал он,— если бы только вы и мисс Луиза рассказали мне все, что знаете и подозреваете, я мог бы действовать гораздо успешнее. Я сумел бы найти вашего брата и... э-э... сделать еще многое для следствия.

Но Гертруда выдержала его взгляд.

— Ничего из известного мне не поможет вам найти Хэлси,— упрямо сказала она.— О его исчезновении я знаю не больше вас и могу сказать единственное: я не верю доктору Уокеру. Думаю, он ненавидит моего брата и с удовольствием избавился бы от него при случае.

— Возможно, вы правы. Собственно говоря, подобная мысль приходила в голову и мне. Но доктор Уокер поздно ночью отправился по срочному вызову в Саммитвиль, где и находится до сих пор. Бернс разыскал его там. Мы осторожно навели справки в клубе «Гринвуд» и в деревне и выяснили следующее. На насыпи за железной дорогой, недалеко от того места, где мы нашли машину, стоит маленький домишко. Там живут старуха с хромой дочерью. По их

словам, ночью они отчетливо слышали грохот удара машины о вагон и вышли к забору посмотреть, что случилось. Автомобиль стоял у железной дороги. Они увидели его задние огни и решили, что водитель пострадал при столкновении. Было очень темно, но они разглядели две темные фигуры возле машины. Женщин разобрало любопытство, и, отойдя от забора обратно к дому, они стали спускаться окружной тропинкой к железной дороге. Когда они добрались до места происшествия, машина по-прежнему стояла у вагона, с разбитыми фарами и помятым капотом. Но никого поблизости не было.

Затем следователь незамедлительно покинул Санисайд, а нам с Гертрудой осталось только терпеливо ждать, как и положено женщинам. К ленчу никаких новостей от Джимсона не поступило, и в полном отчаяния я отправилась наконец наверх, в спальню, не в силах более выносить полный ужаса взгляд Гертруды.

Лидди сидела в моей гардеробной с подозрительно красными глазами и вшивала правый рукав в левую пройму моей новой блузки. Я была слишком измучена, чтобы ругаться.

— Как называлась наша новая кухарка? — осведомилась Лидди, яростно выпарывая залезший не на свое место рукав.

— Блесс. Мэтью Блесс, — ответила я.

— Блесс. М. Б. А на ее сундуке стоят совершенно другие инициалы: Н. Ф. К.

Новая кухарка и ее инициалы меня совершенно не интересовали. Я надела шляпку и послала за тем, что содержатель платной конюшни в Казанове называл «шикарным выездом». Выбрав однажды тактику боя, я никогда не отступаю. Правил лошадью Уорнер. Он делал это с нескрываемым отвращением и сидел на козлах так, как сидел бы за рулем автомобиля: левой ногой беспокойно искал педаль сцепления и правым локтем пытался нажать на воображаемый клаксон всякий раз, когда на проезжей части перед нами показывалась собака.

Уорнера явно занимала какая-то мысль, и, когда мы свернули на проселочную дорогу, он облек ее в звук.

— Мисс Иннес, — сказал паренек, — Я случайно слышал вчера обрывок одного разговора, который показался мне непонятным. Но разговор меня не касался и понимать его было не мое дело. Но я думал весь день и решил все-таки рассказать вам. Вчера во второй половине дня, когда

вы с мисс Гертрудой уехали, я привел машину в относительный порядок и пошел в библиотеку, чтобы позвать мистера Иннеса посмотреть на нее. Я вошел в гостиную и на полупути к библиотеке услышал голос мистера Иннеса. Похоже, он ходил взад-вперед по комнате и, клянусь вам, был в ярости.

— Что он говорил?

— Первое, что я услышал, извините, мисс Иннес, но он сказал: «Гнусный мошенник, сначала я увижу его...» Да, он сказал, в ад, мисс Иннес. Именно так: «Сначала я увижу его в ад». Потом раздался еще один голос — женский. Женщина сказала: «Я предупреждала их, но они подумали, что я испугаюсь».

— Женщина! Надеюсь, ты дождался конца разговора, чтобы посмотреть, кто это?

— Я не собирался шпионить, мисс Иннес, — с достоинством ответил Уорнер. — Но следующие слова привлекли мое внимание. Женщина сказала: «Я сразу поняла, что что-то здесь нечисто. Сегодня человеку нездоровится, а завтра он умирает без всякой на то причины». Я решил, что она имеет в виду Томаса.

— И ты не узнал, кто находился с Хэлси в библиотеке! — воскликнула я. — Уорнер, у тебя в руках был ключ ко всей этой тайне, и ты не воспользовался им!

Однако теперь уже ничего нельзя было поделать. Я решила по возвращении домой подробно расспросить всех слуг, а сейчас принялась обдумывать следующий свой шаг. Он заключался ни больше ни меньше, как в визите к Луизе Армстронг и попытке вытянуть из нее все, что она знает или подозревает насчет исчезновения Хэлси. Но и здесь, как и везде, меня ждала неудача.

На звонок дверь открыла опрятная служанка. При виде меня она недвусмысленно загородила телом дверной проем, и пройти мимо нее, сохранив чувство собственного достоинства, не представлялось возможным.

— Мисс Армстронг очень больна и никого не принимает, — сказала служанка.

Я ей не поверила.

— А миссис Армстронг тоже очень больна?

— Она находится рядом с мисс Луизой, и ее нельзя беспокоить.

— Передайте миссис Армстронг, что ее хочет видеть мисс Иннес по крайне важному делу.

— Это бесполезно, мисс Иннес. Мне даны совершенно определенные инструкции.

В этот момент на лестнице послышались тяжелые шаги. За плечом служанки я увидела знакомую копну седых волос и через секунду оказалась лицом к лицу с доктором Стюартом. Он был очень серьезен, и его обычная веселость производила впечатление несколько натянутой.

— Вас-то я и хочу видеть,— просто сказал он.— Отшлите вашу двуколку и позвольте мне подвезти вас до дома. Что случилось с вашим племянником, мисс Иннес?

— Он исчез, доктор. И не просто исчез. Некоторые обстоятельства указывают на то, что он похищен или...— я не смогла договорить. Доктор молча помог мне влезть в его вместительную коляску и не произнес ни слова, пока мы не отъехали от коттеджа Армстронгов на значительное расстояние. Потом он повернулся и внимательно взглянул на меня.

— А теперь расскажите мне все по порядку.

Он слушал меня, не перебивая.

— И вы полагаете, Луиза что-то знает? — спросил доктор, когда я закончила.— Я лично в этом не... Точнее, я в этом просто уверен. Лучшим доказательством этому является то, что девушка спрашивала меня, нет ли каких-либо известий от Хэлси или о нем. Она не пускает в комнату Уокера и взяла с меня обещание увидеться с вами и передать вам следующее: не прекращайте поиски. Найдите его как можно скорее. Он жив.

— Что ж,— сказала я,— если Луиза знает это, значит, знает и большее. Она очень жестокая и неблагодарная девушка.

— Она очень больная девушка,— серьезно ответил доктор.— Ни вы, ни я не можем судить ее, пока не узнаем все об этой истории. Но они с матерью превратились в бледные тени самих себя. Все это — две неожиданные смерти, ограбление банка, попытки проникновения в Саннисайд и исчезновение Хэлси — покрыто тайной, которая, помните мои слова, раскроется однажды. И когда это случится, жертвой станет Луиза Армстронг.

Я не смотрела по сторонам, но случайно увидела, что мы едем вдоль железной дороги. Заметив кучку людей возле колеи, я догадалась, что именно здесь нашли машину Хэлси. Однако товарного состава уже не было, и ничего не говорило о ночном происшествии, кроме нескольких щепок на земле.

— А где состав, в который врезалась машина? — спросил доктор у одного из зевак.

— Он ушел на рассвете.

Больше здесь ничего не удалось узнать. Человек показал нам домик на насыпи, где жили старуха и ее дочь, слышавшие грохот столкновения и видевшие две фигуры у разбитой машины. Потом мы медленно поехали в Саннисайд. Я попросила доктора высадить меня у ворот и пошла к дому пешком — мимо сторожки, где мы нашли Луизу, а позже бедного Томаса; вверх по склону холма, мимо того места, где я видела следящего за сторожкой человека и где позже Рози встретила какого-то неизвестного; мимо восточного крыла здания, где совсем недавно была предпринята самая дерзкая попытка проникновения в дом и где две недели назад ночью мы с Лидди видели незнакомую женщину. Недалеко от западного крыла Саннисайда лежали обгорелые развалины конюшни. Я сама чувствовала себя развалиной, когда остановилась на миг на широкой террасе перед тем, как войти в дом.

В мое отсутствие в Саннисайд прибыли два частных сыщика, и я с облегчением переложила ответственность за дом и поместье на их плечи. Мистер Джемисон, сообщили они, бросил все силы на поиски пропавшего Хэлси, и к этому времени отряды полицейских прочесывали округу во всех направлениях.

Штат прислуго опять сократился в тот вечер. Лидди поджидала меня с известием о том, что новая повариха уехала со всем своим багажом, не дождавшись расчета. Никто из домашних не впускал в дом таинственную посетительницу, о которой говорил Уорнер. Возможно, это сделала исчезнувшая повариха. Я снова ходила по замкнутому кругу.

КТО ТАКАЯ НИНА КАРРИНГТОН?

Следующие четыре дня — от субботы до вторника — мы жили (вернее, существовали) в самом ужасном состоянии тревожного ожидания. Мы ели только, когда Лидди появлялась в комнате с подносом, и то очень мало. Газеты, конечно, вцепились в эту историю, и Саннисайд осаждали журналисты. У следствия регулярно появлялись ложные нити, вспыхивали и вновь гасли надежды. В радиусе ста миль были проверены все морги и больницы — но безрезультатно.

Мистер Джемисон лично руководил организованными

поисками и каждый вечер, независимо от того, где находился в данный момент, звонил нам по междугородному телефону. И каждый раз мы слышали одни и те же слова: «Сегодня ничего нового. У следствия появилась новая нить. Будем надеяться, что завтра повезет больше». Подавленные, мы вешали трубку и снова садились в кресла ждать следующего звонка.

Мы совершенно ничем не могли заниматься. Лидди рыдала все дни напролет и, зная, что я не выношу слез, громко сморкалась в углу.

— Ради всего святого, улыбнись! — рявкнула я на нее. Но при виде вымученного жуткого оскала на лице с распухшим носом и красными глазами со мной случилась истерика. Я смеялась и плакала одновременно, и очень скоро мы, как две старые дуры, сидели, обнявшись, и сморкались в один носовой платок.

Какие-то события происходили постоянно, но они впечатляли мало или вовсе не впечатляли. Из госпиталя для бедных позвонили доктору Стюарту и сообщили, что миссис Уотсон находится в критическом состоянии. Так же я поняла, что миссис Армстронг предприняла шаги для решения вопроса о моем выезде из Саннисайда через суд. Луиза была уже вне опасности, но по-прежнему очень больна, и профессиональная сиделка стерегла ее, как Горгона. Из мясной лавки Лидди принесла слух о том, что свадьба Луизы и доктора уже состоялась. Эта новость заставила меня действовать — впервые за долгое время.

Итак, во вторник я велела подать машину и подготовилась выехать в деревню. Стоя в ожидании у ворот, я обратила внимание на помощника садовника, безобидного седоволосого человека, который подстригал кусты возле дома. За ним наблюдал один из саннисайдских сыщиков, сидевший на бричке. Завидев меня, он встал и приблизился.

— Мисс Иннес, — спросил он, снимая шляпу, — вы не знаете, где находится Алекс, садовник?

— Нет. Разве его здесь нет?

— Он ушел из Саннисайда вчера во второй половине дня и с тех пор не появлялся. Вы давно нанияли его?

— Только две недели назад.

— Он хороший работник? Толковый?

— Не знаю, — нерешительно сказала я. — Деревья и кусты вроде выглядят нормально. А я мало понимаю в садоводстве. Я больше разбираюсь в розовых букетах, чем в розовых кустах.

— Этот человек, — сыщик указал на помощника садовника, — утверждает, что Алекс вовсе не садовник. И что он ничего не смыслит в растениеводстве.

— Очень странно, — я напряженно размышляла. — Но он перешел ко мне от Брейсов, которые сейчас в Европе.

— Вот именно, — сыщик улыбнулся. — Не всякий человек, умеющий подстригать газоны, является садовником, мисс Иннес. Сейчас мы должны видеть в каждом из обитателей Саннисайда мошенника, пока он не докажет обратное.

Тут подъехал Уорнер, и разговор прекратился. Но когда я садилась в машину, сыщик осторожно добавил:

— И ни слова Алексу, если он вернется.

Сначала я направилась к доктору Уокеру. Мне надоело ходить вокруг да около, и я чувствовала, что ключ к исчезновению Хэлси вопреки всем теориям нужно искать здесь, в Казанове.

Доктор был дома. Он сразу же вышел навстречу мне из дверей приемной и не стал на сей раз изображать обычную благорасположенность.

— Входите, пожалуйста, — резко сказал он.

— Пожалуй, я останусь здесь, доктор.

Мне не понравились ни его лицо, ни его тон. И первое, и второе слегка изменились. Молодой человек, сбросив маску дружелюбия, выглядел усталым и измученным.

— Доктор Уокер, — начала я. — Я хочу задать вам несколько вопросов и надеюсь получить ответы. Как вы знаете, моего племянника еще не нашли.

— Да, я слышал. — Холодно.

— Думаю, вы непременно помогли бы нам, если бы смогли, и отсюда вытекает один из моих вопросов. Не скажете ли вы, какого рода разговор имели вы с Хэлси в ту ночь, когда на него напали и похитили?

— Напали! Похитили! — повторил молодой человек с притворным изумлением. — Но послушайте, мисс Иннес, вам не кажется, что вы несколько преувеличиваете? Насколько я понимаю, мистер Иннес не впервые... э-э... исчезает.

— Вы уклоняетесь от ответа, доктор. Это вопрос жизни и смерти. Вы ответите мне?

— Конечно. Он пожаловался на расстроенные нервы, и я выписал ему рецепт успокоительного. Я нарушаю профессиональную этику, говоря вам даже это.

Я не могла прямо обвинить его во лжи. Но, полагаю,

на лице моем выразились все обуревавшие меня чувства. Тогда я решила выстрелить наудачу.

— Вероятно,— проговорила я, не сводя глаз с Уокера,— разговор касался... Нины Каррингтон.

В какое-то мгновение мне показалось, что он ударит меня. Лицо его приобрело серовато-синий оттенок, и маленькая жилка вздулась и бешено запульсировала на его виске. Потом доктор вымученно усмехнулся.

— Кто такая Нина Каррингтон? — спросил он.

— Именно это я и собираюсь выяснить,— ответила я, и Уокер сразу успокоился. Было нетрудно догадаться, что он боялся Нины Каррингтон больше, чем самого дьявола. Прощание наше не заняло много времени: собственно, мы просто несколько мгновений пристально смотрели друг на друга через стол, заваленный прошлогодними журналами, потом я повернулась и вышла.

— В Ричфилд,— приказала я Уорнеру и всю дорогу со средоточенно думала.

Нина Каррингтон, Нина Каррингтон — слышалось в шелесте автомобильных шин. Нина Каррингтон, Нина Каррингтон. Потом меня осенило, я все поняла. Инициалы Н. К. стояли на сундуке, принадлежащем женщине с рябым лицом. Как просто все оказалось. Мэtti Блесс была на самом деле Ниной Каррингтон. Именно ее голос слышал Уорнер в библиотеке. Она что-то сказала Хэлси, что заставило его сломя голову броситься к дому доктора Уокера, а оттуда, возможно, навстречу смерти. Если мы найдем эту женщину, то скорее всего узнаем, что случилось с Хэлси.

Мы уже въезжали в Ричфилд, поэтому я не стала поворачивать. Но мысли мои были заняты уже совсем другим. Я снова переживала с Хэлси ту памятную ночь. Что сказал он Луизе? Что заставило девушку помчаться в Саннисайд, обезумевшую от страха за него? Когда машина остановилась перед коттеджем миссис Тэйт, я решила обязательно повидаться с Луизой, даже если мне придется вламываться в дом Армстронгов ночью.

Глазам моим предстала почти та же картина, что и прежде: миссис Тэйт, детская коляска на дорожке, дети возле качелей.

Миссис Тэйт пошла навстречу мне, и я заметила, что тревожное выражение покинуло ее лицо. Она казалась молодой, почти симпатичной.

— Рада снова видеть вас,— сказала женщина.— Ду-

маю, с моей стороны будет честнее все-таки отдать вам ваши деньги.

— Почему? — спросила я.— Неужели приезжала мать мальчика?

— Нет. Но приезжала какая-то леди и заплатила за него за целый месяц вперед. Она долго разговаривала с Люсьеном, но потом оказалось, что мальчик даже не знает ее имени.

— Леди молодая?

— Не очень. Около сорока, наверное. Невысокого роста, светловолосая, чуть седая и очень печальная. Она была в глубоком трауре, и мне показалось, она не собиралась задерживаться здесь. Но ребенок, Люсьен, заинтересовал ее. Леди долго разговаривала с ним и выглядела куда более счастливой, когда уходила.

— Вы уверены, что это не настоящая мать Люсьена?

— Бог с вами, нет! Она даже не знала, кто из троих — Люсьен. Я подумала, что, может, это какая-нибудь ваша подруга, но, конечно, ничего не спросила у нее.

— Она была... не рябая случайно? — рискнула я.

— Ни в коем случае. Кожа чистая, как у младенца. Но, возможно, вы узнаете ее по инициалам. Она дала Люсьену носовой платок и забыла его. Очень красивый, с черной каемочкой и с тремя вручную вышитыми буквами в угольке — Ф. Б. А.

— Нет,— твердо сказала я.— Это не моя подруга.

Инициалы Ф. Б. А., вне всяких сомнений, принадлежали Фанни Армстронг.

Попросив миссис Тэйт никому не говорить о моем визите, я направилась обратно в Саннисайд. Итак, Фанни Армстронг знала Люсьена Уоллеса и интересовалась мальчиком настолько, что приехала в Ричфилд и заплатила за его содержание.

Кто же мать мальчика и где она находится сейчас?

Кто такая Нина Каррингтон?

Знал ли кто-нибудь из них, где Хэлси или что с ним случилось?

На обратном пути мы проезжали мимо маленького кладбища, на котором покоился Томас. И я задала себе вопрос: а смог бы Томас, будь он жив, помочь нам в поисках Хэлси? Дальше по ходу пути лежало гораздо более богатое кладбище — там, в тени высокого гранитного обелиска, лежали Арнольд Армстронг и его отец. Из всех троих, думаю, искренне оплакивали только старого Томаса.

БРОДЯГА И ЗУБНАЯ БОЛЬ

Ненависть к покойному президенту Торгового банка как будто возрастала с течением времени. Он никогда не пользовался особой любовью, но теперь его имя проклинали даже те люди, которые ничего не потеряли с крахом банка, но которые преисполнились отвращения к Армстронгу, узнавая все новые и новые подробности его жизни, свидетельствующие о ненасытной жадности покойного. Торговый банк пользовался популярностью среди мелких торговцев, и в своих сберегательных отделениях он хранил самые мелкие вклады. Люди, которые считали себя финансово независимыми, лишившись внезапно своих двухсот-трехсотдолларовых сбережений, внезапно оказались на пороге богадельни. Все банкротства имеют одинаковые последствия для вкладчиков банка, однако управляющие обещали выплатить клиентам по двадцать процентов от вклада.

Но крах банка, как и все остальное, в эти дни мало занимал нас с Гертрудой. Мы не вспоминали Джона Бэйли. Я не видела причин изменять свое мнение касательно виновности кассира, и Гертруда об этом знала. В отношении же убийства Арнольда Армстронга я еще не пришла к определенному заключению. То я говорила себе: Гертруда знает или по крайней мере подозревает, что убийство совершил ее возлюбленный. То мне казалось, что убила Арнольда сама Гертруда, очутившаяся в ту ночь одна на винтовой лестнице. А то вдруг в памяти всплыvalа таинственная мать Люсъена, и моментально все соображения указывали на нее, как на возможного убийцу. Временами, конечно, я испытывала желание отнести в сторону все эти подозрения и согласиться с тем, что убийцей являлся некто нам неизвестный.

Величайшее разочарование ожидало меня в связи с поисками Нины Каррингтон. Она скрылась, не оставив никакого следа. Казалось бы, женщину с таким заметным лицом отыскать легко, но ее нигде не нашли. Сразу же по возвращении домой я описала ее внешность одному из детективов, и колесо завертелось. Но и к ночи ее не удалось обнаружить. Тогда я рассказала Гертруде о телеграмме на имя Луизы, о своем визите к доктору Уокеру и о своих предположениях насчет подлинного имени Мэтти Блесс. Однако я не рассказала Гертруде о подозрениях сыщика относительно Алекса. Мне вспомнились разные странные обстоятельства, которые прежде проходили мимо моего внимания.

Я испытывала неприятное ощущение от мысли, что, возможно, Алекс шпионил в Саннисайде, и, следовательно, взяв его на работу, я сыграла на руку противнику. Но в восемь часов вечера Алекс появился собственной персоной в сопровождении незнакомой личности отталкивающего вида. Они представляли собой странную пару, ибо Алекс выглядел почти так же непрезентабельно, как его спутник, и под глазом у молодого человека красовался синяк.

Гертруда безжизненно сидела в кресле, ожидая очередного звонка от мистера Джемисона, но когда замечательная пара бесцеремонно ввалилась в гостиную, она живо вскочила и во все глаза уставилась на вошедших. Уинтерс — сырщик, дежуривший в доме по ночам, следил за ними, ни на миг не упуская из виду пленника Алекса.

Последний был длинным субъектом, оборванным и грязным, и вид имел в данный момент испуганный и смущенный. Алекс казался слишком возбужденным, чтобы испытывать испуг или смущение.

— Мисс Иннес,— отрывисто начал он,— этот человек может сообщить нам некоторые важные сведения об исчезновении мистера Иннеса. Я поймал его за попыткой продать вот эти часы.

Алекс вынул из кармана часы и положил их на стол. Это были часы Хэлси, которые я подарила ему на совершенномолетие. Я онемела от страха.

— Он говорит, что у него была еще пара запонок, но он уже продал их...

— За полтора доллара,— вставил сомнительный тип, неотрывно глядя на сыщика.

— Он не...мертв? — спросила я.

Бродяга прочистил горло.

— Нет, мэм,— хрипло сказал он.— Конечно, ему пришлось несладко, но он уже малость очухался, когда я...— бродяга осекся и опасливо взглянул на сыщика.— Я не украл это, мистер Уинтерс,— прохныкал он.— Я нашел это на дороге, видит бог!

Мистер Уинтерс не обратил на него внимания. Он пристально наблюдал за Алексом.

— Я лучше расскажу, что он мне рассказал,— вмешался Алекс.— Так будет быстрее. Когда Джемисон... то есть мистер Джемисон позвонит, мы сможем сразу начать поиски в верном направлении. Я встретил этого человека на Пятой улице, когда он пытался продать эти часы. Он предложил мне их за три доллара.

— Откуда вам знакомы эти часы? — резко спросил мистер Уинтерс.

— Я много раз видел их прежде. Пользовался ими во время ночных дежурств у винтовой лестницы. — Ответ, казалось, удовлетворил сыщика. — Так вот, я сразу узнал эти часы и притворился, что не прочь купить их. Мы свернули в переулок, и я изъял у него товар. — Бродяга содрогнулся. Стало ясно, каким образом Алекс изъял часы у продавца. — Потом я вытряс из парня следующую историю. Он утверждает, что видел все, поскольку находился в пустом товарном вагоне — том самом, в который врезался автомобиль.

Тут подал голос бродяга и поведал свою историю. Он говорил на каком-то чудном наречии, в котором знакомые слова обретали совершенно незнакомое значение, и лишь частные пояснения Алекса и Уинтерса сделали его рассказ доступным моему пониманию.

В упомянутую ночь бродяга спал в пустом товарном вагоне, стоявшем на запасной ветке недалеко от железнодорожной станции. На рассвете состав отправлялся на Запад. С машинистами бродяга ладил, и все шло нормально. Около десяти часов вечера, может, чуть раньше, его разбудил страшный удар о стенку вагона. Он попытался открыть дверь, но ее заклинило. Тогда он спрыгнул на землю с другой стороны вагона, и в этот момент услышал чей-то стон.

Многочисленные жизненные невзгоды научили его осторожности. Он скользнул за буфер вагона и незаметно выглянул оттуда. В вагон врезался автомобиль, который теперь стоял на двух колесах с погасшими фарами и горящими задними огнями. Два человека склонились над распростертым на земле телом. Потом тот, что повыше, побежал вдоль состава, выискивая пустой вагон. Он нашел его через четыре вагона и бегом вернулся обратно. Двое закинули бездыханное тело в пустой вагон, залезли туда сами и оставались там три-четыре минуты. Спрятавшись на землю, они задвинули дверь, пересекли железнодорожные пути и поднялись по насыпи, направляясь, очевидно, к деревне. Тот, что пониже, вроде хромал.

Бродяга не утратил бдительности. Он выждал еще минут десять. Какие-то две женщины спустились по тропинке к путям и осмотрели автомобиль. Когда они ушли, бродяга залез в вагон и зажег спичку. На полу в дальнем углу валялся без сознания человек с кляпом во рту и связанными руками. Оборванец не терял времени: он обыскал карманы неизвестного, нашел немного денег, пару запонок и взял их

себе. Потом он ослабил кляп (забитый в рот чертовски туго) и пошел себе восьмая, закрыв предварительно дверь вагона. На дороге рядом с рельсами он нашел часы. Потом сел на скорый товарный и через некоторое время прибыл в город. Он продал запонки, а на продаже часов попался Алексу.

На этом хладнокровный негодяй закончил свой рассказ. Я не могла понять, встревожило ли меня услышанное еще больше или несколько успокоило. В том, что бродяга видел именно Хэлси, я не усомнилась ни на мгновение. Но насколько тяжело был мальчик ранен, куда увез его состав? Эти вопросы требовали немедленного ответа. Но по крайней мере мы получили первую достоверную информацию: мой мальчик не был убит на месте. Неопределенную тревогу теперь сменил страх: Хэлси может лежать в каком-нибудь захудалом госпитале без должного ухода и медицинского обслуживания. Но даже такое положение вещей виновато мне восхитительным и желанным по сравнению с возможной ужасной правдой. Я долго не могла заснуть и обливалась холодным потом при мысли о том, что довелось пережить Хэлси в последние три дня.

Мистер Уинтерс и Алекс отпустили бродягу с предупреждением не попадаться больше им на глаза. Он определенно больше ничего не знал. А через два-три дня у нас появились основания радоваться тому, что мы отпустили его на свободу. Когда мистер Джемисон позвонил в Саннисайд тем вечером, мы сообщили ему свежие новости. Следователь сказал мне то, о чем я как-то не подумала сразу: даже имея в руках эту нить, найти Хэлси быстро полиция не сможет. За три дня вагоны товарного состава могли разъехаться в разные стороны по всей стране. Но мистер Джемисон попросил нас не терять надежды, поскольку полученная информация все-таки сильно продвинет розыск в нужном направлении. А тем временем, пока мы терзались тревогой, в Саннисайде происходили разные события.

Один день мы провели в относительном спокойствии, а вечером Лидди заболела. Услышав душераздирающие стоны, я зашла в гардеробную и обнаружила там Лидди, которая сидела, прижав бутылку с горячей водой к раздутой до безобразия правой щеке.

— Зуб болит? — осведомилась я не очень ласково. — И поделом тебе. Это в твоем-то возрасте расхаживать с обнаженным нервом в голове, когда можно просто пойти и вырвать зуб! Всю боль как рукой снимет,

— Гильотина тоже всю боль как рукой снимает,— возразила Лидди из-за бутылки с горячей водой.

Я ходила по комнатам в поисках ваты и настойки опия.

— У вас у самой зуб болел точно так же, мисс Рэчел! — прохныкала Лидди.— Доктор Бойль годами уговаривал вас вырвать его!

Настойку опия мне найти не удалось, и Лидди подняла страшный шум, когда я предложила ей карболовую кислоту — просто потому, что однажды я слишком обильно смочила карболкой вату и обожгла Лидди рот. Уверена, никакого серьезного вреда я ей не причинила: собственно, впоследствии доктор сказал, что жидкость диета в высшей степени благотворно повлияла на желудок больной. Во всяком случае ни о какой карболовой кислоте Лидди и слушать не хотела и стонами своими не давала мне заснуть. В конце концов я поднялась с постели и направилась к двери в спальню Гертруды. К моему удивлению, она оказалась закрытой.

Я вышла в коридор и зашла в ее спальню через другую дверь. Постель девочки не была разобрана, а ее пеньюар и ночная рубашка лежали, приготовленные на ночь, в гардеробной. Но самой Гертруды в спальне не было. И она еще не раздевалась!

Не помню, какие страшные мысли посещали меня, пока я стояла там. Через дверь до меня доносились стоны Лидди, время от времени переходящие в вопли, когда боль становилась сильней. Потом я автоматически взяла настойку опия и вернулась в свою спальню.

Прошло целых полчаса, прежде чем стоны Лидди стихли. Несколько раз я подходила к двери и выглядывала в коридор, но не услышала и не увидела ничего подозрительного. Наконец, когда Лидди погрузилась в сон, я осмелилась даже дойти до винтовой лестницы, но снизу до меня донеслось лишь ровное дыхание Уинтерса, ночного сторожа, который спал прямо возле наружной двери. Потом где-то в отдалении послышался стук — тот самый, который погнал Луизу вниз по лестнице в ту памятную ночь, две недели назад. Стук раздавался где-то над моей головой: сначала три или четыре коротких приглушенных удара, потом пауза, потом снова осторожный стук.

Размеренное дыхание Уинтерса действовало как-то успокаивающее. Мысль о том, что в любую минуту я могу позвать на помощь, помешала мне разбудить сыщика. Несколько мгновений я стояла неподвижно. Мне вспомнились разные нелепые вещи, которые Лидди говорила о привиде-

ниях (вообще-то обычно я не суеверна — разве что посреди ночи и в полной темноте). Сбоку от меня находилась дверь в бельевый провод. Я ничего не видела, но чувствовала это физически. Я стояла, напряженno вслушиваясь, и вдруг совсем рядом со мной раздался какой-то звук, слабый и неопределенный. Потом наступила тишина. Затем у подножия винтовой лестницы послышались слабый шорох и невнятное бормотание. И вновь тишина. Я застыла на месте, практически не дыша.

Я поняла, что не ослышалась: кто-то, крадучись, пересек площадку винтовой лестницы и в полной темноте направился ко мне. Я бессильно оперлась о стену, ноги мои подгибались. Шаги приближались, и вдруг я подумала о Гертруде. Ну, конечно же, это была Гертруда! Я вытянула вперед руку, однако ничего не нашарила в темноте. В горле у меня пересохло, но мне удалось выдавить: «Гертруда!»

— О боже! — воскликнул совсем рядом со мной мужской голос. И тогда я потеряла сознание. Помню, я начала падать, и кто-то подхватил меня. Помню ощущение страшной слабости и дурноты, и потом наступило забытье.

Очнулась я уже на рассвете. Я лежала на кровати в спальне Луизы, накрытая собственным одеялом. Нарисованный херувим глядел на меня с потолка. Чувствуя сильное головокружение, я на неверных ногах доковыляла до двери. У подножия винтовой лестницы по-прежнему крепко спал мистер Уинтерс. Еле живая, поползла я в свою спальню. Дверь в комнату Гертруды уже была открыта. Девушка спала, как усталое дитя. В гардеробной Лидди крепко обнимала бутылку с бывшей горячей водой и что-то бормотала во сне.

— Есть в природе существа, на которые нельзя надеть наручники, — невнятно проговорила она сонным голосом.

КЛОЧОК БУМАГИ

Впервые за последние двадцать лет я провела весь следующий день в постели. Лидди перепугалась до судорог и сразу после завтрака послала за доктором Стюартом. Гертруда все утро провела со мной, что-то читая мне вслух, не помню, что именно. Поглощенная своими мыслями, я слушала ее невнимательно. Если бы мистер Джемисон был в Саннисайде, я бы все рассказала ему, но мне не хотелось рассказывать совершенно незнакомым людям о том, что в

середине ночи я обнаружила пропажу своей племянницы, которая к этому времени еще и не ложилась, и что, отправившись на ее поиски, я встретила в темноте неизвестного человека, который, когда я потеряла сознание, отнес меня в ближайшую спальню и оставил там на произвол судьбы.

Ситуация была просто ужасной. Когда бы не печальные последствия, она могла бы показаться просто комичной. Вот мы живем в каменном особняке под неусыпной охраной частных сыщиков и уличного сторожа и тем не менее, несмотря на все меры предосторожности, мы с таким же успехом могли бы жить в бумажном японском домике.

И еще одно обстоятельство не давало мне покоя. Человек, которого я встретила в темноте, испугался еще больше меня. А в приглушенном голосе его мне смутно почудилось что-то знакомое. Все то утро, пока Гертруда читала вслух, а Лидди ждала приезда доктора Стюарта, я изо всех сил пыталась вспомнить, где я слышала этот голос, но безрезультатно.

И это еще было не все. Я задавала себе вопрос: какое отношение ко всему этому имеет (если вообще имеет) отсутствие Гертруды в спальне? Я пыталась убедить себя в том, что девочка услышала стук прежде меня и пошла выяснить его происхождение. Но, боюсь, я проявила малодушие в тот день: я не нашла в себе сил спросить Гертруду об этом.

Вероятно, ночной происшествие отчасти пошли мне на пользу. Оно отвлекло меня от мыслей о Хэлси. Однако день тянулся томительно, и в каждом телефонном звонке таились новые возможности развития сюжета. Вскоре после ленча в Саннисайде появился доктор Уокер и выразил желание повидаться со мной.

— Спустись вниз и встреть его,— велела я Гертруде.— Скажи ему, что меня нет дома, и ради всего святого, не проговорись о моем недомогании. Выясни, что ему надо, и сегодня же прикажи всем слугам не пускать его впередь. Я терпеть не могу этого человека.

Гертруда вернулась очень скоро, с покрасневшим лицом.

— Он пришел просить нас освободить дом,— сказала она, рывком поднимая книгу.— Говорит, что Луиза Армстронг уже поправляется и хочет вернуться в Саннисайд.

— А что ты ответила ему?

— Я сказала, что, к великому сожалению, покинуть Саннисайд мы не можем, но будем рады принять здесь Луизу. Он смотрел на меня волком. И еще он хотел узнать, не по-

рекомендуете ли вы ему Элизу в качестве кухарки. Он якобы поселил у себя пациента — человека, которого привез из города, и теперь хочет расширить штат прислуги. Во всяком случае это его слова.

— Желаю ему счастья и радости с Элизой! — ядовито сказала я.— Он спрашивал о Хэлси?

— Да. Я сказала, что прошлой ночью мы вышли на след и теперь обнаружение Хэлси — это всего лишь вопрос времени. Он сказал, что рад это слышать, хотя вид его свидетельствовал об обратном, но посоветовал не особо обольщаться надеждами.

— Я совершенно уверена, что доктор Уокер что-то знает,— сказала я.— И мальчик мог бы доставить ему крупные неприятности, если бы захотел.

В тот день произошло несколько событий, давших мне новую пищу для размышлений. Около трех часов пополудни мистер Джемисон позвонил от железнодорожной станции Казановы, и Уорнер поехал встречать его. Я поднялась, поспешно оделась и велела проводить следователя в мою спальню.

— Никаких новостей? — спросила я, когда он вошел. Мистер Джемисон попытался принять жизнерадостный вид, но безуспешно. Молодой человек казался страшно усталым и запыленным, и, хотя выглядел по обыкновению безупречно, было ясно, что он не брался по меньшей мере два дня.

— Я ненадолго, мисс Иннес,— начал следователь.— Я заехал сюда по одному делу, о котором скажу позже. А сначала позвольте мне задать вам несколько вопросов. Кто-нибудь приезжал вчера в Саннисайд чинить телефон или проверять электропроводку на крыше?

— Да,— быстро ответила я.— Только не телефон. Электрик сказал, что причиной пожара могли явиться оголенные провода. Я сама поднималась с ним наверх, но он только осмотрелся по сторонам.

— Браво! — зааплодировал следователь.— Не впускайте в дом никого, кому вы не доверяете, и не доверяйте никому. Не всякий человек, который носит резиновые перчатки, является электриком.

Больше он ничего объяснять не стал и вынул из записной книжки кусок бумажного листа, который развернул с величайшей осторожностью.

— Послушайте,— сказал мистер Джемисон.— Вы когда-то уже слышали это и тогда посмеялись надо мной.

В свете последних событий я хочу еще раз прочитать вам записку, найденную среди вещей Арнольда Армстронга. Вы умная женщина, мисс Иннес. В этом доме находится нечто, чрезвычайно интересующее определенный круг людей — это так же очевидно, как то, что я сижу перед вами. Все в этой истории начинает вставать на свои места, мисс Иннес!

Мистер Джемисон протянул мне записку, и я снова перечитала ее.

«...внеся изменения в планы... комнатах будет возможно. По-моему, лучше... план для... в одной из комнат... дымоход».

— Кажется, я поняла,— медленно проговорила я.— Кто-то ищет потайную комнату, и ночные вторжения...

— И дырки в стене...

— Свидетельствуют о ходе его...

— Или ее поисков.

— Ее? — переспросила я.

— Мисс Иннес,— следователь встал с кресла.— Я полагаю, что где-то в стенах Саннисайда спрятаны деньги Торгового банка, по крайней мере часть их. Думаю, молодой Уокер узнал об этом в Калифорнии и, потерпев неудачу в попытке вселить в Саннисайд миссис Армстронг с дочерью, попробовал проникнуть в дом сам или послал сообщника: В двух случаях, полагаю, усилия его увенчались успехом.

— В трех по меньшей мере,— поправила я мистера Джемисона и поведала ему о событиях предыдущей ночи.— Я долго думала,— сказала я в заключение,— и пришла к выводу, что мне встретился в темноте не доктор Уокер. Едва ли он смог бы проникнуть в дом, да и голос был не его.

Следователь принялся расхаживать взад-вперед по комнате, сложив руки за спиной.

— Меня смущает еще одно обстоятельство,— сказал он, останавливаясь передо мной.— Кто такая Нина Каррингтон? Если именно она явилась в Саннисайд под именем Мэтти Блесс, то что такое могла она сказать мистеру Хэлси? Отчего он помчался сломя голову сначала к доктору Уокеру, а потом к мисс Армстронг? Если бы нам удалось найти эту женщину, все сразу бы разъяснилось.

— Мистер Джемисон, вам, когда-нибудь приходило в голову, что Пол Армстронг умер не своей смертью?

— Именно этот вопрос мы собираемся выяснить в ближайшем будущем,— ответил он.

Тут вошла Гертруда и сообщила, что какой-то человек внизу желает видеть мистера Джемисона.

— Позвольте попросить вас присутствовать при нашем разговоре, мисс Иннес,— сказал следователь.— Можно Риггзу подняться сюда? Он уволился от доктора Уокера и хочет кое-что рассказать нам.

Риггз вошел в комнату неуверенно, но мистер Джемисон предложил ему чувствовать себя, как дома. Однако гость посмотрел на меня настороженно и на просьбу садиться неловко присел на краешек кресла, стоящего возле самой двери.

— Итак, Риггз,— доброжелательно начал следователь,— расскажи все, что ты знаешь, вот этой леди.

— Вы обещали никому не говорить, мистер Джемисон.— Риггз явно не доверял мне, и в обращенном на меня его взгляде не читалось никакого дружелюбия.

— Да-да. Никто тебя не тронет. Но прежде всего ты принес то, о чем мы договаривались?

Риггз вытащил из-за пазухи свернутые в трубку бумаги и протянул их мистеру Джемисону. Тот с удовлетворенной улыбкой бегло просмотрел их и передал мне.

— Планы Саннисайда,— сказал он.— Что я говорил? Итак, Риггз, мы слушаем.

— Я бы никогда не пришел к вам, мистер Джемисон,— начал Риггз,— если бы не мисс Армстронг. Когда мистер Иннес исчез и мисс Луиза заболела из-за этого, я решил, что дела зашли слишком далеко. Я и прежде оказывал доктору кое-какие услуги, о которых лучше не вспоминать, но тут меня задело за живое.

— Ты помогал доктору в этом? — спросила я, погаввшись вперед.

— Нет, мэм. Я даже не знал ничего, пока не прочитал в казановской еженедельной газете. Но я знаю, кто это сделал. Однако позвольте начать с самого начала.

Когда доктор Уокер отправился в Калифорнию с семейством Армстронгов, по городу прошел слух, что по возвращении оттуда он женится на мисс Армстронг, мы все считали дело улаженным. Потом я вдруг получил от него письмо. Уокер сообщал, что мисс Армстронг неожиданно решила уехать домой, и посыпал мне денег. Я должен был разузнать, вернулась ли она в Саннисайд, найти ее и не спускать с нее глаз до самого возвращения доктора. Я выследил девушку в сторожке и, думаю, порядком напугал вас однажды ночью на дороге, мисс Иннес.

— И Рози! — воскликнула я.

Риггз глуповато усмехнулся.

— Я только хотел убедиться, что мисс Луиза в сторожке. Рози побежала, я пытался остановить ее и сочинить какую-нибудь историю в свое оправдание, но не догнал.

— А разбитый фарфор... в корзинке?

— Ну, осколки посуды — смерть для шин автомобиля, — сказал Риггз. — Я ничего не имел против обитателей Саннисайдса, а машина вашего племянника — стоящая вещь.

Итак, история с неизвестным грабителем, встретившим Рози на темной аллее, получила объяснение.

— Ну, значит, я телеграфировал доктору и присматривал за мисс Луизой. Буквально за день-два до возвращения миссис Армстронг с телом мужа я получил второе письмо, в котором доктор приказывал мне следить, не появится ли в округе женщина с лицом, изрытым оспой. Ее звали Нина Каррингтон, и доктор здорово дергался из-за нее. В случае, если бы такая женщина вскрыла где-нибудь поблизости, мне вменялось не упускать ее ни на минуту из виду, опять-таки до возвращения доктора.

В общем, забот у меня было бы предостаточно, но рябая женщина не являлась на горизонте, а когда это случилось, доктор уже вернулся из Калифорнии.

— Риггз, — неожиданно спросила я, — а ты не залезал в этот дом через день-два после того, как я поселилась здесь?

— Нет, мисс Иннес. Я вообще первый раз в Саннисайде сегодня. Короче, эта Каррингтон не появлялась в деревне до той самой ночи, когда исчез мистер Хэлси. Она пришла к доктору поздно вечером, когда его не было дома. Она долго ждала, бегала взад-вперед по приемной и страшно завелась в конце концов: впала буквально в ярость, требовала, чтобы я нашел хозяина, обзвывала его последними словами и говорила, что ему ее не обмануть. Мол, произошло убийство, и она непременно увидит, как доктора вздернут за него.

Эта Каррингтон показалась мне малоприятной личностью, и, когда она вышла из приемной около одиннадцати часов и пошла через луг к коттеджу Армстронгов, я последовал за ней. Сначала женщина обошла дом кругом, заглядывая в окна, а потом позвонила. Дверь открылась, и ее пустили.

— И как долго она оставалась там?

— Это-то самое странное, — пылко ответил Риггз. —

Она вообще не выходила из дома в ту ночь. На рассвете я отправился спать и увидел ее только на следующий день на станции, на платформе, под белой простыней. Она попала под поезд, и вы едва узнали бы ее... Конечно, она была мертва. Думаю, эта Каррингтон провела ночь у Армстронгов. Служащий станции говорит, она переходила через пути, чтобы сесть на поезд, идущий до города — и тут экспресс ее и переехал.

— Еще один замкнутый круг! — воскликнула я. — Мы опять оказались там, откуда начали.

— Все не так уж безнадежно, мисс Иннес, — горячо сказал Риггз. — Нина Каррингтон приехала сюда из города в Калифорнию, где скончался мистер Армстронг. Почему доктор так боялся ее? Эта женщина что-то знала. Я прожил с доктором Уокером семь лет и хорошо изучил его. Этого человека напугать непросто. Думаю, это он убил мистера Армстронга на Западе, вот так-то. Что он еще сделал, я не знаю. Но он выгнал меня и едва не придушил за то, что я рассказал мистеру Джемисону о том, как мистер Иннес заходил к нему в офис в ту самую ночь и как они ругались.

— А что именно, по свидетельству Уорнера, сказала женщина мистеру Иннесу в библиотеке? — спросил меня следователь.

— «Я с самого начала подозревала, что тут что-то нечисто. Человеку сегодня нездоровится, а завтра он умирает без всякой на то причины».

Как точно все сошлось одно с другим!

КОГДА ЗИЯЮТ МОГИЛЫ

Риггз поведал нам о своей причастности к некоторым прежде непонятным происшествиям в среду. Хэлси исчез в ночь с пятницы на субботу, и с каждым днем надежд на его возвращение становилось все меньше. Мой мальчик мог лежать связанный в тысяче миль от Казановы, в запертом вагоне, без воды и пищи. Мне доводилось слышать о случаях, когда тела находили в запертых товарных вагонах на заброшенных боковых ветках, поэтому настроение мое падало с каждым днем.

Нашелся Хэлси почти столь же неожиданно, как и пропал, а помог отыскать мальчика тот самый бродяга, которого Алекс привозил в Саннисайд. Похоже, парень был благодарен нам за то, что мы отпустили его. Поэтому, узнав

о местонахождении Хэлси от другого члена вольного братства (ибо это действительно братство), он моментально известил нас.

В среду вечером мистер Джемисон после безуспешной попытки повидаться с Луизой Армстронг направился в Саннисайд. У ворот поместья его поджидал субъект, столь же оборванный и малопривлекательный на вид, как и знакомый Алекса. Человек этот протянул следователю клочок грязной бумаги, на котором было нацарапано: «Он в городском госпитале Джонсонвилль». Оборванец, принесший записку, мог сообщить лишь следующее: этот обрывок бумаги ему передал один приятель из Джонсонвилля, который полагал, что информация представляет для нас интерес.

Снова появилась необходимость междугородного звонка. Пока мистер Джемисон разговаривал с упомянутым госпиталем, мы все взмолнико толпились возле телефона. И когда наконец нам с полной определенностью сообщили, что у них лежит именно Хэлси и жизнь его находится вне опасности, все мы начали смеяться и плакать одновременно. Помню, я поцеловала Лидди и до сих пор переживаю ужасные мгновения, смутно припоминая, что в крайнем возбуждении поцеловала и мистера Джемисона тоже.

Во всяком случае в одиннадцать часов того вечера Гертруда в сопровождении Рози отправилась в Джонсонвилль, находящийся в трехстах восьмидесяти милях от Казановы. Штат прислуки теперь сократился до моей преданной Лидди и жены помощника садовника, которая ежедневно приходила помогать нам по дому. К счастью, Уорнер и сыщики жили холостяцкой общиной в сторожке. Из уважения к Лидди они один раз в день сами мыли свои тарелки и совместными усилиями сами стряпали какие-то странные блюда. Высшим их кулинарным достижением являлось месиво, которое они употребляли на завтрак и которое весь оставшийся день вычесывали из волос и стряхивали с костюмов. Блюдо это представляло собой бекон, сухари и лук, поджаренные вместе. Поэтому в глазах мужчин буквально стояли слезы благодарности, когда мы время от времени угощали их жареной вырезкой.

Вечером после отъезда Гертруды и Рози, когда Саннисайд стал готовиться ко сну, а Уорнер занял свое место у винтовой лестницы, мистер Джемисон приступил к разговору, к которому явно приготовился заранее.

— Мисс Иннес, — сказал он, когда я уже собралась подниматься в спальню. — Как ваши нервы сегодня?

— У меня нет никаких нервов, — счастливо ответила я. — Теперь, когда Хэлси нашелся, все мои тревоги кончились.

— Я хочу спросить, — настаивал следователь, — в состоянии ли вы сегодня поучаствовать в довольно необычном мероприятии?

— Самое необычное мероприятие, какое я в силах вообразить, это спокойная, тихая ночь. Но если у вас на сегодня намечены какие-то важные дела, то я не намерена оставаться в стороне.

— Да, кое-какие дела намечены, — сказал следователь, — и вы единственная женщина, на помощь которой я могу рассчитывать. — Он взглянул на часы. — Не задавайте сейчас никаких вопросов, мисс Иннес. Наденьте уличные ботинки и темное платье и приготовьтесь ничему не удивляться.

Лидди спала сном праведника, когда я, поднявшись на верх, тихо разыскала в гардеробной свои вещи. Следователь ждал меня в вестибюле, и я с удивлением увидела рядом с ним доктора Стюарта. Они тихо переговаривались, но при моем приближении смолкли. Мы проверили замки, дали Уинтерсу новые инструкции и, погасив в вестибюле свет, вышли через парадную дверь в ночь.

Я не задавала никаких вопросов. Мужчины, безусловно, оказали мне большую честь, взяв с собой, и я хотела показать, что могу хранить молчание не хуже них. Мы пересекли луг и лесок, по пути перелезая через невысокие изгороди и ограды. Лишь однажды один из нас подал голос: доктор Стюарт выразительно выругался, когда мы наткнулись на проволочное ограждение.

Через пять минут к нам присоединился еще один человек и зашагал в ногу с доктором. Он нес на плече какой-то непонятный длинный предмет. Вчетвером мы шли еще минут двадцать, и я полностью потеряла ориентацию, просто шагала в тишине, позволяя мистеру Джемисону направлять меня в нужную сторону. Цели нашего похода я совершенно не представляла. Помню, один раз, когда я не рассчитала прыжка через канаву и оказалась чуть не по колено в воде, мне смутно подумалось: не сон ли все это и доводилось ли мне пробовать вкус настоящей жизни до этого лета? В ботинках моих при каждом шаге хлюпала вода, и я чувствовала себя совершенно счастливой. Помню даже, я прошептала на ухо мистеру Джемисону, что никогда прежде не видела таких красивых звезд и что Господь явно опло-

шал, сотворив ночи такими прекрасными, когда человек все равно спит и не может лицезреть это великолепие!

Доктор уже слегка запыхался, когда мы наконец остановились. Должна признаться, в ту минуту даже Саннисайд показался мне веселым местечком. Несколько секунд мы стояли у края лужайки, обсаженной строго подстриженными вечнозелеными деревьями. Между стволов я различила ряды белых могильных плит и возвышающиеся то там, то сям надгробные памятники и обелиски. Мы находились на казановском кладбище!

Теперь я рассмотрела и человека, присоединившегося к нам позже, и инструменты, которые он нес. То был Алекс, вооруженный двумя большими лопатами. Лышу себя надеждой, что после первого сильного удивления я держалась хладнокровно и спокойно. Мы пошли между рядами надгробий, и, хотя меня, как идущую в хвосте процессии, поначалу преследовало инстинктивное желание постоянно оглядываться через плечо, я все же пришла к заключению, что кладбище ночью практически ничем не отличается от любого другого места в провинции, где тьма полна неожиданными звуками и блужданиями неясных теней. Правда, один раз... Но мистер Джемисон сказал, что это сова, и я попыталась поверить ему.

В тени гранитного обелиска над могилой Армстронга мы остановились. Кажется, доктор хотел отослать меня назад. Я услышала его сердитый протестующий голос:

— Здесь не место женщине.

Но следователь сказал что-то о свидетелях, и доктор подошел и проверил мой пульс.

— Во всяком случае здесь вам не будет хуже, чем в этом кошмарном доме,— вздохнул он и расстелил свою куртку на ступени обелиска, чтобы я могла сесть.

Могила всегда означает некую безвозвратность. Человек, который видит, как падает земля на гроб, понимает: это конец. Неповторимый храм человеческого тела, вместе с душой, исчезает в земле, чтобы вновь распасться на атомы, из которых когда-то был возведен. Поэтому есть что-то кощунственное, что-то противоречащее вечному ходу вещей в извлечении мертвого тела из принявший его матери-земли. И тем не менее в ту ночь на казановском кладбище я сидела и наблюдала за действиями Алекса и мистера Джемисона без малейшего угрызения совести, боясь только того, что нас застукают на месте преступления.

Доктор Стюарт стоял на страже, но на кладбище никто не появлялся. Время от времени он подходил ко мне и ободряюще хлопал по плечу.

— Никогда не предполагал, что дело дойдет до этого,— один раз заметил он.— Единственно, что хорошо: меня никто не заподозрит в соучастии. Всем известно, что доктора куда более проворно укладывают людей в могилы, нежели извлекают их оттуда.

Жуткий момент наступил, когда Алекс и мистер Джемисон бросили лопаты на траву. Признаюсь, я закрыла лицо руками. Пока мужчины поднимали тяжелый гроб из могилы, я с трудом держала себя в руках и, чтобы не завизжать от страха, старалась думать о чем-нибудь постороннем: например, представляла себе встречу Гертруды с Хэлси, только бы не думать о жутком предмете, который лежал на траве прямо передо мной.

Потом я услышала тихое восклицание и почувствовала, как пальцы доктора сжали мою руку.

— А теперь, мисс Иннес,— сказал он,— вы должны подойти...

Судорожно вцепившись в доктора, я на неверных ногах подошла к гробу и заглянула в него. Серая табличка на поднятой крышке гроба свидетельствовала о том, что мы ничего не перепутали. Но мертвое лицо, освещенное фонарем, я видела впервые. Человек, который лежал перед нами, был не Полом Армстронгом!

МЕЖДУ ДВУМЯ КАМИНАМИ

Пережив ужасное потрясение, нагулявшись под звездами в мокрых башмаках и грязной юбке, я поднялась наверх, разделась без помощи Лидди и почувствовала себя совершенно обессиленной. Я долго ломала голову над тем, как мне поступить с ботинками, поскольку в доме не было уголка, куда бы Лидди не сунула свой нос. Поэтому я решила на следующее утро незаметно подняться наверх и спрятать их в дыру, проделанную «привидением» в стене кладовой.

Приняв такое решение, я сразу же заснула и во сне вновь переживала события минувшей ночи. Снова мне виделась группа людей над безмолвным телом и слышался напряженный торжествующий голос Алекса:

— Теперь они в наших руках,— сказал садовник. Толь-

ко в моем сне он повторял их снова и снова, пока они не начали звенеть в моих ушах.

Несмотря на сильное переутомление, я проснулась рано и лежала в постели, раздумывая над тем, кто же такой этот Алекс. Я больше не верила в то, что он садовник. Кто же этот человек, чье тело мы извлекли из могилы? Где находится Пол Армстронг? Вероятно, живет себе припеваючи в какой-нибудь далекой стране на украденные деньги. Знают ли Луиза и ее мать об этом позорном и жестоком обмане? Что знали Томас и миссис Уотсон? Кто такая Нина Каррингтон?

Мне казалось, на последний вопрос ответ уже получен. Каким-то образом женщина узнала о подмене и пыталась шантажировать Армстронга. История Нины Каррингтон умерла вместе с ней. Однако, очевидно, женщина все рассказала Хэлси в тот самый день, когда мы с Гертрудой отсутствовали, занятые поиском хромого человека. Понятное дело, Хэлси просто обезумел: стало ясно, что Луиза выходит замуж за доктора Уокера ради своей матери, с целью сохранить позорную тайну. Мой мальчик — такой безрассудный — сразу же отправился к Уокеру и открыто обвинил его в преступлении. Произошла бурная сцена, и Хэлси помчался на станцию, чтобы встретить мистера Джемисона и все рассказать ему. Доктор умел принимать решения и действовать стремительно. В сопровождении, очевидно, Риггза, который до ссоры с хозяином не отличался особой щепетильностью, он добрался напрямик до железнодорожной насыпи и, неожиданно появившись на проезжей части перед машиной, заставил Хэлси резко свернуть в сторону. Продолжение истории мы уже знали.

Таким образом я реконструировала события того дня и вечера. Я оказалась почти права, но не совсем.

Утром пришла телеграмма от Гертруды: «Хэлси пришел в сознание и поправляется. Будем дома через день-два. Гертруда».

Хэлси поправлялся, следствие сдвинулось наконец-то с мертвоточки, поэтому я вступила в следующий день, четверг, со свежими силами. Как выразился мистер Джемисон, все в этой истории становилось на свои места! Никто не знал пока, что под занавес я еще окажусь в ловушке и едва не распрощаюсь с жизнью.

Я поднялась с постели поздно. Я долго лежала, разглядывая поочередно все четыре стены своей спальни и пытаясь определить, за какой из них может находиться потай-

ная комната. Конечно, при свете дня Саннисайд заслуживал свое название. Никогда не доводилось мне видеть дома более веселого, гостеприимного и менее зловещего на вид. Казалось, здесь нет уголка, спрятанного от постороннего глаза, и тем не менее я твердо верила, что где-то за стенами, оклеенными красивыми обоями, скрыта потайная комната со всеми вытекающими из этого факта возможностями.

Я решила в тот же день тщательно обмерить весь дом и установить, нет ли где какого несоответствия в размерах между внутренними и внешними стенами, попытаясь вспомнить содержание найденной мистером Джемисоном записи.

Там упоминался дымоход. Слово это являлось единственным ключом к загадке, но в Саннисайде полно самых разных дымоходов. Например, огромный камин находился в моей гардеробной — пусть и не в спальне. И вдруг мне в голову пришла мысль, которая заставила меня резко сесть в постели. В кладовой над моей головой был открытый камин с кирпичной трубой! Однако в занимаемой мной комнате ничего подобного не было. Я встала с кровати и тщательно обследовала противоположную стену. Дымохода за ней определенно не было, как и в вестибюле под моей спальней. Как я уже упоминала, дом обогревался паровым отоплением. Большой камин имелся еще в гостиной, но та располагалась в другом крыле здания.

Почему кладовая обогревается одновременно и батареей, и камином? Архитекторам, как правило, не свойственна такая рассеянность. Не прошло и пятнадцати минут, как я уже поднялась на третий этаж, вооруженная рулеткой вместо складного фута и воодушевленная желанием подтвердить правильность мнения мистера Джемисона о моих умственных способностях. Я твердо решила ничего не говорить следователю о своих подозрениях до тех пор, пока моя теория не подтвердится конкретными фактами. Дыра в стене кладовой между дымоходом и внешней стеной зияла по-прежнему. Я еще раз осмотрела ее, но осмотр не дал новых результатов. Однако теперь пространство между кирпичной кладкой и обшивкой под штукатурку показалось мне исполненным нового смысла. В этой дыре виднелась только одна сторона дымохода. Я решила посмотреть, что находится по другую сторону камина.

Я действовала лихорадочно. Лидди ушла в деревню на рынок (по ее твердому убеждению, продавцы в магазинах

всегда недовешивают, если не следить за весами, а теперь, после краха Торгового банка, мы должны жить в режиме жесткой экономии), и я хотела управляться до ее возвращения. Никаких инструментов у меня не было, но, пошарив в чуланах, я нашла садовые ножницы и топорик — и принялась за работу. Штукатурка отваливалась легко, но с обшивкой дело обстояло сложнее: она упруго поддавалась под ударами топорика и снова становилась на место. Необходимость соблюдать осторожность усложнила работу вдвое.

У меня на ладонях уже вздулись водяные пузыри, когда топор наконец пробил обшивку и упал вниз со стука, который мне с перепугу показался оглушительней пистолетного выстрела. Я села на сундук, ожидая услышать пронзительные вопли Лидди, летящей, словно хвостатая комета, вверх по лестнице впереди остальных домашних. Но ничего такого не произошло, и с замирающим от страха сердцем я принялась расширять отверстие.

Результат моих исследований равнялся нулю. Я увидела абсолютно то же самое, что видела с другой стороны камнина: полое пространство между настоящей стеной и фальшивой, футов семь длиной и около трех футов шириной. Ничего общего с потайной комнатой эта полость не имела, и в нее явно не заглядывали со времени строительства дома. Разочарование мое не знало границ.

Мистер Джемисон высказал предположение, что потайная комната (если таковая вообще существует) находится где-то в районе винтовой лестницы. Собственно, движимый этим соображением, он однажды уже исследовал бельевпровод по всей его длине, болтаясь в шахте на веревке. Я уже собиралась с большой неохотой признать правоту следователя, когда взгляд мой упал на камин. Последним, похоже, никогда не пользовались: он был задвинут металлической ширмой. Я во спрятала духом, только убедившись, что ширма закреплена у камина намертво и никуда не убирается.

Я бросилась в соседнюю комнату. Ну, конечно! Там был точно такой же камин, точно так же закрытый металлической ширмой. В обеих комнатах дымоход выступал из стены на значительное расстояние. Я измерила его трясущимися от волнения руками. В одной и другой комнате он выступал из стены на два с половиной фута плюс два зазора по три фута между кирпичной кладкой и обшивкой с одной и с другой стороны. Итого получается восемь футов.

Восемь футов одна сторона и почти семь другая — хороший дымоход!

Но я только определила местонахождение потайной комнаты. Попасть в нее мне не удалось, и традиционные поиски потайной кнопки на деревянной резной полке над камином или под поднимающейся половицей паркета ни к чему не привели. Безусловно, некий способ проникновения в тайник существовал — и, вероятно, очень простой. Но какой именно? И что обнаружу я в потайной комнате? Может, как предполагал мистер Джемисон, деньги и ценные бумаги из Торгового банка? Или вся наша теория неверна от начала до конца? Взял ли Пол Армстронг награбленное с собой? Если нет и если доктор Уокер посвящен в тайну, то он должен был знать, как войти в помещение за камином. Но тогда... кто же тогда проковырял первую дыру в фальшивой стене?

ИСТОРИЯ ЭНН УОТСОН

Лидди обнаружила свежий пролом в стене кладовой, когда мы сидели за ленчом, и с визгом скатилась с лестницы. По ее утверждению, она своими глазами видела, как незримые руки выламывали из стены куски штукатурки. Но при ее появлении бесчинство прекратилось, и она явственно ощутила дуновение холодного сырого воздуха. В подтверждение своих слов Лидди внесла в столовую мои мокрые грязные ботинки, которые я, к несчастью, забыла спрятать, и, держа их перед собой в вытянутой руке, произнесла драматическим тоном:

— Что я говорила вам? Посмотрите! Это ваши ботинки, мисс Рэчел, вымазанные в грязи и насквозь промокшие. Вы вольны смеяться, сколько душе угодно, но кто-то носил ваши ботинки. И говорю вам: от них пахнет кладбищем — это так же точно, как то, что вы сидите перед мной. Чует мое сердце, кто-то бродил в них прошлой ночью по казановскому кладбищу и сидел на могильных плитах!

Мистер Джемисон от удивления лишился дара речи.

— Я совсем не удивлюсь, если так оно и было на самом деле, Лидди, — проговорил он, справившись наконец с дыханием. — Вид этих ботинок говорит сам за себя.

Думаю, следователь разрабатывал план нанесения решающего удара по противнику. Но события развивались так стремительно, что у него не хватило времени привести заду-

мансое в исполнение. Во-первых, позвонили из госпиталя для бедных и сообщили, что миссис Уотсон умирает и что она выразила желание увидеться со мной перед смертью. Мне не очень хотелось идти в госпиталь. Похороны с их торжественной пышностью могут доставить человеку особого рода печальное удовольствие, но смертное ложе внушило мне один ужас. Однако Лидди извлекла на свет божий черное платье и креповую вуаль, которые я держу для подобных случаев, и я отправилась в город. Когда я уходила, мистер Джемисон с подручными досконально исследовал винтовую лестницу: измерял, выступкивал и ощупывал. Я внутренне ликовала, представляя, как я их удивлю вечером. И я действительно удивила их почти до судорог.

От железнодорожной станции я доехала до госпиталя, и меня сразу провели в палату с серыми стенами. Там на высокой железной кровати лежала миссис Уотсон. Она была очень слаба и смогла только открыть глаза и взглянуть на меня, когда я опустилась на стул рядом. Я почувствовала страшные угрозыния совести. Поглощенные своими делами, мы оставили это несчастное создание умирать без единого слова сочувствия.

Медсестра дала больной какое-то возбуждающее средство, и спустя некоторое время она смогла говорить. Однако столь бессвязен и сбивчив был ее рассказ, что я изложу его здесь своими словами. За час, проведенный мною в госпитале, я услышала печальную и трогательную повесть и увидала, как женщина погружается в забытье, уже мало чем отличающуюся от смерти.

Вкратце рассказ домоправительницы сводился к следующему. Сейчас ей было сорок лет. Много лет назад после смерти родителей она осталась за старшую среди многочисленных сестер и братьев. Один за другим умерли и они и легли рядом с родителями в маленьком городке на Среднем Западе. В живых осталась только самая младшая девочка, Люси. На нее-то старшая сестра и обратила всю любовь и нежность своей страстной и эмоциональной натуры. Когда Энн стукнуло тридцать два, а Люси девятнадцать, в их родной город приехал молодой человек. Он возвращался на Восток после летнего отдыха на знаменитом ранчо в Вайоминге — одном из тех, куда состоятельные люди отсыпают своих никчемных и беспутных сыновей подышать свежим воздухом, походить и немножко оздоровиться. Сестры, конечно, ничего этого не знали, а страсть

молодого человека вскружила им голову. Короче, семь лет назад Люси Хасвелл вышла замуж за мужчину, который представился как Обри Уоллес.

Сама Энн Хасвелл осталась вдовой после смерти мужа, который работал плотником в том же городке. Первые три месяца все шло прекрасно. Обри увез молодую жену в Чикаго, где новобрачные поселились в отеле. Возможно, простодушие девушки, очарованное Уоллесом в Вэли Милл, начало раздражать его в большом городе. Молодой человек мало походил на идеального мужа, и когда через три месяца он исчез в неизвестном направлении, Энн почти обрадовалась. Однако Люси тяжело переживала разлуку с любимым. Она чахла, хирела и при рождении сына умерла. Энн взяла ребенка себе и назвала его Люсьеном.

Своих детей у Энн не было, и теперь на мальчика обрастила она весь свой неутоленный инстинкт материнства. Но одна женщина решила для себя твердо: Обри Уоллес должен был заплатить за образование своего сына. Этого требовала ее самозабвенная любовь к мальчику: Энн строила самые честолюбивые планы насчет его будущего.

И вот она приехала на Восток и начала переезжать из города в город, зарабатывая шитьем и содержая дом ради мальчика. Однако скоро Энн поняла, что лучше всего в жизни она умеет вести домашнее хозяйство, поэтому, отдав ребенка в епископальный приют, она поступила на место домоправительницы к Армстронгам. Здесь Энн и нашла отца Люсьена, на сей раз под его настоящим именем. Это был Арнольд Армстронг.

Насколько я поняла, в то время Энн не питала особой ненависти к молодому человеку. Она рассказала Арнольду о мальчике и пригрозила ему разоблачением, если он откажется обеспечить сына. Конечно, поначалу Арнольд давал деньги на ребенка, но потом понял, что в Люсьене заключен весь смысл жизни этой одинокой женщины. Он выяснил, где спрятан мальчик, и начал угрожать тем, что заберет его себе. Энн обезумела от страха. Теперь они с Арнольдом поменялись ролями. Если сначала молодой человек давал деньги на содержание ребенка, то потом он принялся вымогать деньги у Энн Уотсон, и последняя постоянно ходила без гроша в кармане. Чем ниже опускался Арнольд нравственно, тем выше становились его материальные запросы. После его разрыва с семьей ситуация осложнилась еще больше. Энн забрала Люсьена из приюта и спрятала его на одной ферме под Казановой. Туда ездила

она навещать мальчика, и там он заболел тифом. Хозяева фермы были немцами, и фермер называл жену grossmutter. Люсьен превратился в прелестного ребенка, и только в нем видела Энн смысл своей жизни.

Когда Армстронги уехали в Калифорнию, Арнольд начал свои преследования с новой силой. Обнаружив исчезновение ребенка из приюта, он впал в страшную ярость, и миссис Уотсон испугалась. Она покинула особняк и поселилась в сторожке, рассчитывая, что с моим появлением в Саннисайде молодой Армстронг утихомирится. Итак, миссис Уотсон попросилась ко мне на место домоправительницы и заступила на работу.

Это произошло в субботу. В эту ночь в Саннисайд неожиданно прибыла Луиза. Томас послал за миссис Уотсон, а потом пошел в клуб за Арнольдом Армстронгом. Энн любила Луизу — та напоминала ей покойную сестру. По совершенно непонятной причине Луиза находилась в состоянии крайнего возбуждения. Миссис Уотсон старалась избежать разговора с молодым человеком, но он вел себя безобразно. Он покинул сторожку и направился к особняку около половины третьего. Ему открыли дверь в восточном крыле, и очень скоро он вышел обратно. Миссис Уотсон не знала, что произошло в доме, но через считанные секунды мистер Иннес и другой джентльмен уехали куда-то на машине.

Они с Томасом успокоили Луизу, и незадолго до трех домоправительница пошла к дому. Томас дал ей ключ от восточной двери.

На лугу ее встретил Арнольд Армстронг, который по какой-то причине настоятельно хотел попасть в Саннисайд. В руке он держал случайно найденную в траве клюшку для игры в гольф, и на отказ впустить его в дом ударил женщину упомянутой клюшкой, острым концом сильно поранив ей руку. От этой раны у миссис Уотсон началось заражение крови. Обезумев от ярости и страха, она бросилась прочь и вбежала в дом в тот момент, когда Гертруда и Джон Бэйли находились у парадной двери. Едва отдавая себе отчет в действиях, женщина поднялась наверх. Дверь в спальню Гертруды была открыта, и на постели лежал револьвер Хэлси. Миссис Уотсон схватила его и устремилась к винтовой лестнице. На полу пути вниз она услышала, как Арнольд возится с замком снаружи. Женщина неслышно скользнула к двери, отперла ее и метнулась обратно к лестнице. Было очень темно, но манишка Арнольда

смутно белела в темноте. И с четвертой ступеньки миссис Уотсон выстрелила. Молодой человек упал, и тут в бильярдной кто-то пронзительно вскрикнул и бросился прочь. Когда весь дом поднялся по тревоге, домоправительница не успела подняться наверх и, спрятавшись в западном крыле, подождала, пока все спустятся на первый этаж, а потом незаметно пробралась наверх, выбросила револьвер из окна и спустилась вниз как раз вовремя, чтобы открыть дверь джентльменам из клуба «Гринвуд».

Если Томас подозревал что-то, то он никогда не говорил об этом. Когда раненая рука распухла и покернела, миссис Уотсон дала старику адрес Люсьена в Ричфилде и почти сто долларов. Деньги предназначались для содержания мальчика до ее выздоровления. Она послала за мной, чтобы спросить, не попытаюсь ли я как-нибудь заинтересовать Армстронгов в судьбе ребенка. Понимавшая себя хуже, миссис Уотсон написала миссис Армстронг о том, что рожденный в браке ребенок Арнольда находится в Ричфилде. Теперь она умирает. Мальчик является законным сыном Армстронга и имеет полное право на долю отца от состояния семьи. Все документы хранились в ее сундуке в Саннисайде — вместе с письмами покойного, подтверждающими правдивость ее рассказа. Она умирала и уже не подлежала суду по земным законам — а в ином мире, возможно, Люси попросит об оправдании старшей сестры. Это она на цыпочках спускалась вниз по винтовой лестнице к месту преступления в тот вечер, когда мистер Джемисон услышал в темноте чьи-то шаги. Спасаясь от погони, она метнулась в первую попавшуюся дверь и упала по бельеводу в прачечную. Я чуть не заплакала от облегчения: в конце концов это была не Гертруда!

Вот и вся история. Печальная и трагичная, хотя, поведав ее, умирающая явно испытала облегчение. Она не знала о смерти старого Томаса, и я не стала рассказывать ей об этом. Я обещала присмотреть за маленьким Люсьеном и долго сидела у постели миссис Уотсон. Периоды просветления становились все короче, и, наконец, больная впала в беспамятство. Этой же ночью она умерла.

У ПОДНОЖИЯ ЛЕСТНИЦЫ

Когда я неслась от железнодорожной станции Казановы на извозчике, я видела следователя Бернса, который оши-

вался напротив дома Уокера. Итак, Джемисон начинал закручивать гайки, пока легонько, но я чувствовала, что время решительных действий уже очень близко.

В доме царило спокойствие. Две ступеньки винтовой лестницы были разобраны, но безрезультатно. От Гертруды пришла вторая телеграмма с сообщением о том, что они с Хэлси приедут в Саннисайд этим вечером. В остальном все оставалось по-прежнему. Мистер Джемисон, потерпев неудачу в поисках потайной комнаты, отправился в деревню. Позже я узнала, что следователь заходил к доктору Уокеру под предлогом острого несварения и перед уходом поинтересовался, в котором часу уходит вечерний поезд в город. Он пожаловался, что потерял кучу времени на этом деле, и посетовал на мое слишком сильно развитое воображение. У доктора сложилось впечатление, что дом охраняется день и ночь. Да бросьте, место с такой репутацией не нуждается в охране! — это Джемисон. И действительно, ранним вечером следователь в сопровождении двух частных детективов прошел по главной улице Казановы и сел на поезд, идущий в город.

О том, что они высадились на следующей станции и с наступлением сумерек вернулись в Саннисайд, тогда еще никто не знал. Лично я, понятия не имела об их перемещениях, поскольку в то время была поглощена совершенно другими мыслями.

Пока я отдыхала после поездки, Лидди принесла мне чай. Помимо всего прочего, на подносе лежала книжка из казановской библиотеки. Она называлась «Незримые миры», и на яркой обложке ее полдюжины закутанных в саваны фигур водили хоровод вокруг надгробной плиты.

В этой части повествования Хэлси всегда говорит: «Вот поручите женщине сложить два и два и получите шесть». На что я обычно отвечаю: «Если два плюс два икс равно шести, то вычислить неизвестную величину проще простого. А полный дом детективов упустил это обстоятельство из виду, поскольку все старательно пытались доказать, что два плюс два равняется четырем».

Моя депрессия, вызванная посещением госпиталя, прошла при мысли о скорой встрече с Хэлси. Около пяти часов Лидди оставила меня соснуть, предварительно засунув в сей-рый шелковый халат и шлепанцы. Я прислушалась к ее удаляющимся шагам, а через минуту поднялась в кладовую. Все вещи там стояли на своих местах. И я сразу принялась за поиски входа в потайную комнату. В проломах в стене,

проделанных по обеим сторонам камина, виднелись лишь три фута кирпичной стены. Ничто не указывало на наличие двери: ни рычагов, ни петель. Значит, нужно было искать либо на каминной полке, либо на крыше. После получаса безуспешной возни возле каминной полки я решила попытаться счастья на крыше.

Я не особо люблю высоту. Несколько раз в жизни мне приходилось взбираться на стремянку, и всякий раз я спускалась с нее с головокружением и страшной слабостью в коленях. Вершина памятника Вашингтону для меня так же недосыгаема, как президентское кресло. И тем не менее я вылезла на крышу Саннисайда без малейшего колебания. Я шла, как собака по запаху, как мой воинственный предок по следу зверя, меня гнали вперед азарт охоты, страсть погони и безумие схватки. Последнего, правда, во мне уже оставалось немного, когда я вылезла через окно незаконченного танцала на крышу восточного крыла здания, которое было всего в два этажа высотой.

На крышу центральной части Саннисайда оттуда вела прикрепленная к наружной стене танцала вертикальная железная лесенка высотой футов двенадцать. Двенадцать футов кажутся очень короткими снизу, но преодолеть их довольно трудно. Я запахнула поплотнее полы своего шелкового халата и перевалилась через верхнюю ступеньку лесенки. Задыхаясь, я села на краю крыши и воткнула шпильки в прическу понадежней. Халат мой надувался на ветру, словно парус. Зацепившись за что-то на лестнице, я вырвала из полы широкую полосу шелка и теперь, безжалостно отдав ее, обвязала вокруг головы.

Снизу на удивление отчетливо доносились самые незначительные звуки: я услышала свист мальчишки-почтальона, идущего вниз по аллее. И еще кое-что... Удар камня о землю и звук плевка, за которым последовало испуганное мяуканье Бьюлы. Я моментально забыла свой страх высоты и подошла к самому краю крыши.

Было уже около половины шестого, и начинало смеркаться.

— Эй ты там, внизу! — окликнула я.

Мальчишка обернулся, огляделся по сторонам и, никого не увидев поблизости, поднял глаза. Несколько мгновений он стоял, окаменев от ужаса, потом испустил душераздирающий вопль, уронил газеты на землю и рванул направляясь через луг к дороге, не оборачиваясь. Один раз мальчишка упал, тут же вскочил и без малейшей задержки лихо пер-

махнул через живую изгородь, которую при обычных обстоятельствах едва ли преодолел бы взрослый мужчина.

Я рада тому, что поучаствовала таким образом в создании легенды о Серой Леди, до сих пор чрезвычайно популярной в Казанове. Полагаю, местные жители пришли к выводу, что, швырнув камень в черную кошку, непременно навлечешь на себя беду.

Итак, Джонни Сунни мчался в облаке пыли по дороге, час обеда приближался, и я поспешила заняться своими исследованиями. К счастью, крыша была плоской, и я смогла внимательно осмотреть каждый дюйм ее поверхности. Но меня опять постигло разочарование: никакого люка, никакого окна я не обнаружила — ничего, кроме двух труб дюйма два в диаметре и высотой дюймов в восемнадцать, стоящих на расстоянии трех футов друг от друга. Приподнятая железная шляпка над каждой трубкой защищала помещение от дождя, но не мешала доступу воздуха. Я подняла с крыши маленький камушек, бросила его в одну из трубок и прислушалась. Камушек ударился обо что-то с резким металлическим звуком, но судить о расстоянии, которое он пролетел, я не могла.

Наконец я сдалась, спустилась по лесенке и, никем не замеченная, влезла обратно в дом через окно танцзала. Я сразу вернулась в кладовую и, сидя на сундуке, принялась как можно более методично обдумывать стоящую передо мной проблему. Если трубы на крыше являлись вентиляционными и никакого люка наверху не было, значит, вход в потайную камеру следовало искать в одной из двух комнат, между которыми она находилась.

Каминная полка буквально заворожила меня. Деревянная, резная — и чем дольше я смотрела на нее, тем больше удивлялась тому, на что раньше не обращала внимания — на полную неуместность такой роскошной полки в подобном помещении. Она была покрыта завитками и ромбами. Совершенно случайно, в процессе исследования я сдвинула с места один ромбик. Под ним оказалась маленькая бронзовая ручка.

Думаю, нет необходимости подробно описывать смешанное чувство отчаяния, надежды и страха, которое я испытала, поворачивая ручку. Сначала она поворачивалась легко и ничего как будто не происходило, потом вдруг застопорилась. Я со щелчком повернула ее дальше, и весь камин внезапно отъехал от стены почти на фут, открыв зияющий черный провал.

Я глубоко вздохнула, закрыла дверь кладовой (слава богу, я не заперла ее!) и, еще немного отодвинув камин от стены, ступила в комнату-дымоход. Я успела рассмотреть в полуоткрытом маленький переносной сейф, простой деревянный стол и стул, а затем дверь-камин плавно встала на место и со щелчком закрылась. Мгновение я стояла в полной темноте, не в силах осознать случившееся. Потом повернулась и бешено заколотила кулаками в дверь. Она снова была заперта, и пальцы мои скользили по совершенно гладкой поверхности без намека на какие-либо кнопки или ручки.

Я страшно разозлилась на себя, на дурацкую дверь, на все на свете. Умереть от удушья я не боялась, ибо сразу увидала над головой два бледных пятнышка света. Но вентиляционные трубы только снабжали помещение воздухом — и ничего больше. В потайной комнате царила непроглядная тьма.

Я опустилась на жесткий стул и попыталась вспомнить, сколько дней может прожить человек без пищи и воды. Когда подобные мысли стали однообразны и мучительны, я поднялась и, согласно освященному веками правилу, которого придерживаются все люди, запертые в незнакомых темных комнатах, на ощупь прошла вдоль всех четырех стен, ощущая под пальцами лишь шероховатую поверхность досок. Комната казалась чрезвычайно маленькой. Когда я направилась обратно к стулу, что-то сильно ударило меня по лицу и упало на пол с грохотом, подобным тысяче взрывов. Отдышавшись, я обнаружила, что разбила головой свисающую с потолка электрическую лампочку. То есть, когда бы не сей несчастный случай, я имела бы возможность умереть от голода в ярко освещенном склепе.

Должно быть, я вздрогнула немножко. Сознания я не теряла точно. Помню, я все прикидывала, кому какие из моих вещей достанутся, если меня не найдут. Лидди, конечно, захочет взять мое бледно-лиловое поплиновое платье, а она — пугало пугалом в лиловом. Один или два раза я слышала шорох мыши в перекрытиях, поэтому села на стол и поставила ноги на стул. Мне казалось, я слышу, как домашние ищут меня внизу. А один раз кто-то вошел в кладовую: я отчетливо услышала шаги.

— Я в дымоходе! В дымоходе! — закричала я изо всех сил и была вознаграждена пронзительным визгом Лидди и оглушительным грохотом захлопнутой двери.

После этого мне немного полегчало, хотя меня страшно

разморило от жары. Но я не сомневалась, что теперь поиски пойдут в нужном направлении. Спустя некоторое время я задремала. Как долго я спала, не знаю.

Должно быть, прошло несколько часов. Проснулась я от того, что все тело затекло от неудобного положения. В голове у меня гудело, и несколько минут я не могла сообразить, где нахожусь. Постепенно я все вспомнила и осознала тот факт, что, несмотря на вентиляционные отверстия, воздух в камере спрятый и дышать становится все тяжелей. Лицо мое было потным и липким. Должно быть, я проспала долго, и поиски тем временем переместились на улицу: люди прочесывали лес, искали в ручье. Я знала, что через час-два потеряю сознание, а в способности кричать заключался мой единственный шанс на спасение. Вентиляционные трубы, очевидно, вследствие какой-то неисправности поставляли в камеру ужасную смесь тяжелого спретого воздуха и тепла. Я пыталась сохранить сознание, расхаживая взад-вперед вдоль стены, но силы мои скоро иссякли, и я вновь села на стол, прижалась спиной к стене.

В доме было очень тихо. Один раз я уловила напряженным слухом шаги где-то внизу, вероятно, в моей спальне. Я схватила стул и бешено заколотила им в пол. Ничего не произошло. Я с горечью осознала, что если звук вообще слышен внизу, то наверняка отнесен к разряду тех стуков, которые недавно пугали нас так сильно.

Судить о времени я не могла. Я отмерила пять минут по пульсу, приняв за минуту семьдесят два удара. Но на это ушла целая вечность, и под конец я стала путаться и сбиваться в счете.

Потом до меня донеслись снизу какие-то звуки: частый глухой стук,ibriющий гул, который я скорее ощущала физически, нежели слышала, что-то очень похожее на шум работающих пожарных насосов. В какой-то момент я решила, что дом горит, и у меня болезненно сжалось сердце. Потом я вдруг поняла: это гудел мотор автомобиля. Хэлси возвратился домой! Ясная голова Хэлси и интуиция Гертруды смогут сделать то, чего не сделали истерика Лидди и три детектива. Спустя какое-то время я убедилась в своей правоте. Внизу началось движение: захлопали двери, забегали люди, смутно слышались возбужденные восклицания. Я надеялась, что звуки эти начнут приближаться, но вскоре они затихли вдали, и я опять осталась в тишине и жаре, под тяжким грузом густой тьмы, в плена стен, которые, надвигаясь со всех сторон, душили меня.

Первым предупреждением мне явилась тихая возня у замка потайной двери. Я открыла рот, чтобы закричать, и осеклась. Возможно, ситуация научила меня осторожности. Возможно, я инстинктивно почувствовала опасность. Во всяком случае я сидела, не шевелясь, а кто-то по ту сторону камина в полной тишине пробежал пальцами по резной полке и нашел двигающийся ромбик.

Теперь шум внизу стал тромче. По грохоту и топоту я поняла, что несколько людей бегут вверх по лестнице, а через несколько секунд я даже смогла разобрать отдельные слова.

— Наблюдайте за лестницей! — кричал Джемисон. — Черт!.. Здесь нет света! — И секундой позже: — Ну-ка, навалились все!.. Раз, два, три...

Дверь в кладовую была заперта изнутри. В тот самый момент, когда она распахнулась и с грохотом ударила о стенку, впуская людей, чьи-то осторожные пальцы повернули потайную ручку — и дверь-камин, отодвинувшись от стены, тут же вновь встала на место. Только теперь (Лидди всегда визжит и затыкает уши на этом месте рассказа), только теперь я находилась в потайной камере не одна. Рядом в темноте слышалось чье-то тяжелое дыхание, и я легко могла дотронуться до неизвестного рукой. Меня буквально парализовало от ужаса. За стеной слышались недовольные восклицания и проклятья. В поисках неизвестного там судорожно передвигали сундуки и распахивали окна. А человек, находящийся рядом со мной в темноте, прислонился к потайной двери и прислушивался. Его преследователи остались ни с чем. Он облегченно вздохнул и повернулся, собираясь нашарить свой путь в темноте. И тут... он дотронулся до моей руки — холодной, липкой, безжизненной!

Рука в пустой комнате. Человек судорожно втянул ртом воздух и молниеносно отдернул руку но, помимо этого, он не сделал ни единого движения. Думаю, от дикого ужаса у него перехватило дыхание. Потом шаг за шагом он начал пятиться от меня. Неведомый кошмар в углу! Кажется, он по-прежнему не дышал.

И только теперь, когда нас разделяло некоторое расстояние, я закричала — пронзительно, исступленно. И люди по ту сторону стены услышали меня.

— Я в дымоходе! — провизжала я. — За камином! За камином!

С проклятием неизвестный бросился на меня, и я снова

заполнила. В слепой ярости он промахнулся и сильно ударился о стену. Я отскочила и схватила стул. Секунду-другую он стоял, прислушиваясь, затем снова кинулся на меня. Я ударила невидимого противника стулом и, кажется, оглушила его, ибо вновь наступила короткая пауза, во время которой я слышала тяжелое дыхание неизвестного и чей-то крик из-за стены.

— Мы никак... не можем... открыть! Как... тут... открывается?..

Но человек в темноте изменил свою тактику. Теперь он дюйм за дюймом подкрадывался ко мне, а я не знала, с какой стороны. Потом он внезапно схватил меня, зажал ладонью мне рот, и я укусила его. Сильная рука сжала мне горло. Я уже не могла сопротивляться. Кто-то отчаянно пытался взломать потайную дверь. Я уже начала оседать на пол, когда на противоположной стене появилась тонкая полоска желтоватого света. Мой противник тоже увидел ее и с яростным проклятием отшвырнул меня прочь. Потом бесшумно открылась такая же потайная дверь в противоположной стене — и так же бесшумно закрылась! Я осталась одна. Неизвестный скрылся.

— В соседней комнате! — дико заполнила я. — В соседней комнате!

Но грохот ударов по двери заглушил мои крики. Прошло минуты две, прежде чем мои спасители поняли меня. Тогда они бросились в погоню за преступником, а у камина остался только Алекс, преисполненный решимости освободить меня как можно скорее. Когда я — снова свободная женщина — вышла в кладовую, приглушенные звуки погони доносились откуда-то снизу.

Должна признать, что, несмотря на страстное желание освободить меня, Алекс не обратил внимания на мое бедственное состояние. Он прыгнул в потайную комнату и схватил переносной сейф.

— Я отнесу это в комнату мистера Хэлси, мисс Иннес, — сказал он. — И пошлю одного из детективов стеречь его.

Я едва слышала молодого человека. Мне хотелось смеяться и плакать одновременно, хотелось заползти в постель, выпить чашку чая, отругать Лидди и сделать тысячу других самых естественных вещей, которые я уже не надеялась сделать когда-либо. И воздух! И дуновение прохладного ночного ветра в лицо!

На втором этаже нас встречал мистер Джемисон. Он

казался серьезным и спокойным и при виде сейфа понимающе кивнул.

— Вы не можете уделить мне несколько минут, мисс Иннес? — сдержанно спросил он, а когда я кивнула, повел меня в восточное крыло. На первом этаже мелькали огни ручных фонарей, и сбившиеся на площадке служанки глязели вниз.

Завидев меня, они завизжали и расступились в стороны. На миг водворилась тишина, а потом Алекс пробормотал за моей спиной что-то невнятное и, бесцеремонно отодвинув меня плечом, бросился вниз. Тогда я поняла, что у подножия винтовой лестницы лежит скрюченный человек и Алекс склоняется над ним.

Когда я медленно спустилась по ступенькам, Уинтерс отступил назад, а Алекс выпрямился и устремил на меня отрешенный взгляд. В руке он держал лохматый седой парик, а передо мной на полу лежал человек, надгробный памятник которому стоял на казановском кладбище, — Пол Армстронг.

В нескольких словах Уинтерс рассказал мне о случившемся.

Пол Армстронг, преследуемый по пятам Уинтерсом, споткнулся на полном бегу, пролетел вниз и со всей силы ударился головой о дверь на восточную террасу. Вероятно, он сломал себе шею и уже умер, когда Уинтерс добежал до него.

Внезапно я увидела в дверях рабочего кабинета Хэлси, бледного и потрясенного, и впервые за этот вечер потеряла самообладание. Я бросилась к моему мальчику, и несколько секунд ему пришлось поддерживать меня. Потом через плечо Хэлси я увидела нечто, давшее моим чувствам новое направление — ибо за его спиной в полутемном кабинете стояли Гертруда и Алекс, садовник, и — нет смысла таить! — они целовались!

Я буквально потеряла дар речи. Дважды я открывала и закрывала рот, потом развернула Хэлси за плечи в сторону молодых людей и молча указала на них пальцем. Они нас совершенно не замечали: голова Гертруды поклонилась на плече садовника, а он зарылся лицом в ее волосы. Идиллию нарушил мистер Джемисон.

Он шагнул к Алексу и дотронулся до его плеча.

— Ну и как долго, — спросил следователь, — мы с вами будем еще разыгрывать нашу маленькую комедию, мистер Бэйли?

ВСЕГО ПОНEMНОГУ

О сенсационном побеге доктора Уокера в ту ночь в Южную Америку, об обнаружении в переносном сейфе миллиона с лишним долларов наличными и ценными бумагами газеты сообщили во всех подробностях. О моем решающем участии в поисках потайной комнаты они самым странным образом умолчали. Подлинная история раскрытия преступления осталась неизвестной широким слоям общественности. Мистер Джемисон пожинал лавры успеха, частично заслуженного. Но если бы Джон Бэйли под видом Алекса не выследил Хэлси и не настоял на необходимости вырыть гроб Пола Армстронга, если бы он не заподозрил правду с самого начала, где бы был наш следователь?

Узнав всю правду, Хэлси, несмотря на слабость, отправился на следующее утро к Луизе, и к вечеру девушка уже находилась в Саннисайде под заботливым присмотром Гертруды. Мать же ее уехала к Барбаре Фитцхуг.

Я никогда не узнала, что сказал Хэлси миссис Армстронг, но, несомненно, мальчик вел себя благородно и тактично, как всегда с женщинами.

Он и Луиза не имели возможности поговорить до того вечера. Гертруда и Алекс — то есть Джек — ушли на прогулку, хотя было уже девять часов вечера и все, кроме пары молодых дурачков, понимали, что прогулки по вечерней росе чреваты сильной простудой.

В половине десятого, устав от собственной компании, я спустилась вниз к молодым людям. Гертруда и Джек уже вернулись и сидели рядышком на диване в освещенной единственной лампой гостиной. Они не увидели и не услышали меня. Я поспешно ретировалась в библиотеку, но и оттуда мне пришлось отступить. Там в глубоком кресле сидела Луиза с совершенно счастливым лицом, а на ручке кресла сидел Хэлси, крепко обнимая девушку за плечи.

Старой деве средних лет здесь явно было не место. Я возвратилась в свою гостиную и извлекла на свет божий лиловые тапочки Элизы Кляйнефелтер. Увы, мое материнство скоро снова придется посыпать нафталином.

На следующий день мало-помалу я узнала наконец всю историю.

Пола Армстронга преследовала всю жизнь одна злая страсть: любовь к деньгам. Как это часто бывает, он любил деньги ради самих денег. Все бухгалтерские книги за прошлый год (с того времени, когда кассиром в Торговом банке

начал работать Джек) оказались в полном порядке. Но записи, сделанные кассиром Андерсоном, ныне покойным, оказались большей частью фальшивыми. На строительство железной дороги в Нью-Мехико президент Торгового банка истратил, очевидно все свое состояние и решил вернуть его одним махом. Он задумал ни больше ни меньше, как кражу ценных бумаг с последующим обращением их в наличные деньги и побег.

Но у закона длинные руки. Похоже, Пол Армстронг тщательно изучил ситуацию. Хороший индеец — это мертвый индеец, так и спокойный банкир — это мертвый банкир. Он решил умереть для виду, а когда шум уляжется, наслаждаться своим богатством, сколько душе угодно.

Но ему требовались соучастники. Чувство доктора Уокера к Луизе предполагало возможность сделки. Молодой человек не отличался щепетильностью, и, используя Луизу как приманку, Армстронг очень скоро поймал его на крючок. План был восхитительно прост. Маленький городок на Западе, сердечный приступ. Коллега доктора Уокера высылает последнему в сундуке труп из прозекторской колледжа в Сан-Франциско, который и выдается за тело мертвого банкира. Что может быть проще?

Нина Каррингтон явилась неожиданным препятствием. Что она подозревала, что знала наверняка, мы никогда не узнаем! Женщина служила горничной в отеле города С. и, очевидно, намеревалась шантажировать доктора Уокера. Молодой человек оказался в неприятной ситуации: выплата женщине денег за молчание равносильна признанию. Он от всего отрекся, и Каррингтон отправилась к Хэлси.

После разговора с ней Хэлси помчался к доктору. Он обвинил его в обмане и, зайдя потом в соседний коттедж, бросил какие-то жестокие слова Луизе. Затем, ослепленный гневом, он полетел к станции. Доктор Уокер и Пол Армстронг (все еще припадающий на левую ногу) поспешили к железной дороге, твердо зная единственное: детектив не должен знать о подозрениях Хэлси до тех пор, пока они не заберут деньги из потайной комнаты. Они выскочили на дорогу перед автомобилем с целью остановить его, но счастливый случай помог им. Машина врезалась в вагон, и им осталось только избавиться от бесчувственного тела. Что они и сделали уже известным образом. Три дня Хэлси лежал в товарном вагоне, связанный по рукам и ногам. Он безумно страдал от жажды и временами впадал в забытье. Ему оставалось уже недолго жить, когда какой-то бродяга нашел его в Джонсонвилле.

Теперь снова о Поле Армстронге. В последний момент все планы его рухнули. Саннисайд со спрятанным в тайнике состоянием был сдан внаем без его ведома! Все его попытки выселить меня оттуда успехом не увенчались. Лестница в бельевом проводе, пожар на конюшне, проникновение в дом через разбитое окно рабочего кабинета — все это свидетельства отчаянных попыток добраться до тайника. Самыми крупными камнями преткновения с самого начала явились Луиза и ее мать. Армстронг рассчитывал отослать куда-нибудь Луизу на время, чтобы она не могла помешать осуществлению планов, но девушка вернулась в отель города С. в самый неподходящий момент. Произошла ужасная сцена. Девушке сказали, что подобный шаг необходим: банк находится на грани краха, и отчим либо избежит таким образом ареста и позора, либо покончит жизнь самоубийством.

Фанни Армстронг была человеком слабым, но справиться с Луизой оказалось намного, труднее. Она не любила отчима, но любила мать до самопожертвования. Склоненная мольбами матери к фактическому соучастию в преступлении, потрясенная происходящим, девушка дала согласие молчать и бежала из города.

Откуда-то из штата Колорадо она послала анонимную телеграмму Джону Бэйли; поскольку не хотела видеть невиновного человека за решеткой. Именно эта телеграмма и погнала разъяренного кассира в четверг ночью в банк.

Луиза прибыла в Саннисайд и обнаружила, что дом сдан. Не зная, что ей делать, она послала за Арнольдом в клуб «Гринвуд» и кое-что рассказала ему; но не все. Девушка сказала брату, что Торговый банк скоро закроется в связи с какими-то неприятностями, в которых виноват Пол Армстронг. К удивлению Луизы, Арнольд уже знал о делах Торгового банка от Бэйли. Более того, в отличие от сестры он подозревал, что украденные деньги спрятаны в Саннисайде. У него имелся обрывок записки, в которой указывалось местонахождение потайной комнаты.

В молодом человеке взыграла наследственная алчность. С целью избавиться от присутствия Хэлси и Джека Бэйли в Саннисайде он отправился в особняк и дал кассиру то, что отказался дать раньше этим вечером: адрес Пола Армстронга в Калифорнии и телеграмму от доктора Уокера, пришедшую в клуб на имя Бэйли. Это был ответ на телеграмму, посланную Бэйли несколько дней назад. В послании сообщалось о тяжелой болезни банкира.

Бэйли находился на грани отчаяния. Он решил отправиться на Запад и, разыскав Пола Армстронга, вынудить его вернуть украденное. Но катастрофа в банке разразилась раньше, чем он предполагал. В ожидании поезда на Запад на станции Эндрю, где мистер Джемисон и нашел машину Хэлси, молодой человек прочитал в газете о закрытии банка и, возвратившись в город, сдался властям.

Джек Бэйли хорошо знал Пола Армстронга и не верил, что последний уже успел переправить деньги куда-то: слишком мало времени прошло с момента похищения. Но где же они были спрятаны? Случайное замечание, несколькими месяцами ранее оброненное Арнольдом Армстронгом во время обеда, внушило Бэйли уверенность в том, что в Саннисайде есть потайная комната. Он попытался выяснить этот вопрос у архитектора, проектировавшего особняк, но тот отказался обсуждать эту тему из соображений профессиональной этики. Идея поселить Джона Бэйли в доме под видом садовника и дать ему таким образом возможность спокойно продолжать поиски тайника принадлежала Хэлси. Сбритые усы, простая рабочая одежда и стрижка, сделанная сельским парикмахером, послужили прекрасной маскировкой.

Итак, именно Алекс, Джек Бэйли, был загадочным саннисайдским привидением. Он не только испугал Луизу на винтовой лестнице (и испугался сам, по его собственному признанию), но и проделал дыру в стене кладовой, позже до смерти напугав Элизу. Записку Гертруде, найденную Лидди в мусорной корзине, писал он. И он же, напугав меня до потери сознания возле бельевой камеры, с помощью Гертруды перенес меня в спальню Луизы. Девочка моя, как я узнала впоследствии, в страшной тревоге за меня провела возле моей кровати всю ночь.

Старый Томас увидел своего хозяина и решил, что это и есть саннисайдское привидение. Рассказ Томаса о том, что он видел Джека Бэйли на тропинке между клубом и Саннисайдом в ту ночь, когда мы с Луизой слышали шум на винтовой лестнице, тоже подтвердился. В ночь накануне убийства Арнольда Армстронга Джек Бэйли предпринял попытку отыскать тайник. Он незаметно взял ключи Арнольда из его комнаты в клубе и проник в дом, вооружившись клюшкой для простукивания стен. Он налетел в темноте на корзину на верхней лестничной площадке, потерял запонку и с грохотом уронил клюшку. Молодой человек спешно покинул дом и последним поездом уехал в город.

Самым странным открытием для меня явилось то, что мистер Джемисон некоторое время уже знал о подлинности личности Алекса. Но на лице псевдосадовника появилось страшно забавное выражение в ту ночь, когда в рабочем кабинете следователь повернулся к нему и сказал:

— И как долго мы с вами будем еще разыгрывать нашу маленькую комедию, мистер Бэйли?

Что ж, теперь все осталось позади. Пол Армстронг покончился на казановском кладбище — на сей раз в этом не может быть сомнений. Я самолично присутствовала на похоронах с целью убедиться, что его действительно закопают. Я смотрела на ступень обелиска, на которой сидела в ту ночь, и думала: неужели все это произошло на самом деле? Саннисайд продаётся. Нет, я не стану покупать его. Маленький Люсъен Армстронг живет со своей приемной бабушкой, и она постепенно оправляется от потрясений, преследовавших ее на всем протяжении второго замужества. Энн Уотсон лежит недалеко от человека, которого она убила и который явился причиной ее смерти. Томас, четвертая жертва преступления, похоронен на холме возле негритянской церкви. Вместе с Ниной Каррингтон в ходе страшных событий погибло пять человек.

Очень скоро состоятся две свадьбы, и Лидди попросила у меня позволения надеть в церковь мое бледно-лиловое поплиновое платье. Я так и знала, что она попросит. Она три года мечтает об этом платье и закатила мне страшную истерику, когда я пролила на него кофе. Сейчас мы с ней живем душа в душу. Лидди по-прежнему придерживается версии о привидениях и в доказательство последней ссылается на мокрые грязные ботинки, найденные в кладовой. Я уже седа, признаюсь, но в последние десять лет не чувствовала себя лучше. Иногда, когда мне становится скучно, я зову Лидди, и мы с ней снова вспоминаем лето, проведенное в Саннисайде. Когда Уорнер женился на Рози, Лидди фыркнула и сказала, что качество, которое я принимаю в Рози за преданность, является ни чем иным, как славостью.

И так мы сидим и разговариваем, и иногда Лидди грозится уйти от меня, и часто я обещаю рассчитать ее — но мы остаемся все-таки вместе. Я поговариваю об аренде дома на следующее лето, а Лидди настаивает на необходимости убедиться сначала, что там нет привидений. Но если говорить откровенно, я никогда не жила по-настоящему до того лета. С тех пор как я начала писать эту историю,

прошло много времени. Мои соседи уже упаковывают вещи, готовясь к следующему летнему сезону. Лидди натягивает тенты над окнами и насыпает землю в наружные ящики для цветов. Хочет Лидди или не хочет, но завтра я подаю в газету объявление об аренде дома в деревне, и меня мало волнует, будет там Винтовая Лестница или нет.

Содержание

Маргарет Миллар
СОВСЕМ КАК АНГЕЛ

3

Мэри Робертс Райнхарт
ВИНТОВАЯ ЛЕСТНИЦА

269

Неоготический детектив

Перевод с английского

Редактор Г. А. Аванесова
Технический редактор В. В. Ильчёва
Художник М. А. Широков
Корректор А. Л. Уманская

Сдано в набор 14.04.93. Подписано в печать 31.05.93. Формат 84×108/32.
Бумага газетная, кн.-журн. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ.
л. 24,36. Уч.-изд. л. 26,73. Тираж 125 000 экз. Заказ № 4085.

Издательство «Деком», 603000, Нижний Новгород, ул. Горького, 107
Издательство «ИМА-пресс», 113114, Москва, ул. Кожевническая, 13.
ГИПП «Нижполиграф», 603006, г. Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.